

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник

**избранные
стихотворения и поэмы**

составитель Дональд Рейфилд

Москва О·Г·И 2008

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос = Рус)-5

Щ58

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

В оформлении книги использованы фотографии, предоставленные Центральным театральным музеем им. А. А. Бахрушина

Щепкина-Куперник Т. А.

Щ58 Избранные стихотворения и поэмы / Татьяна Львовна Щепкина-Куперник / Сост. Д. Рейфилд. — М.: ОГИ, 2008. — 360 с.

ISBN 978-5-94282-443-3

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874 – 1952) — классик русской переводческой школы, известна переводами комедий Шекспира и Ростана, своими мемуарами, а чеховедам — как близкая знакомая семьи Чеховых. Но мало кто знает, что она была также незаурядной поэтессой. В этой книге, подготовленной известным английским славистом Дональдом Рейфилдом, собраны ее лучшие стихотворения и поэмы, многие из которых издаются впервые.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос = Рус)-5

ISBN 978-5-94282-443-3

© Д. Рейфилд, составление,
предисловие, примечания, 2008
© ОГИ, 2008

Забывтая поэтесса:

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник

Это будет много лет спустя — может быть в 21-м, может быть в 22-м веке — так, в 2125 году... какой-нибудь критик — вернее всего женщина... захочет воскресить несколько забытых теней и начнет заниматься моими уцелевшими сочинениями <...>

Ей захочется знать, о чьих глазах писала я, кого я ласкала в белые ночи, с кем скиталась по Европе, свободная и счастливая, как ветер... Но энциклопедические словари и сборники об этом будут молчать. Только трепет и женственность переживаний немного заденут ее и в этих старомодных формах, после многовекового забвения. И она напишет прелестную статью, озаглавив ее «Забывтая поэтесса»...¹

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник

Целый ряд русских поэтесс начала двадцатого века, многие из которых работали в жанре сапфической поэзии, сегодня возвращены читателю. Мы можем заново оценить Аделаиду Герцык, Софию Парнок, Поликсену Соловьеву, можем даже убедить себя в реальности существования Черубины де Габриак. Среди них Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874—1952) была поэтессой если не бесспорно более крупной, то по крайней мере и более плодотворной, и более популярной; а личная же жизнь ее вызывала тьму пересудов. Она к тому же пережила большинство своих современниц. Среди опубликованных ею стихов, как вошедших в сборники, так и рассыпанных по периодике, не меньше дюжины не испортили бы репутации ни

¹ РГАЛИ. Ф 571, оп. 1, ед. 104, л. 33; машинопись конца 1940-х. Большая часть архива Т. А. Щепкиной-Куперник находится в РГАЛИ, но значительная часть находится в Отделах рукописей и ГПБ и РГБ, в Бахрушинском театральном музее и в ИРЛИ. Выражаю свою благодарность директорам и сотрудникам этих архивов, как и Анне Пилкингтон за ее зоркие редакторские способности, Виктории Мусвик за дополнительные расследования в РГАЛИ и анонимным рецензентам «Slavonic Review» (в котором в 2001 г. печаталась моя англоязычная статья, лежащая в основе этого предисловия) за полезные советы. Я обязан Елене Курылевой, подготовившей черновик русского перевода первоначальной статьи о Щепкиной-Куперник.

Анненского, ни Ахматовой, ни Цветаевой, а две поэмы, одна из которых автобиографическая, а другая на смерть Блока, являются серьезным вкладом в этот жанр. В чем же причина молчания, окутывающего творчество Щепкиной-Куперник даже в наиболее детальных обзорах и объемистых антологиях русской женской поэзии?

Очевидно, Щепкина-Куперник занимает отдельную и совершенно определенную нишу. Для историков русского театра она — биограф актрисы Ермоловой и автор мемуаров о петербургской театральной жизни девятисотых годов; для любителей драматургии — автор непревзойденных переводов Ростана (особенно пьесы *Сирано де Бержерак*), Лопе де Веги и комедий Шекспира. Для чеховедов она — один из самых интересных и интимных собеседников Антона Павловича. Но поэзию же ее время поглотило, кажется, навсегда. Имя Щепкиной-Куперник включено только в одну недавнюю антологию, опубликованную в России², а несколько обзоров литературы Серебряного века лишь бегло упоминают об ее вкладе в поэзию. В справочной литературе и историях литературы и женской поэзии она фигурирует в основном как театральный мемуарист, переводчик и биограф³. Два тома ее избранных произведений, изданных посмертно, составлены в основном из мемуаров, коротких рассказов и самых известных переводов; только в первый том включено около десятка ее дореволюционных стихотворений⁴. За этим незначительным исключением, из написанного Щепкиной-Куперник до 1917 года почти ничего не переиздано, и на ее обширное наследие даже не ссылаются. Огромные архивные материалы, хранящиеся в Москве (РГАЛИ, в Бахрушинском музее, в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки) и в Санкт-Петербурге (в ИРЛИ и в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки), оставались до сих пор нетронутыми. В обильном потоке изданных в последние годы мемуаров только немногие вспоминают о Щепкиной-Куперник как о поэте.

Так, однако, было далеко не всегда. Чтобы понять, как высока была раньше ее репутация, стоит только посмотреть на «собранную для юношества» антологию В. П. Авенариуса «За тридцать лет. Обра-

² Гаспаров М. М., Кушлина О., Никольская Т. Сто одна поэтесса Серебряного века. СПб., 2000.

³ Имя Куперник не вошло даже в наиболее полную антологию русской женской поэзии, составленную Катрионой Келли (Оксфорд, 1994).

⁴ Избранное. М., 1954. 819 с.; Разрозненные страницы. М., 1968. 311 с.

зы новой русской поэзии», куда вошли четыре стихотворения из первого сборника Щепкиной-Куперник «Из женских писем» (первое издание, 1898 г.), или на сборник Сальникова (1901) «Русские поэты за сто лет», куда вошли семь ее стихотворений. Долго еще продолжали признавать ее поэтом незаурядным: ее стихи встречаются в антологиях русской военной поэзии 1915 года и в одной из женских антологий, вышедших в Берлине (1923). Тиражи первых ее четырех сборников насчитывали до 6000 экземпляров. С конца 1890-х до середины Первой мировой войны киевские и петербургские газеты регулярно печатали ее стихи, не говоря уж о фельетонах и коротких рассказах. В музыкальных издательствах на ее слова выходили десятки песен, многие из которых были написаны такими известными композиторами, как, например А. С. Аренский.

Закат ее популярности легко объясним: начиная с 1924 года ей прилепили другой ярлык, переqualифицировав ее в переводчика и театрального мемуариста. Может быть, мрак неизвестности спас ее: ее миновали ссылка, аресты и мученичество. К тому же то, что она тогда публиковала, не подтверждало ее былую репутацию. Как мы увидим, ее поэтика вообще колебалась между смелым новаторством и машинальным конформизмом. Она хотела привлечь внимание читателей, но в то же время боялась потерять их благосклонность. Как личность, своим иногда наивным эгоизмом и своей маленькой плотной фигурой, так не сочетавшейся с ее лирическим «я», она часто внушала к себе недоверие, особенно у критиков-мужчин, несмотря на ее успех у публики. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть письма Чехова, где упоминается имя Щепкиной-Куперник, или дневники Чуковского и записные книжки Блока.

Сегодня мы вправе требовать более объективной оценки ее творчества. Упреки и пересуды ее современников зачастую предвзятые и субъективные, влиявшие при жизни на ее репутацию как поэтессы, можно на время оставить в стороне. Такая переоценка тем более возможна, что наряду с напечатанными текстами полностью сохранился и ее архив. К счастью или к несчастью для репутации ее как поэта и как женщины, Щепкина-Куперник никогда не выбрасывала ни одной бу-мажки, будь то письмо или черновик стихотворения. Прежде чем начать литературную реабилитацию и приступить к критическому разбору ее творчества, мы приводим краткую биографию поэта.

Несомненно от внучки (по матери) великого актера Михаила Щепкина ожидали многого. Публикация в Киевской газете в ноябре

1888 года стихотворения, посвященного памяти ее деда, была первым и уже достаточно зрелым шагом четырнадцатилетней девушки в литературной карьере. Личность ее отца, Льва Абрамовича Куперника, была не менее колоритной. Он был юрист, знаменитый по всей России по крайней мере двумя своими эксцентричными выходками: он направил револьвер на слишком медленно ехавшего извозчика и отказался защищать подсудимого, который вдруг стал ему лично противен.

Мать Щепкиной-Куперник, не стерпев частых измен мужа, ушла, оставив и его и дочь. Когда в 1891 году Татьяна вернулась домой, закончив в Киеве частную школу Ващенко-Захарченко (отличные отметки она получила по Закону Божьему, русскому языку и литературе, естественной истории, каллиграфии и рукоделию), она обнаружила, что отец женился снова. Тогда же и ей самой случилось в первый раз влюбиться — в сорокалетнего актера и музыканта Константина Степановича Шиловского. Ему суждено было (в 1893 году) умереть вскоре от туберкулеза, и плененную им девушку он отверг в рыцарских строках: «Не для меня весны твоей расцвет, / Не для меня твой первый страсти лепет... / Я не могу увлечь тебя с собой... / И коршун реет на крылах могучих / Над мертвецки недвижной головой»⁵. Спустя несколько месяцев Щепкина-Куперник уехала в Москву к тетке по матери, и репутация деда-актера помогла ей получить работу в театре Корша. Там, без особого, впрочем, успеха, играла она подростков (обоего пола).

Привезенные ею из Киева стихотворения из юношеского альбома начали появляться в печати, а к 1893 году перевод комедии Ростана «*Les Romanesques*» создал Щепкиной-Куперник репутацию переводчика в стихах. Исключительная общительность и талант быстро устанавливать связи ввели девятнадцатилетнюю девушку в два главных круга общения. На женских курсах Герье она встретила с многострадальной подругой Антона Чехова, Ликой Мизиновой, и с сестрой Чехова, Марьей Павловной, а вместе с младшим братом Чехова, школьным учителем Иваном Павловичем, она работала в одной московской воскресной читальне. К осени ее уже приглашали гостить в Мелихово, где, судя по сварливому дневнику Чехова-отца, она оказалась в кругу Антона Павловича единственной женщиной,

⁵ Музей им. Бахрушина. Ф. 313, ед. 775. Шиловский — интересная личность: он был другом Чайковского и соавтором либретто оперы «Евгений Онегин».

очаровавшей его родителей. Здесь в семье ее прозвали Татьяна Куперком, а самый младший из братьев — Купердником. Время от времени Чехов в шутку грозился выдать ее замуж за Николая Ежова, самого несчастного и невзрачного из посетителей дома Чеховых, и она покорно стала подписывать свои письма к Чеховым «Татьяна Ежова». В ближайшие три года, однако, Щепкина-Куперник превратилась в важное лицо в семье Чеховых. Они с Чеховым стали крестными отцом и матерью соседского ребенка. На время кума Антона Павловича взяла себе роль главного посредника в его личных и литературных делах.

Знакомству со второй главной фигурой в своей жизни, блистательной киевской актрисой Лидией Яворской, Щепкина-Куперник обязана Федору Коршу, для которого Яворская была не только prima donna его театра, но и страстно любимой женщиной. Между Лидией Яворской и Татьяной завелся бурный роман, продолжавшийся, несмотря на множество мужчин, возлюбленных Яворской, больше десяти лет и прерванный всего лишь на год ее браком с князем Барятинским. С помощью Яворской Щепкина-Куперник создает неформальное товарищество переводчиц, актрис и писательниц. А Чехов знакомит Щепкину-Куперник со своим близким другом, издателем и газетным магнатом Алексеем Сувориным. Начиная с 1894 года Щепкина-Куперник обязана своим феноменальным успехом как переводчица и автор коротких рассказов не только своей необыкновенной энергии, оборотистости и таланту к языкам, но и своей способности к дружбе и посредничеству.

Влюбчивость и любвеобильность — качества или слабости, унаследованные Щепкиной-Куперник от отца. Но несмотря на постоянные измены, она умудрялась сохранять надолго привязанность своих *grandes passions*, и мужчин и женщин. Со своей стороны она обладала удивительной способностью смотреть на многое сквозь пальцы, терпеть, прощать и договариваться. Поэтому в любых ситуациях, даже тех, в которых ее оставляли или предавали, отношения строились ею самой и от нее самой зависели. Несмотря на молодость, она была и инициатором своих союзов, и, как показывают ее счета по хозяйству, главным кормильцем. Ее колоссальная плодовитость как переводчика — результат не только естественной бойкости ее пера, она диктовалась финансовой необходимостью оплачивать прихоти расточительных актрис, не говоря уже о множестве нуждающихся прихлебательниц. Некоторые записки (их только за один

1893 год — семьдесят) Яворской доказывают, до какой степени даже такая независимая, самовольная женщина могла зависеть от Щепкиной-Куперник:

*...егем <...> жду вас. Целую так же крепко как и люблю. Люгия...
un besoin de tout mon être/ de vous voir/ de te parler ce jour/
Pardonnez-moi, maître/ Une bise vint flétrir le fleur/ Parsemé dans mon
boudoir/ Et baiser les ailes blanches/ Qui enlevaient nos coeurs/ Aux
régions célestes du bonheur/ La divine mélodie/ De nos coeurs enchan-
tés/ Toute mêlée au son/ Des chiffres épouvantés/ La mathématique
sévère/ Mêlant jamais assez sincère/ De la belle/ Souriante et frêle/
Charmanche poésie/ Mêla à cette harmonie/ Un son étrange/ Tout con-
traire au frole <ment> phantasque/ Des ailes blanches.... Quoique pas
seule, mais presque seule, il n'y a que mes intimes pour qui j'implore
votre indulgence. Je serai ravie de te voir, à entendre parler cette voix
céleste qui vient à une âme d'élite et je vous attends ma chérie... Cette
nuit d'Athènes était belle/ Le beau est inoubliable/ Cher poète, si vous
saviez quel mal de tête <...> Дорогая, милая моя petite Sappho!..
J'attends le vice suprême et je vous envoie votre dot... Ma petite Sappho.
Venez immédiatement, urgent... Êtes vous prête ma chérie?.. État moral
affreux arrangez que mère ne vienne pas tout va à travers vos lettres sont
des rayons de soleil, merci infiniment⁶.*

Куда более грамотны и литературны стихотворные послания Чехову от сирены Щепкиной-Куперник и сирены Яворской, к которым иногда присоединялась и Лика Мизинова. Этот легкий эпистолярный жанр был для ее чувств самым спонтанным руслом:

Привет от сердца Авелану!
Все у меня он в голове;
И я скучать не перестану,
Пока не будет он в Москве.

Как бесподобным Авеланом
Поражена душа моя —
Так ни одним еще романом
Не увлекалась в жизни я!

⁶ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 1204.

Все, все мечты об Авелане,
Всё нам твердит о нем одном,
И, словно в розовом тумане,
Он нам является тайком!

Ждем непременно Авелана
К концу недели к нам сюда,
Пусть вспоминается Татьяна
Ему хотя бы иногда!..⁷

Роман Щепкиной-Куперник с Яворской разыгрывался в московских гостиницах «Лувр» и «Мадрид» в присутствии Лики Мизиновой и Чехова (или, в отсутствии Чехова и Левитана). В Москве ходили слухи об оргиях, и к осени 1893 года Щепкину-Куперник и Яворскую попросили выехать из гостиницы. На короткое время они затеяли еще одну сенсацию, в этот раз театральную: в театре Корша она поставила шведскую пьесу «Борьба за счастье» (*Kampen för Lycka*) Софьи Ковалевской и Анне Лефлер-Эдгрен в переводе Лучицкой. Яворская играла роль героини, и во всей постановке участвовали только женщины. Спектакль завершался дебютом самой Щепкиной-Куперник, ее пьесой в одном действии «На станции». Затем Яворская и Щепкина-Куперник решили уехать за границу. К весне 1894 года крут подруг Чехова, прозванный «искушениями святого Антона», сузился и рассеялся. Щепкина-Куперник и Яворская открыто жили вместе в Италии. Итальянскую идиллию омрачали злые языки в России. Самый упорный из поклонников Яворской, чиновник Таможенного ведомства, написал гневное письмо ее отцу, киевскому обер-полицмейстеру Гюббеннету. К счастью Гюббеннет был человеком таких же широких взглядов, как и отец Куперник. Он без всяких комментариев передал письмо дочери, которая в апреле 1894-го умоляла Чехова защитить обеих женщин:

Человек этот знает, что у меня нет никого, кто бы мог меня защитить, выливает самую ужасную грязь, вносит ее в дом моих родителей, но мало того, задевает ни в чем не повинную Татьяну Львовну. <...> Я так дорожу тем уголком семьи, чистой привязанности, ласки женщины, которую вносит ко мне Танечка, что вычеркнуть ее из своего

⁷ ОР РГБ. Ф. 331, оп. 64, ед. 2, 3 (октябрь 1893).

дома, не относиться к ней, как сестре, мне было бы страшно тяжело. <Этот человек написал моим родителям> «Вчера я получил известие из Москвы, что Ваша дочь уехала в Италию с Г-жею Щ.-К., с этим отъездом я, естественно, принужден сжечь свои корабли и ни одним словом упрека не коснусь Вашей дочери. Дело не во мне, но Ваша дочь летит в ужасную пропасть. Ее связь с Щ.-К. стала скверной басней Москвы, да оно и не удивительно — эта Госпожа известная Mlle Гиро <sic> ma femme, и прикосновение к ней не проходит бесследно»⁸.

Вернувшись в Италию после путешествия по Франции, сирены опять зазывали Чехова к себе:

Я посылаю Вам стихи, написанные d'un trait de crayon на Сан-Мартино. Может быть, они пригодятся для «Нового времени» — я была бы страшно рада — Вам угадаться это устроить? Если нет — оставьте их себе в поучение и на память от Лиловенькой. Зелененькая Вас целует (я тоже, ей-богу) и шлет свои горячие приветы»⁹.

Пока они ездили по Европе, Щепкину-Куперник и Яворскую навещали поклонники, Игнатий Потапенко и Федор Корш. Чехов же во время своего путешествия по Европе с Сувориным делал все от себя зависящее, чтобы не встречаться с соблазном: он не встретился даже с беременной и отчаявшейся Ликой Мизиновой, не говоря уже о Щепкиной-Куперник и Яворской. Большую часть 1894 года, на подъеме нового русско-французского союза, актриса и переводчица провели в установлении и укреплении своих творческих контактов: они убедили Ростана и убеждали Метерлинка в том, что лучшего переводчика и лучшего постановщика для их пьес на русской сцене не

⁸ ОР РГБ. Ф. 331, оп. 64, ед. 34. Mlle Giro <sic> — героиня популярного романа Адольфа Бело (Belot) Mlle Giraud ma femme (Мадемуазель Жиро, моя жена) (Париж, 1870). Рассказчик, послушавшись предостережений своих друзей, женится на Mlle Paule Giraud, девушке, растленной в женском монастыре, где она получила образование. Брак оказывается неудачным; несмотря на такие отчаянные усилия к исцелению жены от лесбийских страстей, как поездка по Северной Африке, рассказчику спасти ее не удастся. Она умирает у него на руках от анемии, вызванной сексуальными эксцессами с ее подругой мадам Бланжи.

⁹ К письму приложено стихотворение «Неба свод ослепительно синий...» (см. с. 170 наст. изд.).

найдется. Ростан остался в таком восторге (Щепкина-Куперник к тому же переводила стихи его жены), что, не зная русского языка, он все-таки выучил наизусть и декламировал по-русски несколько строк из ее перевода «Сирано де Бержерака». В июле 1897 года он писал ей, давая при этом право на публикацию письма:

Зная Ваш талант и замечательный уровень Вашего перевода «Romanesques» и «Далекой принцессы», я очень желаю, чтобы впредь Вы, и только Вы распространяли мои произведения в России. Поэтому я Вам пришлю за несколько дней до первого представления в Париже рукопись моей пьесы, чтобы Вы могли ее перевести и поставить как можно раньше. Благодарю Вас за то, что со своей стороны Вы готовы предоставить мне треть Вашего гонора¹⁰.

Вернувшись в конце 1894 года в Россию, Щепкина-Куперник и Яворская снова заняли свое место в кругу друзей Чехова, посвятив его в «рыцари ордена Татьяны и Лидии». Триумфом Татьяны в доме Чехова стало устроенное ею примирение Чехова с Левитаном. Написав пасквиль на Левитана в рассказе «Попрыгунья», Чехов на три года сделал из своего друга-художника заклятого врага. Но прежние отношения дали трещину: Щепкиной-Куперник показалось, что Чехов смотрит на нее с мешанским неодобрением. «Что, — спрашивала она, — оттолкнуло Вас от меня?» Дружбу сестры Чехова и младшего из братьев Михаила она сохранила, но сам Антон Павлович был уже менее расположен к некоторым своим подругам. В письме от 21 января 1895 года он предостерегает Суворина:

Приезжайте, но не целуйте «ступни ног у Куперник». Это талантливая девочка, но едва ли она покажется Вам симпатичной. Мне жаль ее, потому что досадно на себя: она три дня в неделе бывает мне противна. Она хитрит, как черт, но побуждения так мелки, что в результате выходит не черт, а крыса. Яворская же — другое дело. Это очень добрая женщина и актриса, из которой, быть может, вышло бы что-нибудь, если бы она не была испорчена школой¹¹.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 987. Мой перевод с французского. Письма Щепкиной-Куперник к Ростану находятся в Музее Ростана, Вилла Арнага, Камбо-ле-Бэн (Cambo-les-Bains). Из-за судебного иска архив Ростана пока опечатан.

¹¹ Полное собрание сочинений и писем А. П. Чехова. Письма (в дальнейшем ПСП). Т. 6. М., 1978. С. 17.

Суворин познакомился с Куперник в Мелихове в июле того же года, и результатом этой встречи стал ее переезд в Петербург, где ее ждали дальнейшие успехи на театральном и поэтическом поприще. Чехов целых три года больше не приглашал ее к себе. В столице первым успехом Куперник был бенефис Яворской 4 января 1896 года в роли Далекой Принцессы в одноименной пьесе Ростана. Чехов ядовито предупреждал Суворина, что Куперник, «как похоронное бюро... устраивает бенефисы до такой степени по-жидовски, что публике в театре становится совестно уже после второго акта, а актеры проникаются ненавистью к Яворской на всю жизнь»¹². Вместе с Сувориным Чехов присутствовал на спектакле. По словам Сазоновой-Смирновой, язык Ростана он оценил как «романтизм, битые стекла, крестовые походы», а Яворскую назвал «прачкой, которая обвила себя гирляндами цветов». Весь перевод Куперник, несмотря на похвалы критиков, Чехов весьма проницательно охарактеризовал следующим образом: «У нее только 25 слов. Упоенье, моление, трепет, лепет, слезы, грезы. И она с этими словами пишет чудные стихи»¹³.

Хотя Куперник к тому времени помирилась с отцом и мачехой, главными источниками ее существования были покровительство Суворина и гонорары из его газеты «Новое время». Литературно-художественный кружок, театр, основанный Сувориным, стал колыбелью как драматургии Щепкиной-Куперник, так и театральной карьеры Яворской в Петербурге и дал обеим женщинам если не благополучие, то финансовую независимость.

Куперник, однако, пала жертвой необузданных амбиций Яворской. Актрисе нужен был аристократ-покровитель, какового она и отыскала в лице наивного и претендующего на место в мире искусства князя Владимира Барятинского. Они поженились в июле 1896-го вопреки воле его семьи и императорского двора (Яворская была разведена). Яворская осталась на время без гроша и вынуждена была делать все, что угодно, только чтобы защитить от скандала свою и без того уже сомнительную репутацию и примирить своих влиятельных свекровь и свекра, как показывает дневниковая запись Суворина от 5 августа 1896 года:

¹² ПСП. Т. 6. С. 113.

¹³ Из дневников С. И. Смирновой-Сазоновой / Гл. ред. В. Р. Щербина. Т. 87. М.: Наука, 1977. С. 307. (Литературное наследство).

Была Т. А. Щепкина-Куперник и в слезах рассказывала о неблаго-
гарности Яворской. За завтраком, где была Яворская с мужем Баря-
тинским и Яковлева, разговор зашел о том московском прошлом этих
двух дам, о котором столько болтали. «Нет дыма без огня», — сказа-
ла Татьяна Львовна. «Как?! Так правда то, что говорили о тебе и обо
мне?» — воскликнула новая княгиня Барятинская. Татьяна Львовна
поправилась и сказала, что она разумела только себя, что она, Щеп-
кина, вела себя так, что остались пятна. После завтрака Яворская-
Барятинская накинулась на Щепкину, при горничной, впрочем, на
французском языке, упрекая ее в болтовне и т. д. Одним словом, новая
княгиня ругалась за намек на это прошлое, полное скандалов и любов-
ных связей, о которых Щепкина хорошо знает. «С мужем истерика», —
сказала она. — «Если хочешь, я пойду к нему и объяснюсь, что я тебя
совсем не разумела». — «Он тебя больше видеть не хочет, и ты долж-
на сейчас же уехать». — «Но я в блузе, позволь мне переодеться». —
«Переодеться можешь», — сказала княгиня, и Щепкина уехала, не
простившись. Она взяла у меня 500 руб. и собирается ехать слушать
лекции в Женеву или Лозанну¹⁴.

Последней каплей унижения для Щепкиной-Куперник стало
письмо Яворской с просьбой продать их кровать и прислать деньги
на устройство нового супружеского очага. В октябре 1896 года, когда
отчаянные мольбы к Чехову приехать к ней в Петербург остались
без ответа, Щепкина-Куперник уезжает в Лозанну и записывается в
университет. (Там число русских студенток превосходило количест-
во студенток любой другой страны.) Там она слушала курсы изящ-
ной словесности, поселившись на роскошной вилле «Пальмира», от-
куда открывался вид на озеро. Рекомендательные письма отца
давали ей вход в самые лучшие дома Лозанны, одним из которых был
дом Наталии Герцен. Кажется, Куперник тихо провела целый год над
учебниками, так что ко времени возвращения в Россию она овладела
почти всеми главными литературными языками Западной Европы.

Обаяние, гибкость и кажущаяся мягкость ее характера привели
к тому, что вскоре она снова состояла в дружбе не только с Яворской,
но и с князем Барятинским. Лето 1897 года Барятинские проводят во
Франции, откуда шлют Куперник открытки и в конце концов денеж-
ный перевод в 100 франков, убеждая ее к ним присоединиться.

¹⁴ Дневник А. С. Суворина. Москва, Лондон, 1999. С. 241 — 242.

Куперник бросает учебу, год странствует с ними по Европе и в 1898-м возвращается в Россию, чтобы опять сотрудничать с Яворской. В Санкт-Петербурге она публикует свой первый лирический сборник «Из женских писем», подготовке которого, без сомнения, в Лозанне отдано было много сил и времени. (Этот сборник переиздавался неоднократно, каждый раз пополняясь десятками новых стихотворений.) Скандальность любовной лирики Куперник очень хитро тушилась двусмысленностью: у имен возлюбленных, воспетых ею, нет грамматических признаков рода; но книга принесла ей и признание критиков, интерес возбужденной публики. Ее известность укрепилась изданием в тот же год сборника рассказов и маленьких пьес «Странички жизни». Впервые Куперник входит в круг современников-поэтов: в 1899 и в начале 1900 года она постоянно бывает на «Пятницах» Случевского. На странице альбома кружка за 8 января 1900 сохранилось ее благодарственное послание к Случевскому:

Среди веселого угара
Все ж вспоминать я буду Вас,
И выпью я бокал White Star-a
За современный наш Парнас¹⁵.

Сотрудничая с Сувориным и Барятинскими, Куперник уже не находилась на периферии литературного мира. В мае 1899 года Барятинские основали газету «Северный курьер», современную во всех отношениях — шрифт и оформление Art nouveau, либеральные политические взгляды, слегка декадентское мироощущение. Но в петербургском газетном мире борьба за абонементы и рекламы шла не на жизнь, а на смерть, а в «Северный курьер» вложили недостаточно капитала, и подход к делу был дилетантским. Да и в любом случае попытки Барятинских напечатать выпады Л. Н. Толстого против правительства гарантировали закрытие «Северного курьера». Газета продержалась всего четырнадцать месяцев. За время короткого существования газеты Куперник регулярно публиковала в ней стихи, фельетоны и рецензии. (Одна из рецензий — довольно ханжеское и банальное творение, типичное для Куперник в ее худших проявлениях, — в номере от 5 ноября 1899 года, она разносила чеховского «Дя-

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 90 и отдел рукописей ГПБ. Ф. 703 ед. 2 (К. К. Случевский, Альбом кружка литераторов пятницы).

дю Ваню» за «невнимание к лучшим сторонам той яркой, прекрасной, изящной жизни, о которой надо говорить чаще».

Как в Петербурге, так и в Москве Куперник снова стала *persona grata*. Летом 1898 года, когда Чехов уже готовился уехать навсегда из Мелихова, Куперник опять гостила у него. Теперь более уверенная в себе, она поняла, что у Чехова уже нет сил на богемные приключения прежних лет. Поэтому тон ее посланий стал гораздо более сдержанным и деликатным:

Привет Вам, несравнимый Кум,
Привет Вам, перл меж Кумовьями.
Вот наконец покинут Вами
Приют высоких Ваших дум.
Вы снова в шумных стогнах града,
И этому я очень рада.
Надеюсь, не один «Базар»
Для Вас так полон тайных чар;
К тому ж сию минуту Маша
Сказала мне, что воля Ваша
Всем вместе время провести.
Так вот что предложить я смею.
Вы заезжайте-ка за нею,
Потом ко мне часам к шести
Или к семи; Вас буду ждать я
И вас приму в свои объятья!
Отсюда можно будет нам
(С моим вы согласитесь планом?)
С любезным сердцу Авеланом
Пуститься снова по волнам.
Скромней, чем некогда... не все же,
Как встарь, кутить до бела дня?
Мы посидим у Корша в ложе,
Потом закусим у меня.
А если же нельзя Вам в среду —
Тогда прошу в четверг к обеду;
Часам, не позже, к четырем;
Отлично время проведем!
Итак — прошу — решение Ваше
Вы сообщите мне и Маше,

О нем запиской дайте знать,
Прислав ее часов так в пять.
Я остаюсь служить готовой
Кумой Татьяною Ежовой¹⁶.

Щепкина-Куперник добилась если не привязанности Чехова, то его уважения своими письмами: она выражала соболезнование по случаю смерти его отца и вынужденного отъезда в Ялту; она писала пышные похвалы «Чайке» в постановке Московского художественного театра. Чехов ответил исключительной, редкой для него высокой оценкой ее стихотворения «На кладбище», напечатанного в ноябре 1898 года. Оценка была искренняя: за три недели до этого отзыва он уже хвалил стихотворение и своей сестре, Маше.

Всех поклонниц Чехова, кроме самых настойчивых, отрезала от него женитьба на Ольге Книппер. Их всех Книппер постоянно поносила в письмах к мужу: Лидию Яворскую — как вымогающую проститутку, Лику Мизинову — как толстую бездарность, Ольгу Кундакову — как тощую психопатку. В марте 1901 года Книппер даже пригласила Куперник («твой дорогой друг, Татьяна») на чай, вместе с ее новой подругой, актрисой Марьей Крестовской, но в письме к Чехову она выделила Куперник с особой ненавистью, как бисексуальную извращенку, которая еще занимается инцестом:

Папаша Куперник много ел, массу конфект уплетал — и все что-то мурлыкал про себя. Он хоть и умен, но противен сильно. Танька лежала около него на полу, на коленях и ласкала его — противно почему-то¹⁷.

Хотя Щепкина-Куперник теперь жила с Марьей Крестовской, близость ее с Яворской не прерывалась. Щепкина-Куперник путешествовала по южным губерниям вместе с ней, с ее приемным сыном и ее театром, время от времени играя во вторых составах. В 1901 году Барятинский попытался застрелиться, так же неудачно, как и во всем остальном, что он затевал. Щепкина-Куперник, по всей видимости, послужила одной из причин: Арабажин, редактор «Северного курьера», но враждебно настроенный к Барятинскому, при-

¹⁶ ОР РГБ. Ф. 331, оп. 64, ед. 2, л. 17 — 18.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 331, оп. 76, ед. 9.

слал Щепкиной-Куперник его прощальную записку. (Каллиграфический почерк Барятинского указывает, что записка — подлинник.)

В СМЕРТИ МОЕЙ НИКОГО НЕ ВИНИТЬ

Слишком много клевет, гадостей и беззакония, против которых нельзя бороться. Порядочные люди слишком бессильны. Помощи неоткуда ждать, даже от родителей. Пора кончить с собой. Одно у меня угрызение — я оставляю одну мою милую Лиду, моего ангела-хранителя, разделявшую со мной горе и радости. Но я утешаюсь тем, что, быть может, хоть моя смерть заставит смолкнуть ее ненавистников. Прости, всем грузьям¹⁸.

Домашняя жизнь Куперник с Марией Всеволодовной Крестовской была, как часто бывало у нее, тройственной. Осенью и зимой в Петербурге у них были смежные балконы и общие хозяйственные расходы (Куперник опять вела счета). Летом и иногда весной Куперник жила с Крестовской и ее мужем Картавцевым на даче в Мариоках в Финляндии. После детства это был ее первый постоянный дом, о котором она будет продолжать заботиться даже после смерти Крестовской в 1910 году. В новом веке Щепкина-Куперник стала уже признанным писателем; в 1901 году выходит большое издание ее стихов «Мои стихи»; а первый сборник дополнен и переиздан в 1903 году. В 1902 году она была единственной женщиной, предложенной кандидатом на избрание в Академию наук (она получила всего один голос). Теперь Крестовская оказалась для нее таким же обильным источником вдохновения, как Яворская. Она записывает в своих книжках такие высказывания, как:

Покровительство — целует лоб, Дружба — щеки, Нежность — глаза, Почтительность — руки, Любовь — уста, Страсть — это и все остальное (афоризм, высказанный М. В. во сне)¹⁹.

Отношения с Крестовской, должно быть, были все-таки натянутыми. Яворская и в буквальном, и в переносном смысле оставалась героиней драмы Щепкиной-Куперник. Ольга Книппер продолжала интриговать против нее и чернить ее репутацию. Наконец, в первый раз за

¹⁸ Музей им. Бахрушина. Ф. 313, ед. 1.

¹⁹ Музей им. Бахрушина. Ф. 313, ед. 768, л. 16.

пятнадцать лет, Щепкина-Куперник увлеклась мужчиной. В январе 1904 года напряжение привело к разрыву. Книппер пишет Антону Чехову:

*Вчера завтракала у Крестовской. Она мне исповедывалась, рассказывала всю свою любовь и разочарование относ<ительно> Куперник, кот. кстати вышла за прис<яжного> повер<еренного> Полынова. Крестовская говорит с гроханием в голосе, что это бесконечно зловредное существо, эта Таничка. Много про нее рассказывала*²⁰.

Кто бы подумал, что измена Куперник примет форму обыкновенного замужества. Ведь в 1903 году в первом томе ее «Писем изда-лека» можно было прочесть «Из дневника лишней женщины»:

Я пробовала сделать себе культ из дружбы... С мужчинами это мне положительно не удавалось. <...> Женщина должна или подчиняться, или подчинять <...> чтобы вознаградить себя с избытком за все века прошлого унижения.

Щепкина-Куперник собиралась выйти за Николая Борисовича По-лынова, талантливого адвоката, всего одним годом старше ее. Вскоре он станет редактором журнала «Юрист»; к тому же он слыл самым краси-вым мужчиной в Петербурге. Его брак с Куперник был ударом не только для Крестовской. Самая известная петербургская лесбиянка выходила замуж за самого обаятельного петербургского донжуана, если не холо-стяка, то по крайней мере разведенного. На самом деле Куперник позна-комилась с ним еще девять лет назад, но самые близкие подруги о его су-ществовании не догадывались. Куперник потом вспоминала:

*Я написала моим ближайшим приятельницам, приглашая их всех к себе в понедельник к обеду: решила им устроить сюрприз. Это были: Лика Мизинова... Маруся Роксанова (первая «Чайка»...) и Люба Селиванова... еще сестра Санина*²¹.

Полынов был вылитый Метерлинк, перед творчеством которо-го Щепкина благоговела; он только-только освободился от брака (расторгнутого церковью) с патологически ревнивой кузиной.

²⁰ Купюра из изданной переписки. ОР РГБ. Ф. 331, оп. 77, ед. 8.

²¹ «История моей жизни с мужем». РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 38.

Полынов попросил у Куперник руки, говоря, что его нужно спасти от холстяцкого разврата, и Куперник согласилась при условии, что он разорвет свою давнюю связь с женой одного коллеги. Они обвенчались, и через несколько недель Куперник без предупреждения со всеми чадами и домочадцами — актрисой, бывшей у нее на иждивении, ее дочерью-подростком и служанкой — переехала к нему на Кирочную, 22, выселив оттуда брата Полынова. Бывший кабинет мужа она переделала в гостиную, ставшую вскоре знаменитой «зеленой комнатой». Там она будет хозяйкой еще тридцать пять лет.

Вопреки ожиданиям врагов и друзей, брак оказался хоть в первые годы счастливым. «Каждую ночь говорю я спасибо...» начинается одно ее неопубликованное стихотворение этого года²². Но близость ее с целым рядом «подруг» как-то уравновешивалась неистребимым донжуанством Полынова. За это время творческая энергия Куперник развилась феноменально. За десять лет она успела написать несколько пьес в стихах и в прозе, рассказы, длинную автобиографическую поэму, сотни стихотворений; она перевела всего Ростана, она ставила пьесы, учреждала общества, устраивала благотворительные вечера.

Она завоевала себе огромную популярность как «левая» писательница, когда появилась песня на ее слова «От павших твердынь Порт-Артура» о вернувшемся с Русско-японской войны солдате, вся семья которого погибла в кровавой расправе у Зимнего дворца. Профессор Иван Никифорович Розанов, защитник Куперник в глухие советские годы, передает словами Куперник историю этой песни:

«От павших твердынь Порт-Артура» <...> было напечатано, помимо моего ведома, за границей, в считавшемся тогда революционным журнале «Освобождение», — но раньше уже ходило по рукам в Петербурге и сразу стало одной из любимых песен рабочего люда и молодежи. Музыки на него никто не писал. Это было в полном смысле слова народное творчество»²³.

Но рядом с этим успехом назревал кризис в супружеской жизни Полыновых. Полное описание этого кризиса подготовила сама Куперник. В 1941 году, после смерти Полынова, она составила удивительный альбом: 150 страниц, на правой стороне машинопись Куперник, на ле-

²² РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 153, л. 11.

²³ Щепкина-Куперник Т. А. Избранное. М., 1954. С. 816.

вой — открытки, фотографии и компрометирующие Пылова его письма. Альбом, озаглавленный «Моя жизнь с мужем», рисует подробную, хотя и одностороннюю картину их совместной жизни. Куперник подчеркивает, до какой степени она терпела:

Н. Б. имел огромный успех у женщин; выражаясь тривиально, на нем так они и висли. Я относилась к этому философски, понимая, что мимо такого человека не пройти равнодушно большинству женщин. И очень часто влюбленные в него гамы и девицы у меня же на груди вылакивали свое горе. До этого философского отношения я дошла, как почти всегда в моей жизни до всего доходила, — эмпирическим путем. И, конечно, обошлось мне это не даром — стоило смятения чувств и внутренней борьбы с самой собой — из которой я вышла победительницей²⁴.

Стихотворение, написанное около 1904 года, очень откровенно признает обаяние ее мужа:

Француженки и шведки,
Монашки и кокетки,
Блондинки и брюнетки
Все пред тобою ниц.

Здесь полно южанок
И бледных северянок,
Княгинь, актрис, крестьянок,
Кухарок и цариц.

Но все без исключения
С восторгом увлечения
Любовь и восхищенье
Отдать тебе спешат,

Сердца из груди вынув,
К твоим ногам их кинув,
О дорогой Пылов,
Виват, виват, виват!²⁵

²⁴ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 38.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 88, л. 27.

Но со своей стороны ни на один день Куперник не переставала превозносить обожаемую ею Яворскую. Яворская — и герой и героиня пьесы Куперник «Смерть Амура» (1905), псевдоклассической пасторали в стихах, где нет ни одного мужского персонажа. В пьесе таинственный странствующий рыцарь очаровывает целую стаю девушек. Одна из них, влюбившись в него, обнаруживает (к своему восхищению — не ужасу), что на самом деле рыцарь — женщина, графиня ла Мот-Руврэ. Именно к этому известному роду гугенотов возводила свое происхождение Лидия Яворская-Гюббеннет.

Возвысив Яворскую до сапфического идеала, Щепкина-Куперник идеализировала и себя, написав автобиографическую поэму, ничуть не короче, чем «Евгений Онегин», под названием «Марьянна Болховская». Поэма выходила в семи выпусках журнала «Греза» в 1907 году (единственном году существования этого ежемесячного журнала). Как часто бывает у Куперник, истинные события переделаны в гладкое, но часто противоречащее реальным фактам повествование. Как и в жизни, героиня уезжает из Киева, после того как отец отдает дом под власть новой женщины, которая здесь оказывается грубой любовницей-крестьянкой. Как и в жизни, героиня поступает в театральную труппу в Москве и вслед за этим делает успешную карьеру в Петербурге. В середине поэмы она влюбляется в красавца-адвоката, который уже связался с другой женщиной. В поэме, однако, героиня не выходит замуж: после встречи с несчастной женой адвоката, во имя женской солидарности она отказывается от него и уезжает в Манчжурию на фронт, чтобы служить медсестрой. Любопытно, что несмотря на полное отсутствие в нем политического содержания, «Марьянна Болховская» — одна из двух поэм, которые Куперник никогда не упоминала, составляя в советское время полный список своих произведений для посмертного издания²⁶.

В Мариоках Польшов любил гулять по лесу с интересными молодыми женщинами: Куперник называла эти прогулки «опять за ландышами». Когда в 1910 году «за ландышами» Польшов начал водить ее двоюродную сестру, терпение Татьяны Львовны лопнуло. Без предупреждения она уехала к одной из своей подруг в Берлин, а потом во Франкфурт к Александру Коллонтай, поставив Польшову ультиматум — он должен сразу прервать все романы и следовать за ней. Польшов сдался. Наказание было двойное. Во-первых, брак объявлялся платоническим, Куперник будет ему не жена, а «мать и сестра». За собой она оставляла все права, особенно

²⁶ Например, РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 1264 (около 1944 — 1946 гг.).

право быть с ним, когда он будет «стар, болен и несчастен». Во-вторых, Плынов был публично заклеен в следующей пьесе Щепкиной-Куперник «За кулисами», где героиня, самоотверженная актриса, не стерпев измен своего возлюбленного, красавца адвоката Бориса Николаевича, всецело посвящает себя искусству.

Именно тогда, когда Плынов раскаялся, Щепкина-Куперник сблизилась с Александрой Коллонтай. Они до самой смерти Коллонтай называли друг друга «сестра моей души»²⁷. Может быть благодаря этой дружбе, Щепкину-Куперник и Плынова миновали аресты и ГУЛАГ. По просьбе Коллонтай весной 1917 года Щепкина-Куперник и Плынов предоставили свою квартиру для конспиративных встреч большевиков. Актриса Кострова вспоминает:

В гостиной Татьяна Львовна показала мне на одно место у рояля и сказала: «Здесь недавно стоял Ленин и слушал музыку. Я потом на это место поставила нотный столик, я не хотела, чтобы там, где стоял Ленин, кто-нибудь стал»²⁸.

После смерти Ленина Щепкину-Куперник наградили персональной пенсией «за революционные услуги». Но ее высказывания и поведение в годы войны и революции были отнюдь не революционными. Годы перед Первой мировой войной прошли в странствиях по Европе, расходы на которые покрывались гонорарами от продажи нот песен на ее слова. Особенно популярны были две: «Что-то прекрасное грубо нарушено» на музыку М. Д. Шишкина и мелодекламация на музыку Стейнберга «Чайка убита», обе на смерть Веры Комиссаржевской в 1910 году. За путевые заметки, печатавшиеся под заглавием «Письма издалека», Щепкина-Куперник получала 250 рублей за печатный лист: она была одним из самых высокооплачиваемых литераторов. В 1912 году вышел ее третий лирический сборник «Облака», открывавшийся стихотворением, посвященным Плынову. И наконец, в 1914 году она публикует то, что можно назвать самым значительным творческим достижением — полный перевод пьес Ростана.

²⁷ Они встретились впервые в 1907 г.: см.: Миндлин Э. Не дом, но мир! Повесть об Александре Коллонтай.

²⁸ ОР ГПБ. Ф. 1171, ед. 59. Зато дневниковая запись Куперник за 4 июля 1917 г. показывает совершенно другое отношение к большевикам: «Ужасы, Ленинцы, восстание, кровь, убитые». РГАЛИ. Ф. 571, оп. 2, ед. 146.

19 ноября 1913 года отмечает начало четвертой и самой прочной привязанности Щепкиной-Куперник: она знакомится с дочерью актрисы Ермоловой, Маргаритой Зелениной. Талантов у Маргариты было мало, а дар, видимо, только один — природа наградила ее столь же прекрасными, как у матери, глазами. Разойдясь с мужем после короткого и несчастливой брака, она жила с маленьким сыном, Николаем. Ермолова, которая так же, как дочь, имела горький опыт семейной жизни, одобрила эту новую связь. В 1914 году она пишет Щепкиной-Куперник:

Я так благодарна, что Вы с такой лаской отнеслись к Маргарите, согрели и осветили ее душу <...> вдруг она нашла в Вашем доме проблеск света, она сама говорит, что я попала точно в чистый источник! <...> И Вы и Ваш муж, Вы люди настоящие среди совершенного омута, в котором мы живем²⁹.

Первая мировая война в конце концов отрезала Щепкину-Куперник от серьезного литературного мира — слишком уж много она писала в угоду публике мещанских банальностей, держалась поодаль ото всего, что могло вызывать споры, удивление или даже размышления. И Блок и Чуковский в своих дневниках отмахиваются от ее «скучных» творчества и личности. Она сама ударяется в патриотизм, хотя не ура-патриотизм, посвящая стихи судьбам Польши и Бельгии, раненым солдатам, вдовам, таким мученицам, как расстрелянная англичанка, военная медсестра Эдит Кавель. Чем слабее стихотворение, тем она была тогда популярнее. В сборнике 1915 года, написанная по заказу Ермоловой «Песня брюссельских кружевниц» была положена на музыку Маляви и переведена на французский Юлией Загуляевой, тем в первый раз зарабатывая для Щепкиной-Куперник международную славу. В 1914 — 1915 вместе с несколькими другими стихотворениями из того же сборника эта песня исполнялась в петербургском театре Балиева «Летучая мышь».

Революция и Гражданская война надолго и полностью выбросили Щепкину-Куперник за пределы русской литературы. Она впала в ужас от военных поражений 1915 и 1916 годов; вместе со всеми домохозяевами — с Плыновым, с Зелениной и с маленьким Колей — она бежит в Мариоки. В марте 1919-го Плынов и Щепкина-Куперник каким-то чудом добрались до Крыма, где остаются до его захвата большевиками в 1921 году. Все предостерегали их от возвращения в

²⁹ РГАЛИ Ф. 571, оп. 1, ед. 563, л. 1 — 2.

Петроград. Член Академии художеств Дмитрий Толстой убеждал ее в том, что, оставаясь в Советской России, она обречет мужа на смерть. Судя по немногим дошедшим до нас стихотворениям 1917 – 1918 годов, Щепкина-Куперник смотрела на революцию через такую же апокалиптическую призму и так же возненавидела революционный террор, как Максимилиан Волошин, с которым они с Плыновым дружили, находясь на юге. Но подобно Волошину, она решила остаться в России. С помощью Луначарского они с Плыновым вернулись в Петроград. Несмотря на протекцию Луначарского, ей не давали участвовать в литературных проектах Горького, которые открыли бы доступ к продовольственным карточкам. Из «Сумасшедшего корабля» на Фонтанке она была исключена. Три года она жила продажей личных вещей.

Шесть лет фактического молчания кончились смелой публикацией в Берлине, где с самого начала нэпа советским писателям разрешалось печатать то, что неудобно было бы издавать в СССР: Щепкина-Куперник на смерть Александра Блока написала «Сон зимней ночи», фантастическую драматическую поэму, образы которой воссоздают галлюцинации умирающего поэта. Вместе с этой поэмой она переслала в Берлин в издательство «Гамаюн» к Сергею Полторацкому еще сорок стихотворений. Сначала Полторацкий хотел издать «Сон зимней ночи» отдельно, боясь, что, если поэму запретят, тогда потеряется весь сборник вместе с невинными стихотворениями. Тем не менее в 1923 году «Гамаюн» напечатал поэму в сборнике под простым названием «Стихи»³⁰. Этот берлинский сборник Щепкина-Куперник нигде не отмечает и в свою библиографию не включила; многие русские литературоведы до сих пор ошибочно предполагают, что «Сон зимней ночи» остался погребенным в ее архиве.

Вообще из-за нэпа жить Щепкиной-Куперник и Плынову стало легче. Восстановление хоть ограниченного правового порядка позволило Плынову вернуться к адвокатуре; он стал чрезвычайно энергичным, прямолинейным, чуть ли не героическим защитником. Даже тогда, когда обвинение требовало смертного приговора и решение суда

³⁰ Читая письма Коллонтай и Щепкиной-Куперник 1926 года (РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 755, л. 599-600), можно предположить, что «Гамаюн» собирался использовать название «Страна исчезнувших часов», уже два раза (1915, 1923) использованное Щепкиной-Куперник как заглавие цикла стихотворений, для нового сборника, но следов ни этой книги, ни какого-либо другого издания «Гамаюна» после 1924 года не удавалось обнаружить.

выносилось под диктовку ОГПУ, умело применяя свой ум, знания, опыт и обаяние, он вплоть до 1933 года добивался оправдания своих подзащитных, особенно от судей-женщин. В 1923 году Щепкина-Куперник начала получать заказы на переводы от издательства «Всемирная литература». Но пока Валерий Брюсов, враждебно настроенный к ней, был жив и влиятелен, другие издательства ее сторонились³¹. Через год сифилис убрал злопамятного Брюсова, и дружелюбный И. Н. Розанов помог ей стать официальным переводчиком шекспировских комедий. Жизнь входила в новую колею: Щепкина-Куперник жила на два дома, по четыре раза в год она уезжала из квартиры на Кирочной (вскоре переименованной в Салтыкова-Щедрина) в Ленинграде во Владикино под Москвой к Зелениной. Большей частью года, даже летом, Польшов жил один на Кирочной, хотя его уплотнили и его некогда роскошная квартира стала коммунальной, а Щепкина-Куперник жила параллельной супружеской жизнью с Зелениной и ее сыном на даче.

Только раз жизнь выбилась из колеи. Летом 1924 года она с Польшовым поехали в отпуск в Ессентуки. С Польшовым случился инфаркт. Преодолевая все препятствия — равнодушие директора гостиницы, отсутствие медицинской помощи, — Щепкина-Куперник с помощью одной женщины-врача силой вытащила лед из ледника, положила на грудь коматозного Польшова и каким-то чудом вернула его к жизни. Не без иронического удовольствия она напомнила ему, что наконец он стал «стар, болен и несчастен». С пророческой точностью ленинградские врачи предсказывали Польшову еще пятнадцать лет жизни.

Александра Коллонтай с энтузиазмом принялась хлопотать за подругу. Целый год она приставала к Луначарскому и еще к нескольким наркомам, пока Щепкина-Куперник не получила персональную пенсию и обоим супругам не разрешили съездить в Париж и Бретань, где Польшов мог получить надлежащее лечение. Десять лет она уже не путешествовала и больше никогда за границу ездить не будет. Она вела себя крайне осторожно. Польшовы вообще с эмигрантами не встречались за исключением сестры Татьяны Львовны и режиссера Санина-Шенберга и его жены, Лики Мизиновой, которых только что выпустили из СССР по тем же медицинским причинам (хотя Санин и Мизинова не вернулись). Щепкина-Куперник вспоминает:

³¹ См. письмо М. И. Зелениной 4 июня 1923: «Твоя анкета <...> находится у Брюсова, ты сама понимаешь, что его отзыв едва ли будет какой нужно» (РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 612, л. 5).

С другими эмигрантами я просила его не встречаться... Время показало, что я была права — многие заплатились за встречи и разговоры, ненужные и бесцельные³².

По возвращении она убедилась, что советская власть теперь ей доверяет: ей давали на перевод даже такие рискованные романы, как «Джентльмены предпочитают блондинок» Аниты Лоос (Коллонтай уверяла издательство, что это сатира на буржуазные нравы). Ей открылись двери в правительственные санатории и издательства. Публикация в 1928 году тома ее воспоминаний, регулярные заказы на переводы пьес, кроме редких публикаций отдельных стихотворений и фельетонов, и даже работа для радио вернули ей самоуверенность и бойкость. Как и до революции, она работала с необычайной скоростью. Маргарита Зеленина в своих довольно скудных мемуарах о сорокалетней совместной жизни пишет:

Встав утром, после купанья в реке и утреннего кофе, она взяла книжку Ростана на французском языке, тетрадку и карандаш, почтила намеченные для перевода стихотворения, подумала немного, сидя с краю у овального стола в красной комнате, и быстро, быстро стала писать карандашом <...> Работала без приготовлений, где угодно, в саду, на дворе, на балконе, ее отрешенность от окружающего становилась глубже, и чувствовался в ней уход в самое себя <...> Окончив одно, она не любила отдыхать <...> так было <...> и во время последнего ее отдыха в санатории Узкое, в 52 году <...>³³

Щепкина-Куперник постоянно работала над подборкой как старых, так и новых стихов, постоянно пересматривая их состав и порядок, для будущего собрания своих произведений. Но с каждым годом она все больше ощущала, что ни одно советское издательство не согласится издать такое собрание, что песни, написанные на ее слова, уже не исполняются, что как поэт она уже не существует. В конце концов она призналась в своем поражении. «Я когда-то была поэтессой», — писала она актрисе А. П. Остроумовой-Лебедевой в 1935 году³⁴.

Сталинский террор в основном миновал Полиновых. Арестован был Борис, брат Николая Борисовича и известный ученый-почвовед, но

³² РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 138.

³³ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 1292.

³⁴ ОР ГПБ. Ф. 1015.

его освободили по бериевской амнистии 1939 года. В такое время, конечно, Николай Борисович уже не мог заниматься адвокатурой, к тому же его здоровье было расшатано; зато неутомимая Щепкина-Куперник переводила все больше и больше и своими гонорарами содержала всех своих иждивенцев. Свою незаурядную частную жизнь она поддерживала не столько заработками, сколько своей редкой способностью к примирению и эмоциональным равновесием, как показывает ее огромная переписка. Ни Плынов, ни Зеленина не жаловались — только периодические увлечения Щепкиной-Куперник актрисами, женщинами-врачами или балеринами иногда вызывали мягкие укоры Зелениной, по крайней мере в первые два десятилетия их совместной жизни:

Ты пишешь, что любишь меня особой всепрощающей любовью — также и я... Это ни с чем не сравнимо. Жаль только одно, что в эту любовь врываются другие любви <...> Как было бы легко, если бы Кисы были только две³⁵.

В отличие от других петербургских поэтов, она с наслаждением ездила в Москву. Даже когда Плынов болел и всем было видно, что он нуждается в уходе, она смело оправдывала свои отъезды. Певице Марине Нижальской она объясняла в 1933 году:

...Конечно, для меня это большое истязание — уехать из Ленинграда и оставить моего дорогого труженика мужа одного: но я знаю, как я необходима ему для его существования; для того, чтобы он мог жить, дышать и работать, — он должен знать, что мне хорошо, и вот, скрепя сердце, я принудила себя и взять билет в международном, и приехать сюда в уютную, светлую дачу, утопающую в цветах³⁶.

Через два года она уже не находила нужным оправдываться, написав Остроумовой-Лебедевой:

Для меня — конечно, мой муж за скобкой... — ехать из Москвы в Ленинград, это все равно что из теплой, уютной комнаты выходить на мороз в одном платье... И сейчас мне кажется, что где-то горит

³⁵ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 612 (13 февраля 1923).

³⁶ ОР ГПБ. Ф. 318.

*костер, у которого мне сладкое счастье грезится — у огня яркой, умной души!..*³⁷

Даже радикулит, вынудивший поэтессу пролежать неподвижно все лето 1935 года, не смущал ее. Но неизбежная трагедия в конце концов сбылась: отпущенные Полюнову пятнадцать лет истекли. Он обещал не позже 1939 года переехать из Ленинграда в Москву и поселиться постоянно у Щепкиной-Куперник и Зелениной, но не успел. В апреле 1939 она записывает в дневнике:

*Я потеряла моего Нику. Он скончался тихо, последние часы был без сознания от пантофона и, к счастью, не страдал. Близости конца не знал. Я осиротела*³⁸.

Она еще не успела оправиться от потери, как началась война. Через год сын Зелениной, Коля, был убит на Ленинградском фронте. Щепкина-Куперник, как и всегда, старалась спастись от горя работой, но продолжать смотреть на жизнь сквозь розовые очки она уже не могла. Стихи ее, оставшиеся неопубликованными, делаются все мрачнее, глубже и трогательнее; дневник заполняют вопросы и сомнения. Ее волнует истребление русского крестьянства, бессмысленное пролитие русской и немецкой крови на фронте. Она начинает относиться к власти и к власти имущим с цинизмом. Н. М. Любимов вспоминает ее эпigramму на эвакуацию из Москвы:

«Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!» —
Сказал нам Алексей Толстой
И очутился... на вокзале»³⁹.

В конце войны Щепкина-Куперник получила признание от советского государства: сам Калинин вручил ей орден, ее «избрали» депутатом Верховного Совета. Она даже смогла себя убедить, что может хоть маленький вклад внести в дело мира, голосуя за ядерное разрушение. Она стала в конце жизни до того благонамеренной и всеми

³⁷ ОР ГПБ. Ф. 1015.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 146.

³⁹ Любимов Н. М. Неувядаемый цвет (воспоминания). М., 2000. С. 352.

признанной, что даже Ольга Книппер, сорок лет тому назад ее злейший враг, аплодировала ей, когда она представляла свои переводы Шекспира и Лопе де Веги в Московском художественном театре. Пастернак ценил ее до того высоко, что в 1946 году подарил ей машинопись стихотворений Живаго из неоконченного романа с посвящением поэтессе, «которая часто была для меня во многом примером».

В 1948-м вышел еще один том воспоминаний Щепкиной-Куперник. В августе 1952 года, за работой, она умерла в доме Маргариты Зелениной. Если бы не отчаяние ее последних записей, где она составляет бесконечные планы неосуществимых собраний своих сочинений, можно было бы подумать, что она умерла счастливой смертью. Ее последние записи показывают полную готовность уйти:

Я сижу в своей светелке... Отчего до боли в груди замирает сердце?.. Отчего внутренняя грозь пронизывает все мое существо?..

Я знаю: это ты, Любовь!..

Входи же: я ждала, я звала тебя — я готова к тебе.

Я знаю: это ты, Слава!..

Я не ждала... но я звала тебя... и я готова к тебе.

Я знаю: это ты, Старость!..

Я не звала... но я ждала тебя. И я готова к тебе⁴⁰.

Если бы это было все, что можно сказать о Щепкиной-Куперник, тогда она интересовала бы нас просто как дореволюционная поэтесса, которой очень повезло, в том смысле, что она избежала мученичества, предательства близких и себя самой и что ей удалось переделать себя для жизни в советское время. И никто не оспаривает ее значения как поэта-переводчика: возможно, что Александр Блок не смог бы написать «Розу и крест», не прочитав куперниковский перевод «Далекой принцессы» Ростана. Но если принять во внимание только ее четыре прижизненные (между 1898 и 1915) сборника лирики, то оценка ее как поэта была бы снисходительной, если не насмешливой и уничтожающей. Шутка Чехова о том, что все ее рифмы сделаны всего из двадцати пяти слов, оказывается довольно пронизательной. Выбирая стихотворения для собрания ее сочинений, нельзя не заключить, что для Щеп-

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 98, л. 51.

киной-Куперник было почти невозможно, и, может быть, неинтересно, оторваться от стихотворной техники прежних поколений, перешагнуть за пределы приемов Пушкина, Лермонтова, Апухтина и — самого близкого ей во времени — Фета. Даже пятницы Случевского не заражали ее новаторством. Ее всю жизнь устраивал четырех- или пятистопный ямб с перекрестной рифмовкой, а рифмы ее ничем не поражают читателя. Ей нравятся почти машинальные рифмы, так что она часто повторяет такие слова, как «приют» или «аромат», рифмующиеся с половиной русских глаголов третьего лица множественного числа.

Чтобы аннулировать такой суровый приговор, надо привести новый материал. Такой материал можно найти среди разбросанных в периодике, но потом не собранных стихотворений; еще лучше — тот материал, который находится в записных книжках и, покрытый архивной пылью, никогда не печатался. Подозреваешь, что самое лучшее у Щепкиной-Куперник — то, что намарано так неразборчиво, что только отдельные фразы и строки читаются, как будто она боялась собственных неосуществимых способностей. Посмертная репутация поэта часто зависит от того, до какой степени он готов отбирать свои стихотворения и уничтожать то, что потомству не нужно. Если бы только она сделала с первыми своими двумя сборниками то, что сделал со своими стихотворениями в 1833 году Тютчев, может быть, мы составили бы совершенно другое мнение о ней. Но она, как будто нарочно и назло своей репутации, хранила все подряд, так же как она берегла свои старые вещи и свою интимную переписку. Слишком она хотела нравиться среднему читателю и прятать от него все, что могло бы раздражать или озадачивать его.

Тщательный пересмотр стихотворения сборника «Из женских писем» показывает, что самые незрелые стихи киевского периода обещают больше, чем взрослые московские стихи Щепкиной-Куперник. Например, стихотворение «Больное утро» 1889 года, которое она обрабатывала в последующие десять лет, до того схватывает тон Иннокентия Анненского, что не удивительно, что Сальников включил его в свою антологию:

Какой печальный день! Нависли облака
Тяжелою и серой пеленою;
Дождь моросит... Гнетущая тоска...
И кажется земля усталой и больною.
Не видно солнца! Скрывшись в небесах,
Оно свой путь свершает невидимкой;
Блестящий шар в свинцовых облаках

Задержан траурною дымкой.
Оно исчезнет... в небе не блеснет
Заката луч прощальною улыбкой...
Как будто этот день и солнечный восход —
Все было только странною ошибкой.

Так иногда невидимо пройдет
Жизнь серого труда и будничных забот, —
Без ярких радостей, без яркого страдания;
Ни громкий смех, ни страстные рыдания
В ней пламенным волнением не мелькнут;
Ей не блеснет восторг любви минут
Хотя на миг роскошною улыбкой...
И скроется она под тяжестью земли,
Как будто эта жизнь и эта смерть прошли
Какой-то странною ошибкой⁴¹.

Конечно, стихотворение страдает недостатками, типичными для Щепкиной-Куперник: незамысловатая рифмовка глагольных суффиксов с банальными именами существительными (пройдет/забот; мелькнут/минут); слишком гладкое симметричное построение всего стихотворения; целый ряд уже шаблонных фраз и тропов из классической русской поэзии (свой путь свершает; прощальною улыбкой; будничных забот; радостей... страдания; восторг любви). Тем не менее первые четыре строки и последние две создают, если считать, что пятнадцатилетняя девочка предвосхищает сорокалетнего Анненского, атмосферу чудотворную.

Второй сборник, «Мои стихи», сильнее первого в своей технике. Но, приспособляясь ко вкусу своей публики, Щепкина-Куперник стряпает свои стихотворения по уже известным рецептам. Иногда она просто подражает самой себе. Например, в сборнике «Из женских писем» мы находим стихотворение «Мой катехизис», которое было положено на музыку Сасс-Тиссовским. Теперь оно вновь появляется, переработанное и улучшенное, с рифмами, типичными для Блока или Сологуба:

Я хочу быть свободной,
Свободной,
Точно ветер холодный

⁴¹ Ранние варианты см.: РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 84.

Иль жгучий,
Что играет с небесною тучей!
Я хочу быть свободной,
Свободной,
Как поток многоводный,
Мятежный,
Что стремится к пучине безбрежной.
Я хочу быть свободной,
Свободной,
Как орел благородный,
Могучий,
Что витает над горною кручей.
Да, я жажду свободы,
Свободы! —
Пусть живу я не годы —
Мгновенья:
В ней — восторг, в ней огонь вдохновенья...
Я умру, я умру без свободы!..

Таким образом, чтобы не отставать от современников, Щепкина-Куперник преобразовывалась в декадентку и эмансипированную женщину. Лейтмотиву «Моих стихов» — культу свободы и жизни без страха и забот — слишком часто не соответствует скованность и вялость образов и рифм. Только раз, именно в стихотворении «На кладбище», так понравившемся Чехову, с этим лейтмотивом Щепкина-Куперник достигает настоящей поэзии:

Мы шли на кладбище. Осенний день был светел,
Деревья — пурпуром и золотом горя —
Стояли пышные... В стенах монастыря
Нас хор торжественно и величаво встретил.
Опущен в землю гроб. Рыдавшая вдова
Со стоном ужаса упала на колени...
Священник говорил напутствия слова,
Крутом монахини темнелись, точно тени.
Осенний ветерок, так шаловливо-свеж,
Играя складками печальными вуали,
Ласкаясь, пробегал сквозь траурный кортеж...
И, равнодушные, как он, к слезам печали,

Недвижно темные монахини стояли.
Обряд окончился — надгробный хор утих,
И плавно двинулись монахини... меж них
Две — юные совсем — ступая тихо рядом,
Вдруг подняли глаза — и обожгли нас взглядом.
Потом скользнул их взгляд по каменным стенам —
Стенам монастыря, спокойным и холодным...
— Они мучительно завидовали нам —
Страдавшим, плакавшим, рыдавшим —

но свободным⁴².

Нечасто мы находим у нее такое прямое превращение опыта в лирику, такое отсутствие готовых фраз. Слышится у нее отголосок Тютчева, тем не менее эти стихи — подлинные и зрелые.

Тютчевские мотивы наиболее убедительны в следующем сборнике «Облака» (1912 год). Одно особенно удачное стихотворение, положенное на музыку и Сасс-Тиссовским и Александром Манном, начинается: «Если страдешь, молчи! Тайна — гордость святого страдания...», тем явно припоминая «Silentium» Тютчева. К сожалению, этот третий сборник страдает расплывчатостью, очень может быть, потому, что Щепкина-Куперник уже десять лет писала все больше и больше повествовательные стихи, драмы и прозу. Так, ее подражания Овидию, написанные в духе и на языке Льва Мея, уже устаревшие на два поколения, навевают только скуку на читателя. Даже более короткие стихотворения, например «Сказки Мариок», — машинально перечисляют смену сезонов и содержимое цветников ее дачного сада. Единственный новый жанр в этом сборнике — это поминальная лирика, стихотворения на смерть Марьи Крестовской, Антона Чехова. Такие стихи только подтверждают, до какой степени Чехов был прав, сравнивая Щепкину-Куперник как поэтессу с директором похоронного бюро. В этих стихах горе подчиняется приличному и церемонному трауру.

Репутация Щепкиной-Куперник, как и репутация Федора Сологуба, сильно пошатнулась после публикации ее лирики военного времени. Когда в 1923 году она вновь обрела дар речи, опубликовав в Берлине «Сон зимней ночи» на смерть Александра Блока, об этом знала только русская эмиграция. Тем не менее такая публикация была известна литературным критикам ОГПУ, и ее нужно счесть актом гражданского мужества. Щепкину-Куперник вдохновляет *saevo indignation*, дикое возмущение, и хоть раз в жизни

⁴² Впервые опубликовано в газете «Новое время» 29 ноября 1898 года.

она не смягчает свой гнев. Форма поэмы близка к блоковской драме: умирающему поэту мерещатся Ветер, Дух молчания, Духи огня, лихорадки, боли и смерти (Огня, Трясея, Ломея, Навея). По глубине понимания того, какими силами вдохновлялся Блок, поэму можно сравнивать с «Четырьмя отрывками о Блоке» Пастернака. Щепкина-Куперник даже лучше, чем Андрей Белый, сумела воссоздать декламаторский и лирический стиль самого Блока. Рисуя погибающую Россию, она, без сомнения, многому научилась у Волошина, но в своей призрачности эта поэма кое в чем предвосхищает «Поэму без героя» Ахматовой. Самая мощная часть поэмы — это окончание, когда Блок говорит в последний раз и Ветер его оплакивает.

Поэт (приподнимаясь).

Один... Почему я один?..

Со мной вся Россия — с ее вечною тайной,

С шириной бескрайной

Ее беспредельных равнин.

Россия! Какое огромное, необъятное слово.

Древнее слово, и все в нем так ново!

— Сатрапов роскошь... Ужас нищеты...

Раскольничьи костры; цыганские попойки;

Обедни ранние и громоуханье тройки;

И мессы черные, и тихие скиты.

Дворцы. Монастыри. Притоны воровские.

И всё — Россия!

Изысканный фарфор старинных ваз;

Опасный яд утонченных романов;

От Глюка музыки божественный экстаз —

И бубны дикие, и вой шаманов.

Верлена стих, перенесенный к нам;

Камаринский, гармошка и Петрарка;

Казацкий кнут гуляет по спинам;

Курные избы и фонтаны парка.

Букеты роз в граненом хрустале;

Голодные бунты по всей земле.

Распутники. Преступники. Святые...

И всё — Россия!

— В оковах жила так много веков;
Но сбросила разом цепи оков,
Шутя, так легко и так просто, как в сказке...
Никто не мечтал о подобной развязке.
Свободу схватила! Подержала в руках:
Любовалась! Ее целовала так жарко!
Высоко подняла... И смеясь, как дикарка,
Готова игрушку грохнуть оземь во прах.
И опять покаянная бродит,
И места себе не находит,
Причитает по-бабьему в голос —
И не знает сама — за что так недавно боролась?..
— А может быть, эти паденья —
Залог грядущего взлета?
Может быть — муки рожденья,
Кровавая жизни работа?
Не знаю! Но верую, верую,
Что тьма бороться устанет;
Сквозь мглу нависшую, серую
Солнце ночное проглянет.
Увижу ли это — не ведаю,
Доживу ль до счастливых годин?
Озарюсь ли конечной победою? —
Но пока я один.
— Где же друзья мои, где мои братья?
Погибли одни... Замолчали другие...
Третьи, во гневе твердя проклятья,
Повернулись спиной к России.
И остались со мной — тишина ночная
Да ветер с полярных равнин...
Где же прошлая жизнь?.. Вопрошаю, не зная:
Почему я один, почему я один?..

Мечется и стонет. В лунном полумраке начинают крутом
него шевелиться странные женские фигуры. Заглушен-
ными голосами они говорят с ним, вея, рея и колеблясь
крутом него, как клочья тумана: это — сестры-лихорадки.

<...>

Ветер (*врываясь снова, с волем*)
Умер! Умер поэт!
— Теперь придут похоронные бабушки:
Свечи зажгут, оправят лампадушки...
Любят возиться с мертвыми: это им суший клад!
Живого — всегда проглядят.
Зачитают псалмы погребальные,
Состроют гримасы печальные...
Старайтесь! Настала наша пора.
Только я, Ветер с Севера, с Севера,
Буду плакать над ним до вечера
И с вечера — вплоть до утра!⁴³

После 1923 года Щепкина-Куперник писала главным образом в архив, и то, что она до сих пор не собирала в книги, она вообще не пыталась переиздавать. Несобранных стихотворений насчитается, вероятно, 500 или 600, разбросанных по столичным газетам и журналам Серебряного века. Среди них можно найти десяток, под которыми не постыдились бы подписаться ни Цветаева, ни Ахматова. Иногда понятно, почему она так не хотела переиздавать произведение. Автобиографическую поэму «Марьянна Болховская», например, она похоронила, вероятно, из-за того что ее несоответствие с фактами ее личной жизни было слишком очевидно; стихи в жанре «женских писем» в 1910-е годы становились у нее все чувственнее и сильнее — и тем неудобнее для публикации в ханжеской атмосфере советской литературы. Тем не менее такие стихотворения, как «В гамаке», передавая качание гамака, поражают своей яркостью:

У тебя есть соперник опасный:
Это — солнечный луч! Погляди,
Как ко мне сквозь листву он пробрался
И скользит по плечам и груди.
Он ласкает меня, чуть касаясь,
Нежно щеки мои золотя;
И горячим своим поцелуем
Он глаза мне смыкает, шутя. <...>⁴⁴

⁴³ Стихи. Берлин: Гамаюн, 1923. С. 17 – 26. Два рукописных варианта этой «маленькой трагедии» см.: РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 90, л. 5 и ед. 94, л. 1.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 90, л. 5; ед. 94, л. 1.

Другие стихотворения, например «Бессонницу», можно сопоставлять с лирикой Тютчева:

Часы бессонницы ползучей
Лежат камнями на груди...
Уйди, проклятая, не мучай,
В туманном утре пропади!

Как сладки, несказанно сладки
Часы бессонницы вдвоем;
Часы безумной лихорадки
С неугасающим огнем!
Когда для ласки нет запрета,
Полна душа, — и все равно,
Что голубой упрек рассвета
Давно уже глядит в окно.
О, та бессонница красива,
Как налетевшая гроза;
В ней — вдохновение порыва,
И у нее — *твои* глаза!

— А эта... злобная старуха
Ко мне садится на кровать
И, наклоняясь, шепчет в ухо,
Смеясь назойливо и глухо,
Что счастьем больше не бывать!..⁴⁵

Такой же парадокс мы наблюдаем в военных стихах. Те, что написаны после сборника «Стихи. Эхо войны», свидетельствуют о мастерстве и независимости мироощущения, которые отсутствуют в сборнике. Строки Щепкиной-Куперник:

Пред грозным призраком войны
Мы клоним в ужасе колени,
Без слез мы провожать должны
Бойцов возлюбленные тени⁴⁶

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 89, л. 13 и ед. 94, л. 5.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94 (записная книжка с вклеенными вырезками из газетных публикаций), л. 31.

ничего не теряют от сравнения с голосом Кассандры-Ахматовой тех лет. И в октябре 1917 года Щепкина-Куперник смело опубликовала протест из глубины души «Обезумевшим», стихотворение, очень созвучное пророческим стихам Волошина. Неудивительно, что стихотворение спрятано в ее архиве; удивительно только то, что потом никто не заставлял ее покаяться и отречься от него.

После революции газетные публикации редки и прослеживаются с трудом. Понятно, что она печатала только то, что соответствовало требованиям эпохи, — панегирики колхозникам и вдовам ветеранов войны, плачи по эксплуатируемым немецким работницам, стихотворный алфавит для школьников, — и что оригинальное и глубоко прочувствованное зарыто в ее бумагах.

Но с ранних лет Щепкина-Куперник хранила самое искреннее только для своих глаз. Даже ее «Автопортрет», написанный в тринадцать лет, поражает той непосредственной естественностью, которой так не хватает ее опубликованной лирике:

Она совсем, совсем не для романа:
Толста, мала...
Но не глупа моя Татьяна,
Да и не очень зла.
Она была бы недурна, пожалуй,
Но вот — у ней всему виною нос...
Несчастный, он ужасно перерос —
А это недостаток ведь не малый!
Она философ и мечтательница вместе —
Все потому, что Таня не на месте,
Ей следовало бы лет пять назад родиться <...>⁴⁷

О советской действительности Щепкина-Куперник умела писать откровенно, хотя, кроме самых близких ей людей, никто этого не подозревал. Замечательно то, что она иногда предвосхищает известных поэтов. Смелые высказывания Пастернака во «Втором рождении» уже начертаны Щепкиной-Куперник в 1919 году в пророческом стихотворении, написанном в Симеизе (Крым):

Судьба плетет узоры смело,
И цель рисунка не видна.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 84, л. 69.

Сегодня ужасы расстрела,
А завтра — мир и тишина.

Сегодня — красная основа,
А завтра — белый весь уток,
А там... а там, быть может, снова,
Кровавых мутных дней поток.

Но в этой страшно пестрой ткани
Прядется золотая нить:
Дар не презреть чужих страданий,
Способность горячо любить.

И кто постиг чужое горе,
Кого порыв любви увлек —
Тот начертал в живом узоре
Незабываемый цветок.⁴⁸

С Пастернаком ее связывает какое-то поэтическое родство. В 1919 году Щепкина-Куперник уже постигла стиль зрелого Пастернака; в 1935 году, однако, она метко, но не жестоко, пародировала раннюю манеру поэта:

УЗКОЕ В МАРТЕ (À LA PASTERNAK)

Лысины... Манные кашки...
Лень... и соблазны Нирваны.
Воздух бодрит, как мурашки
Четырехкамерной ванны.

Все тут по штату: не extra,
Белкой деревья подбиты.
Солнце, заезжий мазстро,
С мартом играет гамбиты.

Шах объявил Капабланку,
Двинул противник метелью.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 89, л. 80.

Можно сказать спозаранку,
Партия будет ничьею.

Если в работе заминка
Хлынула кровью из носу:
Здесь мастерская починка:
«Будешь носить без износа»⁴⁹.

Щепкина-Куперник заранее предугадывала голос известных, но младших поэтов. Сопоставленные восклицания в стихотворении «Голоса с улицы» записаны в 1926 году, за три года до «Клопа» Маяковского:

Полно, бабка, на Волково давно пора.
— Кому лука зеленого, лука!
— Огурцы соленные по три копейки штука!
— Нашумевший роман Золя —
10 копеек вместо рубля...⁵⁰

В равной степени в стихотворении «Музыка» Щепкиной-Куперник чувствуется есенинская образная многозначность:

В воздухе морозном мерный шаг солдат:
То красногвардейцы с песнею спешат —
Молодая смена.
В молодецкой песне — удаль мятежа...
Словно на морозе трепетно дрожа,
Стонут струны скрипки.
Горькими слезами звуки налиты:
Это в них рыдают прошлого мечты,
Прошлого ошибки⁵¹.

В тридцатые годы, все глубже стоически замыкаясь в себе, заглушив свой голос, Щепкина-Куперник как будто нашла его.

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 102, л. 57.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 96, л. 13.

⁵¹ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 88, л. 52.

Присущая ей оптимистическая философия, ее бескомпромиссные поиски счастья оказались бессильными перед враждебной действительностью:

КОРОМЫСЛО ДНЕЙ

Как тяжело нести коромысло дней...
В том ведре, где счастье — совсем на донце.
То ведро, где горе — много тяжелей!
И трудна дорога, и резко светит солнце.
Переменить плечо — и снова, снова в путь.
Дух перевести — и засмеяться бодро:
Когда-нибудь конец! Можно отдохнуть!
Только б донести не расплескавши ведра.
Горе расплескать — затопишь все вокруг...
Счастье расплескать — с чем же оставаться?
Но ты мне поможешь, мой любимый друг,
Ношу донести — и не надорваться⁵².

Впервые Щепкина-Куперник употребляет метафоры, не объясняя их значение. Ее загадочные стихи «Гаданье» заслуживают сравнения с одноименными стихами Цветаевой:

ГАДАНИЕ

По реке сплывают тихо
Семь серебряных лампад.
Шесть — горят, седьмая — гаснет...
И туманится твой взгляд.

По реке сплывают тихо
Три таинственных венка.
Два — плывут, а третий — тонет...
И в душе твоей тоска.

Не гадай и не печалься —
Неизбежен вечный рок!

⁵² РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 104, л. 41.

Все в конце концов погибнет:
Жизнь, лампада и венок⁵³.

Можно сказать не только, что несобранное превышает по качеству собранное и что ненапечатанное — напечатанное: больше того, черновики иногда лучше, чем отделанные стихотворения. Если сравнивать Щепкину-Куперник с Пушкиным, то они работали противоположным образом. Пушкин часто намечал замечательную схему рифм, прежде чем писать стихи. Она сначала собирала и обрабатывала сырые, а потом снабжала стихотворение довольно предсказуемой рифмованной оправой. Она работала, как художник, у которого большой запас старых рам и большая банка с лаком. Очень часто стихи звучат лучше до обрамления и до лакирования. Например, в черновиках 1940-х годов есть белые стихи о погребении, без сомнения, Николая Борисовича Полынова. Боль и тоска мешали Щепкиной-Куперник превращать эти свободные белые строки в правильные стансы. Голый стих, даже без знаков препинания, но насыщенный услышанными и увиденными образами, сильно действует:

<...>

Ветер сухой и знойный
Висевший на золотых канатах
Тяжело, опустили
Два могильщика
Гроб в глубину могилы.
— Тяжелым торжественным стуком
Удар гроба о землю —
Это очень величественно:
Под черным ящиком разбиты
В прах тяжелые комья земли.
Ветер вздымал из глубокой могилы
Беловатую пыль
<...>⁵⁴

⁵³ Эти стихи ходили по рукам, устно или в рукописи. Экземпляры можно найти в РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 89, л. 72 и в одном альбоме, хранящемся в Музее им. Бахрушина (Ф. 1, ед. 4981, и Ф. 1, ед. 1451). Стихи цитирует Любимов, op. cit. С. 359, который говорит, что они приснились Щепкиной-Куперник.

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 157, л. 44-45.

Таких черновиков довольно много в ее последних записных книжках. Иногда мы находим всего лишь две строки:

Ночь мне кажется старой темной гравюрой
И сама я на ней — ненужным пятном⁵⁵.

Иногда целое стихотворение записано, но почерк превращается в какую-то для одной Щепкиной-Куперник разборчивую скоропись. Может быть, самыми незабываемыми стихами, которые она когда-нибудь писала, является нездешнее стихотворение о двух женщинах, в лунную ночь прогуливающихся в Царскосельском парке и которым мерещится дух Екатерины II. И тема, и ритм, и образы, которые пробирают душу ознобом, напоминают «Сентиментальное путешествие» Поля Верлена:

Две женщины бродили в снежном парке,
Шли прямо на жемчужную луну.
Вдали вели три призрачные арки
В какую-то волшебную страну.
Крутом вставляли прошлого картины,
Былая жизнь, что промелькнула там,
И <нрзб> тень Екатерины,
Их улыбалась сказочным мечтам.
«И я как вы бродила в этом парке
Над спавшей чашей лунного пруда,
Мои мечтанья были так же яркие
Дерзать, желать — стремилась я всегда.
Мечты Растрелли, грезы Камерона
Приют любви был стройный мой дворец.
Для женщины любовь — корона,
И я любила свой двойной венец.
Пусть ваши дни текут совсем иначе
На мутных берегах Невы —
Здесь во дворце я не была богаче,
Я дерзновенней не была, чем вы.
И в этом мире скучном, тусклом, пестром
Путь уже <нрзб>⁵⁶

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 105 л. 62.

⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 97, л. 50.

Это «нрзб», которое отрезает окончание стихотворения, может быть — лебединой песни Щепкиной-Куперник, намекает на роковой порок поэта. Она так опасалась любого проявления необузданной оригинальности в своем творчестве, что самое лучшее она спрятала, иногда безвозвратно.

В своем альбоме «Моя жизнь с мужем» среди многих других есть один существенный упрек: «Н. Б. никогда не критиковал... это составляло мое огорчение». В самом деле Николай Борисович много писал, он даже переводил Анри Бергсона, но, если бы он вмешался в творчество жены как беспристрастный редактор, если бы он кое-что сжигал и кое-что переписывал, современный читатель смотрел бы на Щепкину-Куперник совершенно другими глазами и она могла бы не обернуться «забытой поэтессой».

Для этого издания мною отобрана приблизительно одна треть всех стихотворений, написанных (собранных, опубликованных в периодике, неопубликованных) Щепкиной-Куперник. Как большая часть своих современников, она строила свои сборники не хронологически, а группировала стихотворения циклами. Даже в сокращенном варианте, нам казалось правильным сохранить циклический порядок. Несобранные и неопубликованные стихотворения напечатаны, поскольку их можно датировать, в строго хронологическом порядке. (Щепкина-Куперник не всегда метила стихотворение годом написания, но по соседству стихотворений в одной тетради можно догадываться, когда неопубликованное и недатированное стихотворение было написано.) В редких случаях длинное стихотворение мы печатаем в сокращенном виде: опущенные стихи отмечены знаком <...>. Иногда, к сожалению, в самых оригинальных строках, почерк поэта не расшифровывается, и нам приходилось объявить слово неразборчивым: <нрзб>.

В решении включить или не включить стихотворение руководящим критерием была не только талантливость стихотворения: надо тоже показать, чем Щепкина-Куперник завоевала любовь своих современников (и читателей и композиторов) в начале двадцатого века, и представить все разнообразие ее жанров, техники и сюжетов. Обе ее поэмы включены: «Марьяна Болховская» потому, что эта поэма показывает, кем поэтесса хотела бы быть в глазах людей, а «Сон зимней ночи» потому, что поэма доказывает, что Щепкина-Куперник смогла вложить в историю русской поэзии.

A black and white portrait of a woman, identified as Schtscherkina-Kupernik, sitting at a desk and writing. She is wearing a dark, high-collared dress and has her hair styled in an updo. The desk is covered with a patterned cloth and has some papers and a small object on it. The background is a plain, light-colored wall. The photo is mounted on a dark album page.

„Щепкина-Куперник“
„SCHTSCHERKINA-KUPERNIK“

из сборника «Из женских писем»
(1898, 1903)

1. ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебе стихи мои, тебе, мой добрый гений!
Твой светлый взгляд во мне надежду воскресил,
Открыл мне новый мир чистейших вдохновений
И влил в меня притоки свежих сил.
«Живи! — слова твои мне строго зазвучали. —
Забудь свои мечты, забудь свои печали,
Но, растворившись вся в лучах Его любви,
Себя отрадою несчастных назови!
Живи, живи для тех, кто слезы льет тоскуя,
Своей поэзией им, как раба, служи,
И прокаженному — в отраде поцелуя,
Как некогда святой, и ты не откажи!
Да, люди бедные и слабы, и преступны,
Но им даны и смех, и слезы от Творца, —
Так пусть твои слова им будут всем доступны,
Хоть робко, но стучись с любовью в их сердца!
Из каждой той слезы, из той улыбки ясной,
Что силой слова вызвать можешь ты, —
Твоя награда, твой венец прекрасный,
Твои небесные цветы».

2. «В лиловом сумраке вагона»

— Мне позабыть тебя? Нет, никогда! Ты слышишь?
— Да можно позабыть скорей
То сердце, что стучит в груди твоей,
И воздух тот, которым дышишь.
Ну да! Старалась я, за делом и в толпе,
Гнать прочь мечту мою. Но вот опять, случайно,
В лиловом сумраке заснувшего купе,
Осталась я одна; и вкрадчиво, и тайно
Прекрасный образ твой, как нежный, верный дух,
Пришел и стал сюда так близко к изголовью,
Что имя милое шепчу я чуть не вслух,
С мучительной тоской, с мучительной любовью.
Под мерный шум колес пустая болтовня
Моих соседок по вагону,
Как будто бы по телефону
Заглушена, доходит до меня.
...«Любовь... Зубная боль... Прислута... Мода... Дети...»
Не слыша, слушаю слова чужие эти;
Мне больно!.. Нету слез у воспаленных глаз,
Но плакать я, рыдать хотела бы сейчас!
Воспоминания толпятся вереницей,
Расплавленным свинцом они мне сердце жгут.
Картины прошлого, страница за страницей,
Под ровный шум колес передо мной встают.

На станции глухой, волнуясь и бледнея,
Дрожа, как девочка, тебя ждала я, друг.
Осенней свежестью дышало все вокруг.
Блестела золотом кленовая аллея;
В саду еще цвели последние кусты
Пунцовых георгин; поспевшая рябина
Краснела гроздьями; белеясь, паутина
Летала в воздухе, а желтые листья,

На землю падая, кружились с легким шумом.
Прислушивалась я к своим мятежным думам...
Ко мне монахиня со сбором подошла.
Она в моих глазах наверное прочла
Своим пытливым, умным взглядом
Тоску и страсть тревожную мою.
Со мною опустившись рядом
На деревянную скамью,
Она сказала мне: «Вот... вы бы к нам, в обитель,
Так, просто погостить... А там, пошлет Спаситель,
Совсем остались бы у нас...
Велик в миру соблазн, а горя-то как много!»
Я только голову склонила... Я от Бога
И от молитв была далеко в этот час!..
— Два красных фонаря блеснули в отдаленье.
Прижала руки я к груди...
В глазах монахини мелькнуло сожаленье.
Мне было все равно... Там, близко, впереди
Ждала я счастья с дымком локомотива...
О Боже, Боже мой! Как все я помню живо:
Улыбку милую твою, твой гордый рот,
Блестящие глаза и шепот твой тревожный:
«За нами здесь следят... Будь очень осторожной!»
Звонок, потом свисток, еще свисток — и вот
Мы вместе!.. Мы с тобой!..

— Ты помнишь те мгновенья?
Ты помнишь, как, полны блаженного волненья,
Друг друга за руки держали мы с тобой?..
А первый поцелуй сквозь легкий тюль вуали?
А взгляды страшные, что грозно нам кидали
Две дамы старые, — ты помнишь? Боже мой!..
Как мы прозвали их, два старые дракона
Потом уснули сладким сном.
А мы не спали... Нет!.. В молчании ночном,
В лиловом сумраке вагона
Я голову к тебе склонила на плечо,
Тебе слова любви шептала без завета,
Твоим речам внимала горячо...

— Мы были счастливы... Мы платимся за это!..
Так ночь прошла, как сон. Наутро мы вдвоем
С тобою в городе затеряны чужом:
Ни любопытных лиц! Ни клеветы досужной!..
Ты!.. ты и я!.. Стоим у нашего окна
И мягкой осенью любимся мы южной.
Как синевы небес прозрачна глубина!..
Как пестрая толпа внизу оживлена!
Ей дела нет до нас и до того, что с нами
Здесь счастье спряталось за этими стенами!..
— Как будто вырвавшись на волю из тюрьмы,
Как дети счастливы, смеемся, шутим мы.
Нас забавляет все: и номер наш уютный,
И взгляды горничной, и стук ежеминутный,
Неволью нас пугающий слегка
Во время нашего обеда.
А там... там долгая, душевная беседа.
В твоей руке лежит моя рука...
Смеркается. Огни уж в окнах замелькали.
Все реже стук колес; шум городской утих...
Откуда-то летит певучий звук рояли...
Ты с ласкою волос касаешься моих,
Целуешь мне глаза... — Чуть слышно ночь подходит,
Истому сладкую, лукавую наводит.
Не зажигаем мы ненужного огня!
Молчу, но и без слов ты слушаешь меня.
Мы околдованы, внимаем старой сказке...
Как звезды в темноте, блестят глаза твои,
И тихо поддаюсь я в дивном забытии
Твоей туманящей и молчаливой ласке...
— И чудный сон прошел... Три дня!.. Всего три дня!..
Когда он наступил, тяжелый час разлуки,
Я думала, что грудь не выдержит от муки...
Но плакать не могла я, счастье хороня.
— Долг! Честь! Обязанность!.. — О, фразы,
фразы, фразы!..
Я не избегнула губительной заразы
Пустых и жалких слов, что с детства наизусть
Велят нам затвердить ханжи и лицемеры.

Долг? Честь? Обязанность?.. Безумие! Химеры!..
Нарушила я долг, что мне за дело? Пусть!
Мой долг — любить тебя, честь — на тебя молиться;
Обязанность — душой с твоей душою слиться,
Ловить твой каждый взгляд, повсюду за тобой
Покорно следовать счастливою рабой!..
— Зачем же смелости тогда мне не хватило?
Зачем на твой немой, но понятый вопрос
Я только полные невыплаканных слез
Глаза тоскливо опустила?
И вот расстались мы. Ты — на родной твой юг,
Где ждал тебя твой труд, и слава, и искусство;
Я, я — домой, на север, о мой друг,
Учиться покорить рассудку, воле — чувство.
Но только поезд твой совсем исчез вдали,
Мне слезы страстные всю душу обожгли.
На бархатный диван упала я, рыдая...
«Вернись! Вернись ко мне! Тебе я все отдам,
Жизнь, волю!..» Поздно уж. Увы!.. Моим слезам
Ответа не было!

— Я помню, как тогда я
Схватила с нервной поспешностью перо:
Слова: «Io t'ameró... Sempre t'adoreró!..»
Я телеграммою послала за тобою..
О, буквы мертвые!.. Ведь ими не открою,
Не выскажу всего!..
— Три дня!.. всего три дня.
Простишь ли ты, скажи, простишь ли ты меня,
Что после этих дней рассталась я с тобою?
Что счастье тебе так полно я дала
И от тебя взяла с такою полнотою, —
И так безжалостно, так больно прервала?
— Такое счастье пройти не может даром!
Теперь все кажется ненужным, скучным, старым...
Так после пламенной Италии чудес
На севере родном нам бледен свод небес.
А для меня теперь, друг милый, побледнели
И звуки Вагнера, и краски Боттичелли;

Над мрачным Байроном уже не мечтаю я,
И полка с книгами запылена моя.
В уме одна лишь мысль, в душе одно желанье,
Одна, одна любовь — но даже права нет
Открыть кому-нибудь заветное мечтанье,
Целуя, сохранять твой дорогой портрет!..
Всегда молчание, молчание — и тайна...
Бояться за себя, за взгляд, за краску щек,
Бояться имя вдруг во сне назвать случайно,
Дрожать за брошенный нечаянно намек...
Жить с постоянною, гнетущею боязнью
Не за себя, о нет! но за других, поверь.
А нет! Молчание мне было худшей казнью,
И способ я нашла заговорить теперь:
Мое решение все муки успокоит,
Да... Монастырь меня в своих стенах укроет.
— Твоей любви тогда я не взяла,
Подумай, жизнь разбить боялась я чужую.
Но эта жертва слишком тяжела:
Я умираю!.. Я тоскую!..
Моя монахиня была тогда права,
Теперь пророчески сбылись ее слова:
Да, вот он, вот исход последний, неизменный!
Я буду счастлива в обители священной;
Молиться за тебя не запретит никто,
Молитва за других не может быть преступна?
Так имя милое, с молитвою слито,
Теперь становится устам моим доступно!..
Но прежде чем уйду — последняя мольба:
Дай мне еще тебя увидеть на прощанье!..
Сказать, что я люблю, что я твоя раба,
Что с твердостью свое исполню обещанье!..
О! если не простишь, — верь, я не упрекну.
Виновна только я, и мне нести вину.
Но, может быть, найдет мой друг великодушный
В душе, недавнему волнению послушной,
Довольно сил простить?.. В последний раз склонюсь,
С благоговейным обожаньем
С умершим счастьем моим навек прощусь,

Упьюсь я счастья безумного страданием...

А!.. Дай мне этот сон увидеть наяву

Перед последнею, тяжелой, вечной драмой!..»

Ответ — всего шесть слов, но срочной телеграммой:

«О, милая, люблю, прощаю и — зову!..»

3. «SEMPER EXCELSIOR»

Твой благотворный ум мне силы придает,
Как смелого орла, высок его полет. —
Ты ласково ведешь своей рукою нежной
Мой боязливый дух в мир истины безбрежной;
Я часто здесь, смотря на высь лиловых гор,
Твержу твои слова: «Semper Excelsior!»
И постигаю я, что наделил не даром
Великий Прометей, как самым высшим даром,
Ценою смерти, нас божественным огнем.
Ищу я знания и вижу с каждым днем
Страницы новые. То дивный мир античный
Встает передо мной и слух мой непривычный
Ласкает мощною гармонией своей
Язык Овидия и пламенных страстей,
Язык Вергилия и сладостной эклоги,
И Рима древнего ко мне нисходят боги.
Но все меняется, и, легкий рой теней,
Витают предо мной поэмы прежних дней:
Тристан... Роланд... Мерлин... Изольда... Брадаманта;
И Философия — возлюбленная Данта:
С ней Беатриче он позабывал порой,
Отдавшись весь во власть любви своей второй.
Ты многих увлекла, волшебница Идея!
К тебе священной любовью пламенея,
Тобою овладеть старался человек.
Летели дни, года, летел за веком век:
Мечом ли гения иль стрелами таланта, —
И пылкость Гегеля, и ясный разум Канта,
И тысячи других, тебя одну любя,
Сражались за тебя и гибли за тебя.
Но если можешь ты царицей полновластной
Быть в сердце юноши, который с верой страстной
Отдаст и молодость, и жизнь тебе свою, —
О, сердца женщины стремлений не таю:
Ее к себе зовет еще одна богиня,
И без нее ей мир — печальная пустыня.
Как солнце — небесам, как ландышу — весна,

Как поцелуй — устам, так ей Любовь нужна.
И лишь озарена ее небесным светом —
Она становится мыслителем, поэтом:
Тогда ее душа как арфа зазвучит:
Любовь — вот меч ее, вот светозарный щит!
Храни ж мою любовь, как драгоценный камень,
Поддерживай во мне ее священный пламень,
И гордостью пускай блестит твой милый взор,
Когда я повторяю «Sempre Excelsior».

Лозанна

4. На станции

С каким страданием гляжу я в этот раз
На нашу станцию... И катятся из глаз
Невольно крупные, непрошенные слезы.
Все здесь по-прежнему, все... с золотой березы
С неясным шелестом спадает желтый лист,
Синеют небеса, осенний воздух чист,
И астры поздние, так быстро доцветая,
Покрыли весь цветник, как сетка золотая;
Того же нищего засохшие уста
О хлебе молят именем Христа,
И та же девочка с глазами голубыми
Смеется мне в окно, беспечно весела...
Она за этот год почти не подросла!
За станцией посад, домишки... А за ними
Далеко тянется полей спокойных ширь
И в зелени садов белеет монастырь.

И вот иллюзии таинственная сила
Меня блаженною отрадой охватила,
На миг забылась я! Почудилось мне вдруг,
Что этот год — был сном мучительным и смутным,
Кошмаром тягостным, но, к счастью, минутным
И что проснулась я — и вновь с тобою, друг!..
В вагоне рядом ты, у встреченных случайно
Твоих друзей, и я поэтому одна
Стою, задумавшись, у своего окна,
И с тихой радостью я улыбаюсь тайно,
И с детской шалостью я на стекло дышу.
И на явившемся тумане,
Подобно пушкинской Татьяне,
Я буквы милые пишу.
Твое присутствие я чувствую всецело!
Оно всю душу мне отрадою согрело.
И я невольно вслух произношу:
«Ты здесь!..»

Шаги — ты здесь. В волнении глубоком
Я голову кладу к тебе на грудь,
И мы молчим, чтоб счастья не спугнуть,
Пронизаны каким-то жгучим током.
Но, сжав меня сильней, средь синей полутьмы,
Ты тихо шепчешь мне: «Когда ж приедем мы?..»
Одна твоя незначащая фраза, —
И я уже полна безумного экстаза,
Я замираю вся в объятии твоём,
И ты со мной горишь одним огнём.
Я поддаюсь очарованья власти,
В твоих глазах читая речи страсти.
Как ярко в сумраке глаза твои горят
И, опаленные, пересыхают губы...
Я вижу, стиснуты твои невольно зубы —
Прелестных перлов ряд,
И ноздри нервные твои слегка раздуты!..
О, позабуду ли волненье той минуты?
Мой ум туманится, блаженная мечта
Рисует ярко мне картины упоенья,
И нежность ласк твоих, и тайный вздох смущенья...
И поцелуя ждут уста,
Ждут поцелуя пламенно и жадно...

О пробужденье! Как ты беспощадно!..

5. Будь со мной

На пути моей жизни мне страшно одной,
Друг мой, нежный мой друг, будь со мной!
Детский страх мою душу терзает порою,
Но мне легче, когда я с тобою,
И с доверьем прижмусь к твоей милой груди.
Ты меня своей твердой рукою води,

Будь со мною!

В мире, полном и злобы, и грязи, и лжи,
Ты меня не оставишь, о друг мой, скажи?
Я с тобой становлюсь и светлее и чище,
Ты — весь свет в моем скромном жилище;
Твоя ласка меня согревает зимой,
Я — твоя, я прошу тебя с нежной мольбой:

Будь со мной!..

Здесь без страха пройду я путь жизни унылой,
Но и в смертный мой час я с мольбою одной
Все ж скажу тебе, друг мой, и там — за могилой
Будь со мной!..

6. БОЛЬНОЕ УТРО

Какой печальный день! Нависли облака
Тяжелою и серой пеленою;
Дождь моросит... Гнетущая тоска...
И кажется земля усталой и больною.
Не видно солнца! Скрывшись в небесах,
Оно свой путь свершает невидимкой;
Блестящий шар в свинцовых облаках
Задержан траурною дымкой.
Оно исчезнет... в небе не блеснет
Заката луч прощальною улыбкой...
Как будто этот день и солнечный восход —
Все было только странною ошибкой.

Так иногда невидимо пройдет
Жизнь серого труда и будничных забот, —
Без ярких радостей, без яркого страданья;
Ни громкий смех, ни страстные рыданья
В ней пламенным волненьем не мелькнут;
Ей не блеснет восторг любви минут
Хотя на миг роскошною улыбкой...
И скроется она под тяжестью земли,
Как будто эта жизнь и эта смерть прошли
Какой-то странною ошибкой.

Глубоко в тайниках земли,
Не видя дня, не видя света,
Не видя яркой жизни лета,
Растений семена легли.
Работой их корней неслышной
И рос, и крепнул стебелек,
И наконец расцвел цветок,
Блистая красотою пышной.

Глубоко в тайниках ума
Легло губительное горе —
И не играла жизнь во взоре,
И душу охватила тьма.
Но горе властью сокровенной
Невольно возвышало ум,
И излилась вся горечь дум
В восторге песни вдохновенной!..

8. После грозы

Гроза прошла. Был гнев ее недолог.
Свинцовых туч разорван серый полог;
Как занавес в начале пьесы, он
Рукою чьей-то властной с места сдвинут,
И всюду в лужах ярко опрокинут
Сияющий и свежий небосклон.
Природы прихотливою игрою
Теперь в них глазу не увидеть дна...
Не так ли сердцу кажется порою
Ничтожных душ — бездонной глубина?..

9. Смерть

Я смерти не боюсь. Увенчана цветами,
Покину землю я с улыбкой на устах,
Я близких и друзей найду и меж богами...

К чему ж напрасный страх?

Там улыбнется мне таинственно Киприда,
И руку мне подаст малютка-бог, Эрот;
Сам в область мрачную туманного Аида

Меня он поведет.

Но лиру я возьму — и Цербер, страж ужасный,
Вмиг укротит свой гнев... а хоровод теней
Замолкнет, с жадностью внимая песне страстной

И пламенной моей.

Полету времени задумчиво внимая,
Так буду ожидать в подземной тишине,
Пока, тень милая, тень вечно дорогая,

И ты сойдешь ко мне!..

10. На крыльях сна

...Мне снился странный сон:
В прозрачной полутьме языческого храма
Златой алтарь стоял, весь в волнах фимиама,
И охранял его таинственный дракон.
Из полутемных ниш лукаво улыбался
Причудливых божков блестящий пестрый ряд;
Чуть слышно издали звон лютни раздавался,
И карилописца струился аромат.
Но вместо грозного, бездушного кумира —
Вся в золоте, в шелках, сверкая как змея,
Перед купальницей из яшмы и порфира
На алтаре златом стояла гордо — я.
А он, у ног моих склонившись на колени,
С тоскою пламенной он заклинал меня:
«Сойди, сойди ко мне! На холодные ступени
Спустишься ты, стройная, браслетами звеня;
Пускай твой светлый взор, исполненный загадки,
Пошлет мне яркий луч из смеха и огня;
Пускай зашелестят одежды легкой складки,
Сойди, сойди ко мне — и полюби меня!
И я схвачу тебя и унесу далеко,
Далеко в кущу роз, в пленительную тьму;
Сложу у ног твоих я все дары Востока...
Сойди, сойди ко мне!..»
...И я сошла к нему.

11. В родных полях

Простор полей родных. Бледнеют краски неба,
И тени алые на землю полегли.
Поля — свободны уж от убранный хлеба...
Лес темной полосой синее вдали.
Осталась на полях солома золотая,
Густой щетиною торчат ее стебли.
По небу тянется птиц перелетных стая:
То — дружно поднялись к отлету журавли,
На юг, на дальний юг свободно улета.
Безлюдно все кругом, куда ни поглядишь:
Давно последняя была полоска сжата,
И всюду — тишина в час розовый заката.
Не та опасная, тревожащая тишь,
Которую полны Италии заливы,
Когда молчат они, лукавы и ленивы,
Как кошка, что сквозь сон подстерегает мышь.
Не та немая тишь, что, сумрачны и горды,
Таят Норвегии таинственные фьорды.
Но та блаженная, святая тишина,
Какой проникнута бывает лишь Россия,
Когда в заката час молчат поля родные
И в отдых сладостный земля погружена.
Ее могучая, загадочная сила
Колосья пышных нив взлелеяла, взрастила;
Она дала нам хлеб — и отдых сладок ей,
До нового труда, до новых вешних дней.
И вот теперь она так отдалась покоем,
Что, глядя на нее, смиряется душа,
И сердце не болит, не бьется мысль с тоскою,
Благословенною отрадою дыша.
— Приди и отдохни! Так, матерински-нежно,
Как будто шепчет мне усталая земля.
И затихает ум, грудь дышит безмятежно,
А сердце, кажется, свободно и безбрежно,
Как эти мирные, безбрежные поля!

12. ***

«Пишу из нашего прекрасного далека.
Пера уже давно я в руки не брала,
С тех пор как в эту глушь меня по воле рока
Капризная судьба как ветром занесла.
Я и не думала, что близко от столицы
Еще встречаются такие уголки:
Глушь!.. Тишина кругом! Одни и те же лица,
А вы все от меня так страшно далеки!
Здесь не встречает глаз ни улиц раскаленных,
Ни шума адского и скучной суеты,
Ни чахленьких детей, ни скверов запыленных,
Ни газовых рожков, ни сонной духоты.
Заглохший старый сад; в нем барский дом старинный;
Весь как-то почернел, приходит в ветхость он;
Но — зала с хорами, и на стене в гостиной
Портреты важные допавловских времен.
Чуланы, лесенки без счета, кладовые —
(Чего бы в кладовых вы этих не нашли!
Альбомы бабушек, — Жуковский весь в пыли,
Цветы увядшие, фарфоры расписные!..)
Терраса прямо в сад; здесь — мир и тишина:
Любимый уголок помещицы-старушки,
Где целый Божий день с работою она;
Вот кресло старое; слинявшие пастушки
С подушек вышитых умильно взоры шлют.
Старушка — (с дочерьми: они здесь часто шьют)...
Пред ней на столике «божественная книжка»,
У ног ее — с чулком чумазая Аришка.
Сама она в чепце. Печальный добрый взгляд...
Глаза, прекрасные когда-то, смотрят странно:
Как будто в прошлое далекое глядят,
Как будто в будущем не все для них туманно!
Здесь каждым вечером следит она за тем,
Как солнечный закат горит на небе пышно.
Вздохнет — и думает, что скоро уж совсем,

Быть может, суждено угаснуть ей неслышно
И солнца не видать...

Увы, не долог срок!..

И грусть и тишина здесь в уголке таится.
А дальше, на дворе — особенный мирок:
Там жизнь своя идет, кипит и суетится.
То девка пробежит, то закричит индюк;
В открытое окно посуды слышен стук;
Воркуют голуби; пес с лаем с цепи рвется;
Индюшка с важностью ведет свой пансион;
Сцепился с курицей щенок — и побежден...
Все это без толку мирится и дерется.
Здесь что-то делают. У нас же целый день
Бездействие и лень, томительная лень!
С утра, с восьми часов, весь день я не одета,
С закрученной косой, в капоте, без корсета,
Не в силах ни читать, ни мыслить от жары;
Лежишь, не двигаясь, закрывшись кисеею,
Спасаешься от мух, спасаешься от зною,
Почти с отчаяньем вечерней ждешь поры.
Купаться ли пойдешь — вода не освежает,
И тело, как огнем охвачено, пылает.
Но только жар спадет — я отгоняю лень;
Хотя еще сильна невольная истома
И сил нет отойти на полверсты от дома —
Идешь на воздух, в сад, — и заберешься в тень.
Цветы здесь славные: заглохшие куртины...
Сирень уж отцвела, за нею и жасмины.
Настала очередь для роз — они в цвету.
Я легкий аромат вдыхаю в упоенье...
Труднее отогнать капризную мечту...
Сижу — и слушаю. Услышу ль в отдаленье
Звон колокольчика иль ровный стук колес —
И сердце глупое сильнее, сильнее забьется.
Все ближе... ближе стук... И лаем вдруг зальется,
Навстречу кинувшись, дворовый славный пес.
Тут почту принимать иду я торопливо
И в связке с письмами ищу нетерпеливо
Конверт, надписанный знакомою рукой.

Все почтой заняты — нарушен наш покой!
— Посылка? От кого? — А мне повестки нету?
— Что значит... неужли вчера он не писал?..
Но все прочтут свое, и письма, и газету,
Старушка пробежит церковный свой журнал.
Тут за газетами подъедут два соседа:
— Что нового? Как вы? — И потечет беседа
Про дождь, про урожай, про нового бычка,
Про свадьбу Настеньки-поповны, про жучка...
Но самовар несут. Отрадная картина:
Кувшины с молоком, душистая малина,
И деревенский хлеб, — и чудный аппетит!
Там — снова на балкон. Уж небеса темнеют,
И воды озера неясно розовеют,
И тихо к нам звезда вечерняя глядит.
Ты здесь, мой кроткий друг! Ты здесь, со мною рядом.
Задумчиво склонен изящный профиль твой,
Ты вдаль уносишься своим глубоким взглядом,
Куда?.. И следую я мыслью за тобой.
О, час волшебных грез! Примолкни все невольно,
Торжественная тишь... и сладко мне, и больно,
И далеко несут меня мечты мои.
И внемлю я, полна таинственной печали,
Как с дивно-грустной мелодией рояли
Перекликаются из сада соловьи!..»

13. Часики

Часы не идут. Механизм часовой
Испорчен; в них сердце не бьется.
Ужели в душе хоть минутной тоской
Часов моих смерть отзовется?..
Вы, часики! Грустно смотрю я на вас
С невольной и странной печалью,
И падают тихие слезы из глаз
На крышечку с синей эмалью.
По этим изящным, старинным часам
Прабабушки жизнь протекала;
По ним, еще девочкой, шла она в храм,
Уроки брала, рисовала.
По ним же, закутавшись в розовый газ,
К придворным балам выезжала...
По ним... изменила ему в первый раз, —
Тоску ожидания узнала.
По ним пролетели волшебные дни,
Минуты любви, наслажденья...
Все реже, короче все были они —
И ужас пришел охлажденья...
По ним, уж старушкой, в молельне она
Тоскливо молитвы шептала,
И в долгие, страшные ночи без сна
Лекарство по ним принимала.
Она умерла. Они стали тогда...
Я их получила в наследство.
По ним пролетели, умчались года
Далекого, милого детства.
По ним я безумную юность сожгла,
И жить, и любить научилась...
По ним, как прабабушка, счастье нашла —
И так же его я лишилась!..

14. Повилика

В углу запущенного сада
Цветет особенный мирок,
Живая вьется там ограда
И часто пчел гудит роек.
Там бледно-розовая смолка,
И мак из пурпурного шелка,
И голубые васильки,
И кашка с запахом медовым,
И с легким отблеском лиловым
Изящной мальвы лепестки.
На них играют солнца блики,
Но всех милей из их семьи
Цветы миндальной повилики,
Цветы любимые твои.
С какою нежной, цепкой лаской
Они вокруг розы обвились,
Какою розоватой краской
Они от счастья залились!

15. Ты

Ароматного лета цветы,
Сквозь листву звезд ночных трепетанье,
Сонных вод тихий плеск и шептанье,
Упоительной ночи мечтанье —
Это ты!..
Сладкий яд пышноцветной сирени,
Колебание света и тени,
Нега полудня, полная лени, —
Это ты!..
Все, что яркою прелестью блещет,
Все, что пышет, живет и трепещет
Обаяньем святой красоты,
Все блаженство печального света,
Чем душа молодая согрета, —
Это ты!..

16. Поцелуй

Действительность рукой неугомонной
К нам в двери счастья постучала вдруг;
Она спугнула сон мечты влюбленной
И прервала наш поцелуй, мой друг.
На небесах, в селеньях рая вешних,
Над звездами есть чудные цветы;
Меж тех цветов, прекрасных и нездешних,
Расцвел цветок нежданной красоты.
Весь полон неги — прелести стыдливой, —
Он затмевает все цветы вокруг;
Цветок любви, цветок тот горделивый —
То поцелуй наш прерванный, мой друг!..

17. Credo

Я хочу быть свободной, как ветер степей,
Как волшебная песня поэта,
Вырвать душу свою из мертвящих цепей,
Из оков лицемерного света.

Я хочу никогда никого не просить,
Я хочу безграничной свободы —
Я хочу без стеснения ласкать и любить
Меж красот вечно юной природы.

Я хочу, чтоб к тебе приводила луна,
В час скользящих и призрачных теней,
Лишь меня; чтобы я наполняла одна
Рой весенних твоих сновидений.

Я хочу, о мой друг, любоваться с тобой
И звездами и алой денницей;
Я хочу быть твоею безвольной рабой —
Я хочу быть твоею царицей!

18. Твои глаза

Твои глаза изменчивы, как море,
В них то восторг, то пламенное горе,
И отраженье водной глубины,
И фальшь, и блеск таинственной волны.
Лучи огня и смеха! Две загадки!
То солнца луч, то страстная гроза...
Гляжу в твои глубокие глаза,
И мучаюсь, и эти муки сладки.
Смотрю, смотрю, тону в них взором я...
О, если бы так умереть могла я,
Покинуть мир не мысля, не желая,
И прочь уйти в страну небытия.

19. Мечта

Прекрасной бабочкой была моя мечта,
Но в руки я ее взяла неосторожно, —
И легких крылышек исчезла пестрота,
И вернуть ее уж было невозможно.

— — —

Прекрасной лилией была моя мечта,
Но слишком я уста прижала к ней тревожно, —
И белой лилии исчезла чистота,
И вернуть ее уж было невозможно.

20. Сумерки

А ветер все шумит в темнеющей аллее,
А дождик все стучит в закрытое окно —
Вечерняя звезда блистает все тусклее,
И небо грустное, как жизнь моя, темно!
В приливе трепетном какой-то грустной лени,
Рука с работою упала на колени,
И под наивное чиликанье сверчка
Обрывки мыслей, дум, переплетаясь странно,
Плывут рассеянно, печально и туманно,
Как в небе осени печальной облака...
И хочется к тебе прижаться понежнее
И сладко отдохнуть... Но ты не здесь давно!
А ветер все шумит в темнеющей аллее,
А дождик все стучит в закрытое окно.

21. Amoroso

Скажи, где старых лип душистая аллея,
В которой нас никто не мог бы увидеть;
В тени ее хочу, мой милый, не краснея,
Склонясь к тебе на грудь, «люблю» тебе шептать.

.....

Целуй меня, целуй! Теперь здесь нет угрозы,
Теперь нам клевета людская не страшна;
Чтоб не увидеть нас, головки склонят розы
И спрячется за облако луна.
Чтоб не услышать нас, сосна зашепчет с елью,
И затрещит сверчок, и ветер зашумит,
И соловей своей волшебной трелью
Наш поцелуй смущенный заглушит!

— Возлюбите врага... — заповедал Христос, —
Оттого и люблю я тебя.
Ты ль не враг мне? О, сколько мне горя и слез
Твой пленительный образ с тобою принес,
Мою юную душу сгубя.
Он зажег меня всю непонятным огнем,
Он лишил меня детского сна...
Мои думы о нем, мои грезы о нем,
И душа вся отравы полна.
Всю-то ночь предо мной неотвязный вопрос:
Любишь ты? Или шутишь со мной, не любя?..
— Возлюбите врага... — заповедал Христос, —
Оттого и люблю я тебя!..

Твоей трепетавшей холодной руки
Своей я коснулась рукою.
Как близки мы были с тобою,
Как были в тот миг далеки!

Безумный горел на устах поцелуй,
Мы чувством одним трепетали.
«Прощайте», — уста прошептали,
А очи сказали: «люблю, не тоскуй!..»

из сборника «Мои стихи»
(1901)

Моему другу Саше

24. Слово

Громко всюду слово раздавалось прежде,
Призывало к счастью, верило надежде...
Слышалось по старым римским площадям,
Голубем слетало в иудейский храм.
С высей дальних гор звучало... и народу
Возвещало милость, правду и свободу!
Эти дни минули. Горделив и смел,
Вдохновенный гений словом завладел.
Прикрепивши слово на страницах книги,
Вещие поэты, светочи небес,
Облегчали нам житейские вериги,
Уводя с собою в светлый мир чудес,
И, венки сплетая из цветов созвучий,
Пели гимн природе и любви могучий.
Мало этих гимнов слышно в эти дни...
В прошлом отзвучали дивно так они.
Слово стало робко, тихо и несмело...
Но творит, как прежде, дорогое дело!
С нежною любовью к нам стучась в сердца,
Слово просвещает наших братьев темных;
Слово — дар чистейший, высший дар Творца —
Стало достоянием тружеников скромных.
Часто горек хлеб их, слишком путь тяжел...
Не один из них и смерть в нужде нашел.
Многих позабыты бедные могилы,
Многих позабыты скромные дела...
Труженикам слова — пожелаем силы!

Пожелаем слову — вольный лет орла!
Пусть звучит, как прежде, пламенное слово,
Милосердно к горю, к власти зла — сурово;
Пусть оно не будет чуждо никому,
Пусть сияньем утра разгоняет тьму
И, полно святого, теплого привета,
Всех ведет в чертоги разума и света!

25. «Я хочу быть свободной»

Я хочу быть свободной,
Свободной,
Точно ветер холодный
Иль жгучий,
Что играет с небесною тучей!
Я хочу быть свободной,
Свободной,
Как поток многоводный,
Мятежный,
Что стремится к пучине безбрежной.
Я хочу быть свободной,
Свободной,
Как орел благородный,
Могучий,
Что витает над горною кручей.
Да, я жажду свободы,
Свободы! —
Пусть живу я не годы —
Мгновенья:
В ней — восторг, в ней огонь вдохновенья...
Я умру, я умру без свободы!..

26. НЕУРОЖАЙ

Истощена земля: не в силах хлеба дать.
Напрасно к небу шлют моления люди;
Несчастливая — примолкла, точно мать,
Которая боится зарыдать,
Держа ребенка у иссохшей груди.
А он — виновный без вины —
Страдает, плачет он, не зная,
За что его карает грудь родная...
Так плачет и народ моей страны.
С отчаяньем его рыданиям внемлю...
Повсюду слезы, слезы... Сколько их!
Но, видно, мало слез людских,
Чтоб напоить сухую землю.

27. Бояться мы должны...

Бояться мы должны не грозного восстания,
Не хитростей подпольных, не врагов.
Бояться мы должны тяжелого незнания
И вечного невежества оков.
Не противленья власти и законам,
Не смелых подвигов должны бояться мы —
Но равнодушия к людским слезам и стонам,
Но прозябанья в царстве мрачной тьмы.
Невежество — вот враг непобедимый,
Что родину лишает лучших сил,
Источник гибели незримой
И преждевременных могил.
Мы, на борьбу с ним выступая смело,
Должны бояться только одного:
Что не успеет наше дело
Одной хоть жертвы — вырвать у него.

Из-за каменных, крепких, таинственных стен
Мне кивают вершины деревьев;
Ветви глухо шумят:

— О, как мрачен наш плен,
Как судьбы беспощаден к нам гнев!
Не видать никогда нам широких полей,
По которым, серебряной ленты светлей,
Тиховодная льется река;
Не слышать, как шумит шелестящий камыш,
Не слышать, как в еще не заснувшую тишь
Чья-то песня летит с челнока.

Наших пыльных корней не омоет ручей;
Утомившийся путник от знойных лучей

Не укроется в нашей тени;
Ясноглазые дети толпой не придут
Землянику искать в наш зеленый приют
В голубые июльские дни.

Никогда нам не спрятать влюбленной четы,
Не подслушать нам лепета нежной мечты,
Не подслушать речей огневых.

Только изо дня в день, в тот же миг, в тот же час,
Видим бледных людей, что идут мимо нас

Под дозором немым часовых.
И глядят на листву нашу, странно глядят,
И на их безнадежный, мучительный взгляд
Мы в ответ им ветвями шумим.

Мы для них — воплощение минувшей весны;
Прежних сил, прежних грез вдохновенные сны
Мы приводим таинственно им.

О, бывая весна! Море, степь, темный лес!..
...И, за ними смотря в глубь свинцовых небес,

Мы с печалью своей не одни:
За оградой тюрьмы, нашей мрачной тюрьмы,
О просторе мечтаем так трепетно мы,
О свободе тоскуют они!

29. Куранты

Песенка старых курантов...
— Слышится мерный гавот:
В буклях, в уборах из бантов
Парочка чинно идет.
Пудра... румяна и мушки...
В нежной усмешке — каприз...
— Жду приговора пастушки!
— Этою ночью, маркиз!..
Бьет час желанный свидания:
Туфелька красная смело стучит
По коридорам старинного здания...
 Нежно,
Светло, безмятежно
Времени голос звучит.
Песня старинных курантов:
— Грозно темнеет Нева;
Крупным узором брильянтов
Блещет небес синева.
Ночь холодна и сердита,
Черные волны дрожат.
Крепкие стены гранита
Верно тюрьму сторожат.
Здесь каждый час — час страдания;
Шаг часового так гулко стучит
По коридорам старинного здания...
 Важно,
Печально, протяжно
Времени голос звучит.

30. ДОЧЕРИ ГОРЯ

Мы — дочери горя, мы бледные тени,
Мы часто проходим на вашем пути.
Сторонимся робко, боясь подойти,
Но в храме мы всходим на те же ступени,
Мы — дочери горя, рабы нищеты;
Пусть солнце сияет с весеннего неба,
Пусть пышно крутом расцветают цветы,
Мы мимо проходим; нам хлеба! нам хлеба!
Другим — наслаждений и славы венец,
Пир юности светлой, мечтами богатой...
Кружись, колесо нашей жизни проклятой,
Кружись, пока смерть не сказала — конец!

Зачем мы живем? Для чего существуем?
Зачем нам и мысли и чувства даны?..
Зачем иногда наши юные сны
Любовь обжигает своим поцелуем?
Ужасна борьба увлеченных сердец;
Мы купим миг счастья тяжелою платой...
Кружись, колесо нашей жизни проклятой,
Кружись, пока смерть не сказала — конец!

О, бедные дети! Их лучшие годы
Не знают блаженства, не знают свободы;
В погоне за хлебом всегда и всегда
Их матери — ясная нежность чужда.
И часто их смерть не бывает утратой
Для горем и злобой забитых сердец...
Кружись, колесо нашей жизни проклятой,
Кружись, пока смерть не сказала — конец!

Деревья, и камни, и тучи — свободны!
Покой им дарован веленьем судьбы:
А мы... рождены мы для вечной борьбы,
Но наши усилия напрасны, бесплодны!
Труда мы хотим? — Нет страшнее труда,
Как труд отыскать, если душит нужда!

И мы надрываем последние силы,
Мы рвемся вперед, чтоб дойти — до могилы.
За что эту жизнь ниспослал нам Творец?
За что, за чей грех она служит расплатой?
Кружись, колесо нашей жизни проклятой,
Кружись, пока смерть не сказала — конец!

31. На кладбище

Мы шли на кладбище. Осенний день был светел,
Деревья — пурпуром и золотом горя —
Стояли пышные... В стенах монастыря
Нас хор торжественно и величаво встретил.
Опущен в землю гроб. Рыдавшая вдова
Со стоном ужаса упала на колени...
Священник говорил напутствия слова,
Кругом монахини темнелись, точно тени.
Осенний ветерок, так шаловливо-свеж,
Играя складками печальными вуали,
Ласкаясь, пробежал сквозь траурный кортеж...
И, равнодушные, как он, к слезам печали,
Недвижно темные монахини стояли.
Обряд окончился — надгробный хор утих,
И плавно двинулись монахини... меж них
Две — юные совсем — ступая тихо рядом,
Вдруг подняли глаза — и обожгли нас взглядом.
Потом скользнул их взгляд по каменным стенам —
Стенам монастыря, спокойным и холодным...
— Они мучительно завидовали нам —
Страдавшим, плакавшим, рыдавшим — но свободным.

32. Музыка

С тех пор как древле власть разгневанной святыни
Смирила дерзкий дух языческой гордыни,
И вавилонские разрушила твердыни,
И карой страшною смешала языки,
Все люди, полные смятенья и тоски,
Друг другу чуждыми в мгновенье ока стали;
С тех пор мы понимать друг друга перестали.
Когда-то близкие — враждуют племена,
И речь соседних стран чужда нам и странна.
Но есть один язык, великий, сокровенный,
Остался он один — для всех, во всей вселенной;
Равно понятен всем, равно всем близок он,
Звучит он, с нежностью тоску души врачуя,
В нем первый вздох любви, в нем сладость поцелуя,
Полет высоких дум и смерти грозный сон.
Он в сердце каждого святое будит чувство,
И духу скорбному мешает он упасть.
Язык тот — музыки прекрасное искусство,
Святой гармонии возвышенная власть.

33. Вечность

Бесстрастной чередой вперед идут века —
Нещадна времени жестокая рука.
Где пышный город был — теперь, угрюм, печален,
Темнеет лес глухой средь мертвого песка;
От царственных дворцов остался ряд развалин;
Колонны гордые повержены во прах,
И их к земле вьюнков приковывают цепи.
Где прежде водопад, шумя, бежал в горах —
Уныло стелются все выжженные степи.
Набеги варваров сметают племена,
Снося с лица земли работу вековую;
И вносит за собой мощь новую, живую,
Притоки новых сил кровавая война.
На пажитях войны — спокойны и ленивы —
Колосья до земли в молчанье клонят нивы,
На грустных кладбищах пышней растут цветы,
Льют розы аромат среди могильной пыли.
Все обновляется...

И дней минувших были
Становятся преданием мечты.
Так все меняется в круженье бесконечном,
Но в мире многое все ж остается вечным,
Есть власть незримая великих, вечных сил.
Так, вечно в небесах далеких и бездонных
Свершает мерный круг течение светил;
Так, вечно чудный жар горит в сердцах влюбленных;
Так, вечно солнце льет чудесное тепло
И повинуется капризу моря;
Так вечно на земле людьми играет зло;
И власть добра живет с ним, вечно споря.
Кто этот вечный спор победой заключит?
Того не знаем мы — грядущее молчит.

34. Тебе

Возьми венок из рифм моих: все грезы,
Все радости — тебе принадлежат.
Ведь рифмы — это грустной жизни розы,
Моя любовь — их нежный аромат.

Возьми венок из рифм моих: все слезы,
Всю нежность в них — тебе я отдаю.
Для них на миг ты оторвись от прозы,
И хоть на миг — пойми любовь мою!..

35. Перед грозой

Все нет грозы, но уж свинцовой тучей
Затянут весь померкший небосклон;
Я жду — удар раздастся неминуемый
И за собой грозу притянет он.
Природа вся в каком-то напряженье.
Затихло все, тяжелый парит зной.
Ни шороха, ни звука, ни движенья,
Но быть грозе — и страх владеет мной.

Все нет любви, но уж душа трепещет,
И тайным все значением полно.
Иначе — все; иначе солнце блещет,
Иначе — месяц смотрится в окно.
Душа молчит, но смутной тайной властью
Охвачена пьянящею волной...
Любовь придет, откроет путь к несчастью...
Я жду любви — и страх владеет мной!

36. Без луны

Без луны

Небеса не ясны;
Светлой тайной не дышит земля:
Не полны
Голубой тишины
И брильянтовых сказок поля
Без луны.

Без цветов

Нет душистой весны,
Не чаруют весенние сны,
И лугов
Не роскошен покров,
И сады так печально-грустны
Без цветов.

Без любви

Нет живой красоты.
Счастья грезы к себе не зови
Без любви.
Не беги же прекрасной мечты!
О, поверь, жить не будешь и ты
Без любви!..

37. Глаза

В одни глаза я влюблена.
Я упиваюсь их игрою.
Как хороша их глубина...
Но чьи они — я не открою.

Едва в тени густых ресниц
Блеснут опасными лучами —
И я упасть готова ниц
Перед волшебными очами.

В моей душе растёт гроза,
Растёт, тоскуя и ликуя...
Я влюблена в одни глаза...
Но чьи они — не назову я!..

38. Сильнее поцелуя...

Нужны мне только эти очи
В тени опущенных ресниц,
Их свет, их тайна звездной ночи,
Их трепетание зарниц.
Я не хочу иной отрады,
Мне поцелуи не нужны,
Нужны мне только эти взгляды
С их сказкой чудной глубины.
В них с упоением смотрю я,
Впивая страсти тонкий яд,
И жжет сильнее поцелуя
Меня очей любимых взгляд.

39. Неугасимая лампада

Зажгла я пред своей прекрасною мечтой
Неугасимую лампаду.
Впивала я в мечте прекрасной и святой
Блаженства полную отраду.
Моей мечте несла я пылкие мольбы,
Но беспощадного веления судьбы
Я дерзновенно не нарушу!
И боги новые явились ко мне
И жаждали моих волнений;
И я им отдала молитвы в тишине
И жар таинственных томлений.
Но в этот самый миг, в безмолвии немом,
О прежнем божестве мечтала я тайком,
Полна сомнений странных яда;
И с тайной мукою смотрела я туда,
Где в темном уголке мерцала как звезда
Неугасимая лампада!

40. Дедушкин кисет

О дедушкин кисет из бисера и шелку!..
Я долго на него смотрела втихомолку.
Как хороши его наивные цветы,
Слинявшие тона, изящные листы,
Тюльпаны с голубым и розовые розы.
Гляжу... и странные в душе витают грезы.
Я вижу бабушку. Она была тогда
Чиста, как лилия, прелестна, молода,
С глазами серыми и темными косами.
В душе ее едва зажглись любви мечты,
Люби неопытной и полной чистоты,
Люби дозволенной и скрепленной отцами.
Они расстались — на год; но не была
Для сердца юного разлука тяжела.
Она ждала его с доверием счастливым;
В ней места не было сомненьям и порывам;
Чтоб скоротать часы и чтоб мечтать о нем,
Она взяла шелки и бисер самоцветный;
И труд, труд женственный, едва заметный,
Вперед все двигался, неспешно, с каждым днем,
Под пальцами ее узоры вырастали
И появлялись махровые цветы,
А в нежную канву иголка тонкой стали
Вплетала нежные и светлые мечты.
Работа шла к концу, покою помогая;
В ней ожидание с надеждою слилось;
Когда окончилась задача дорогая,
Разлука кончилась — и счастье началось.
Уж старым старичком, дрожащими руками
Как только дедушка брался за свой кисет —
Невольно он глядел на бабушку глазами,
В которых теплились и ласка и привет.
И старичков уж нет... А он! Любви счастливой
Свидетель ласковый и вечно молчаливый —
Остался на земле испытанный кисет.

...Теперь кисетов нет,
Не в моде долгие и скучные работы,
Что требуют труда и дружеской заботы,
Работать некогда, нам дорог каждый час,
Машины грузные работают за нас.
Кисет — мешочком стал, теперь в нем носят внушки
Бинокли и платок; хорошенькие ручки
Несут его в театр, небрежно теребя.
Но я ценю того, кто, о былом скорбя,
На миг забудется в наивно-грустных грезах,
Кто память старины в твоих оценит розах
И с нежной ласкою посмотрит на тебя.

из сборника «Облака»

(1912)

Вместо эпиграфа:

...По небу проходят облака; то голубые, как мечта, то розовые, как нежность, то золотые, как надежда, то темные, как печаль... Издалека, издалека идут они. Куда? Зачем? Не знаю. На миг остановят ваше внимание, и проплывут, растают, исчезнут без следа...

Н. Б. П [олыно] ву

Я ведала восторг, рожденный вдохновеньем,
С слезами чистыми и сладостным забвеньем;
Я видела мечту
В сиянье идеала...
Я знала красоту,
Но счастья не знала.

Я поняла душой блаженство сострадания;
Умела облегчить чужих скорбей рыдания;
Не раз я нищету
Участьем утешала...
Я знала доброту,
Но счастья — не знала.

Не раз ко мне неслись безумные признанья,
Во прах у ног моих склонялось обожанье:
Я побеждала страсть,
Как некогда Омфала...
Я в жизни знала власть,
Но счастья не знала.

Окружена людьми — и страшно одинока,
Страшась кипевшего кругом меня порока,
Не веря, не любя
Во мраке я блуждала...
Я встретила тебя —
И счастье узнала.

42. Прощание Лаисы

О Афродита, мать Красоты!
Пенорожденная,
Все победившая, непобежденная,
Снова внимаешь мне ласково ты.
В минуты восторга, в минуты ль печали,
Тебе лишь моления уста повторяли:
Начало начал и жизни родник, —
Не отвращала ты светлый свой лик.
Иду к тебе ныне с прощальным приветом
И зеркало это тебе отдаю.
Я отдаю тебе в зеркале этом
Любовь, наслажденье и юность мою!
Гладкая эта поверхность металла
Так верно, так точно в себе отражала
Улыбку мою, и глаза, и уста —
Души вдохновенья и сердца движенья...
И вот глубина ее будет пуста —
Навеки исчезнет мое отраженье.
Все исчезает, проходит как дым,
Все тонет в грядущем туманном.
Но в зеркале этом чеканном
Мое отраженье не должно смениться другим.
Я оставляю его всемогущей богине:
Бессмертье твое пусть оно отражает отныне,
О Афродита — прими его ты,
Пенорожденная,
Все победившая, непобежденная,
Мать Красоты.
И еще, пред тобою колени склоняя,
Приношу я тебе, всеблагая,
Благодарность за все, что давала ты мне:
За радости, ласки, улыбки, рыдания,
За способность любить, наслаждаться вполне,
За ревность и чудную тайну страдания.
Все это благо, все это нужно мне было,

Чтоб я полною жизнью жила.
Да, я полною жизнью жила —
И вот ухожу! пока сердце еще не остыло,
Пока не мертва душа,
Пока я еще хороша!
Не буду я видеть в глади металла,
Как увядают розы ланит,
Как больше любовью взор не горит,
Как красота чаровать перестала...
Но мир будет помнить меня
Царственной, юной, божественно ясной,
Образ Лаисы навек сохраняя,
Как память всего, что прекрасно.
И будут навеки слиты
Имя Лаисы, Лаисы черты —
С тобою, о пенорожденная,
Все победившая, непобежденная,
Афродита, мать Красоты!..

43. Fides — Spes — Amor

- 1 Кто может молиться — отраду найдет:
Чудесный покой есть в смиренных молитвах
И вера смягчает нам жизненный гнет...
.....
Но кто позабыть нас заставит о битвах?
- 2 Сияет в лучах небосвод голубой,
И лилии чисты, и розы красивы;
Весна нам приносит надежду с собой...
.....
Но кто же осушит кровавые нивы?
- 3 О друг мой, дай милую руку твою:
Любовь — это отблеск далекого рая;
Над миром царит ее воля святая...
.....
Но кто возвратит нам погибших в бою!

На грани сна и жизни, в час туманный,
 Когда рассвет еще не победил
 И сумрак белой ночи наводил
 На все свой отблеск трепетный и странный —
 Ко мне теней явился смутный рой,
 И близко встали призраки у ложа:
 И, тишину ночную не тревожа,
 Речь дивную вели они со мной.

И первую — зловещая старуха
 Сказала мне таинственно и глухо,
 Склонившись к изголовью моему:
 «Ты в жизнь вошла бестрепетной и смелой:
 Но пред тобой — рукой окостенелой
 Я дней твоих завесу подниму.
 Взгляни сюда! Ты встретишься со мною
 На жизненном пути своем не раз:
 Запомни взгляд моих голодных глаз —
 Узнай меня: зовусь я — Нищетою!»
 «Ты Нищета? Смотри! Я молода,
 В моих руках есть пламенная сила,
 Мне творчества заветы жизнь открывала...
 Мне нужен хлеб? Его найду всегда:
 Ступай же прочь — я не боюсь труда!»

И тень пришла — бледнее изваянья
 И как надгробный камень холодна;
 Ее слова звучали, как рыданья...
 «Ты знаешь Скорбь? — промолвила она. —
 Я — Скорбь! Я та, кто властью беспощадной
 Навеки в людях леденит сердца;
 Отныне я, как спутник безотрадный,
 Пойду с тобой до самого конца!»
 «Привет тебе! Ты песен дашь мне новых,
 Любить людей меня научишь ты;
 В моем венке из острых игл терновых
 Для них — для всех — я отыщу цветы!
 Узнав с тобой всю глубину страдания
 И тех, кто страждет, сердцем возлюбя, —

Я в песнях им верну свои рыдания...
Привет мой, Скорбь! Я не боюсь тебя».

И третья вышла, с головой медузы,
А сотни змей, как спутанные узы,
Шипя, свиваясь, вслед ползли за ней.
С усмешкою она мне прошептала:
«Иль моего ты не боишься жала?
Я — Клевета!» — «Палач сердец трусливых,
Я не боюсь твоих наветов лживых:
Пред Истиной — смолкает Клевета!
Я сохраню хрустально-чистой совесть,
И после смерти дел смиренных повесть
Замкнет тебе змеинные уста!»

И снова тень, как гений темнокрылый,
Пришла и стала впереди теней,
Исполнена загадочною силой,
Прекрасней всех — и всех других мрачней.
«Настанет день — и я смету без следа
Твои дела, и мысли, и мечты;
Я — Смерть, всего живущего победа:
Ужель меня не убоишься ты?...»
«Нет, не тебе я буду слать проклятья:
Придет мой час, окончен будет путь,
Я с радостью приду в твои объятья —
Чтоб наконец спокойно отдохнуть!..»

Но предо мной явилась тень иная —
Прекрасная, цветами увитая;
Ее очей бездонных глубина
Была и слез, и радости полна.
«Меня ты знаешь?» Лаской неземною
Мне прозвучала сладостная речь.
«О, не страшись, дай мне тебя увлечь,
И в новый мир пойдем — пойдем со мною.
Лишь власть мою отныне славословь:
Иди за мной: меня зовут Любовь!»
И стало сердцу пламенно и больно,
Всю душу обнял безотчетный страх, —
И с трепетом склонилась я безвольно
Перед своей владычицей во прах.

45. Кладбище грез

Вся наша жизнь — огромное кладбище
Для наших чувств, желаний, дум и грез.
И чем они светлей, чем были чище —
Тем раньше их железный рок унес.
Как легкие и радостные духи,
Являются другие в смену им;
Мы удержать так страстно их хотим —
Но силы жизни к нашим просьбам глухи,
Еще одна погибшая мечта,
Убитая действительностью злобной...
Еще воздвигнут памятник надгробный,
И горько мы рыдаем у Креста.
Не бойся слез, не сдерживай стенаний!
Мы рождены, чтоб хоронить мечты
И на могилы им носить цветы —
Священные цветы воспоминаний.

46. Ангелы падшие

Ангелы падшие
Станным полны обаяньем;
Розы увядшие
Тонким полны ароматом.
Краски поблекшие
Нежною бледностью ценны;
Годы протекшие
Воспоминаньем прекрасны.
Арфы разбитые
В звуках скрывают рыдания,
Грезы забытые
Часто прекраснее новых.
Глуби бездонные
Тайными чарами манят;
Души спаленные
Выше и глубже невинных.

47. Я хочу...

Я замкнула себя самовольно
В узкий-узкий магический круг;
Но порою становится вдруг
Мне в нем тесно, и страшно, и больно.
И сжимаю я цепи сильней.
И себя беспощадно бичую,
Чтоб забыть свою душу былую
И грозу, бушевавшую в ней.
Я стянула заветную сеть;
Я хочу быть холодной, холодной,
Я хочу быть от грезы свободной,
Я хочу ничего не хотеть.

Мне снилось — я в гробу очнулась:
Я задыхалась от тоски,
Я крышку прочь сорвать хотела —
Но люди были далеки.
Я не могла освободиться
Из роковой тюрьмы своей,
А стонов ужаса и воплей
Никто не слышал из людей.

Моя душа в гробу томится...
Она живой погребена.
Напрасно в безысходном мраке
Освобожденья ждет она.
Она сама спастись не в силах
Из роковой тюрьмы своей —
Ее ж рыдания и стонов
Никто не слышит из людей.

49. Молодость

«Взгляни в мои глаза: я — молодость твоя,
Простись со мной навек — тебя я покидаю
И, крылья развернув, в далекие края
Лечу, свободная, лечу к иному маю.
Я скроюсь от тебя!.. Ты хочешь знать куда?..
Туда, где кроются бывшие сны и ласки,
Отцветшие цветы, померкнувшие краски

И отсиявшая звезда.

Я унесу с собой все щедрые дары,
Все переливы жизни многогранной,
Весь трепет ярких чувств, всю прелесть тайны странной
Воображения сверкающей игры;
Все — что звалось «любовь», что родилось весной...
И, потеряв меня, навек простясь со мной —
Тогда лишь ты поймешь, мучительно и ясно,
Как я была светла, как я была прекрасна!»

50. **Excelsior**

О, немного стремленья!

Розы жизни цветут:

Цепи рушатся звенья...

И — свобода от пут.

О, немного усилия!

Звезды счастья зажглись:

Разверни свои крылья...

И — в лазурную высь!

51. Молчи

Если страждешь — молчи! Тайна — гордость
святого страдания,

Терпеливо неси тяжкий крест, тяжкий гнет.

Тот, кто сам от людей заглушает рыдания,

Тот, кто страдает, — поймет.

Если любишь — молчи! Тайна — прелесть любви
сокровенной,

Скрытый в чаще цветка упоительный мед.

Тот, в чьем сердце звучит счастья гимн вдохновенный,

Тот, кто любит, — поймет.

52. С тобою...

С тобою редкие мгновенья,
Как драгоценные камни,
В основу жизни вплетены.
Из них — творю свои виденья,
Слагаю сказочные сны.

На каждом камне — яркой гранью
Лучей таинственный излом;
Но нет предельности сиянью
В очаровании твоём.

И драгоценные камни
Вокруг меня смыкают звенья
Волшебной цепи все сильней;
Но я не знаю сожаленья —
Душа твоя... Цари... Владей.

53. Вдвоем

Шел плавно поезд наш. Мы, у окошка стоя,
На тихо плывшие смотрели облака.
Земля была полна прекрасного покоя,
И неба синева казалась глубока.
Я вспоминала ночь. Меж дымчатой вуали.
Вот так же — трепет звезд таила глубина;
И, глядя на луну, полна своей печали,
Вот так же тихо я стояла у окна.
И так же поезд мой скользил почти бесшумно,
И так же на меня лила свой свет луна...
О, как тогда любви хотелось мне безумно...
Как я была тогда печальна и одна!..
Но где же, где ты был? Зачем так одиноко
Позволил мне блуждать по трудному пути?..
Люби ж меня сильнее, люби меня глубоко
И мне за прошлое сторицей заплати.

54. Хорошо

Хорошо! Хорошо, что земля залита
Серебристым сияньем луны,
Что небес глубина и ясна и чиста,
Что мечты мои тоже ясны.
Хорошо! Хорошо, что скользнул и пропал
Лунный свет на твоих волосах,
Что крутом жемчуга, и сапфир, и опал,
Что алмазы блестят в небесах.
Что, алмазами пенясь, шумит водопад
И без умолку песню поет,
И — откуда дороги уж нету назад,
Он туда нас немолчно зовет.
Хорошо! Хорошо, что в мерцанье лучей
Полон ласки и грусти твой взор,
Что дыханье вольней и слова горячей,
Что так рвется душа на простор,
Хорошо! Хорошо, что средь жизненной тьмы
Я такие мгновенья ловлю,
Хорошо, хорошо, что так молоды мы,
Что тебя я безумно люблю.

55. Водопад

В однообразье разнообразном,
В пене жемчужной,
В блеске алмазном
Слышен каскада могучий гул.
И каждый звук жизни праздной,
Жизни ненужной
В нем потонул.
В вечной игре, в напряженье движенья,
В вечном стремленье без достиженья,
Мимо гранитных громад,
Мимо преград,
С яростью буйной, несвязной,
С шумом летит водопад.
Бьется, мятется, кипит, и клокочет,
И над людскою властью хохочет:
«Если ты можешь — останови!..»
Так в моем сердце нет утомленья;
Вечное чувство без утоленья,
Вечно в нем бьются волны любви.

56. Синие глаза

Маргарите Николаевне М-с

Синие глаза, — синие, как море,
Синие, как звезды горных генциан.
Знали ль вы, что значит пламенное горе,
Знали ль вы, что значит страсти злой туман?
Гордые глаза, — как глаза орлицы, —
Знали ль вы, что значат слезы и мольбы?
Знали ль, что бывает, если взгляд царицы
Станет взглядом верной преданной рабы?..
Нежные глаза, — как глаза газели, —
Голубою сказкой были вы кому?
Нежностью своею вы кого согрели,
Чьей души усталой озарили тьму?
Взгляд ваш непонятный тонет в синей дали,
Две звезды лучистой, чистой синевы...
Что ж вы жизни дали? Что от жизни взяли?
Синие глаза, — видали ль счастье вы?..

57. Маргаритки

Бледно-алый час заката,
Море тишины,
И над тучкой голубою
Узкий серп луны.
В поле — царство маргариток,
Всюду их цветы
Между белых звезд невинных
Их царица — ты.
Также чистой белизною
Дышит облик твой;
Также в сердце луч сияет
Золота живой.

М. Н. Ермоловой

Корона сломана. Из всех ее жемчужин
Осталась чистая и гордая, одна;
И белизне ее оправы блеск не нужен:
Была прекраснейшей она.
Старались возвратить, по силе разуменья,
Короне — прежнее сиянье красоты:
Порой горели в ней поддельные камни,
Порой сменяли их душистые цветы,
И новой пышностью корона засверкала,
Храня жемчужину среди цветных камней;
Но пламенный рубин, и лунный луч опала,
И нежность юных роз — все меркло рядом с ней.
И грустным отблеском видений вдохновенных
Сияла чистая жемчужина — одна,
Прекрасна, как тоска молений сокровенных,
Как скорбь, печальна и бледна.

59. Той, которой уже нет

М. В. Кр [естовск] ой

Я вас люблю за все: люблю за хрупкость стана,
За выражение глаз, за бледность нежных щек...
Люблю за то, что в вас — все тайна, все намек,
Все дышит сказкою рассветного тумана;
Я вас люблю за то, что вы, подобно мне,
Витаєте подчас в надзвездной стороне,
Что упиваетесь цветов вы ароматом,
И трепетно мечтать способны над закатом...
Что звуки музыки в нас будят ту же грусть,
Одни и те ж стихи мы помним наизусть.
Я вас люблю за все — за смелые сужденья,
За утонченный ум, ловящий на лету
И слово каждое, и каждую мечту;
За сердце, что в любви не знает охлаждения.
Я вас люблю за то, что цели бытия
Познали глубже вы и поняли, чем я;
Что струны радости, и страсти, и печали
Для вас прекраснее, для вас полней звучали;
За то, что тайну жизнь открыла вам свою;
Я вас люблю за то, что я хоть *так* люблю.

Что-то прекрасное грубо разрушено...
Чистое, легкое пламя потушено
Чьей-то жестокой рукой.
Где ты, так рано во мраке пропавшая,
Ясной звездой нам тихо сиявшая
В грустной пустыне мирской?..
Горе не прощено, горе не меряно —
Но дорогое навеки утеряно:
Кто не оплачет тебя?..
Кто над тобою слезы не уронит,
Кто головы молчаливо не склонит,
О невозвратном скорбя?..
— Если не все — пустота безнадежная,
Если, быть может, душа твоя нежная
Смотрит на нас с высоты,
Если ты видишь, как скорбью мы ранены,
Как мы слезами тоски отуманены —
Плачь же над нами и ты.
Над сокрушенными, осиротевшими,
Песни дослушать твоей не успевшими,
Не досказавшими ласковых слов...
Кто осияет нас сказкою лунною?..
Арфою кто зазвучит многострунною,
Чуда над нами развеет покров?..
Холодно... пусто... Затерянность жуткая...
— Как же могла ты, ты, нежная, чуткая —
Так беспощадно уйти?..
Падают слезы в сознание бессилия.
— Сломана милая, чистая лилия...
Прощай — и прости!..

61. У могилы А. П. Чехова

Не мне, не мне сплетать на гроб ему цветы...
Не верит сердце в то, что жизни нет возврата.
Из дымки прошлого, как милый облик брата,
Встают знакомые, любимые черты.
На утре юности, и светлым утром мая,
Вот я брожу в саду, его словам внимая;
Он говорит о том, как нынче из земли,
Еще лишенной трав, чернеющей и влажной,
Тюльпаны ранние вдруг поднялись отважно,
О том, как яблони роскошно зацвели;
И ласка грустная прищуренного взгляда
Обводит с нежностью и свет и тени сада.
Тенистый старый сад... Он так любил его!..
Он слушал в нем весны живое колдовство,
Он в нем творил и жил... Но чеховскими снами
Не дышит старый сад; за милыми стенами
Чужие голоса, чужие дни идут,
А он — а он нашел себе иной приют.
— В Москве есть монастырь, с оградой зубчатой,
Покою благостным и стариной богатый;
Там башня старая — на ней часы идут,
И отмечает бой воздушный ход минут.
Как зерна жемчуга на дно хрустальной чаши,
Как капли чистых слез из глубины души,
Минуты падают в задумчивой тиши...
По вянувшим листьям шаги замедлим наши,
Пусть тихо нам звучит тот серебристый звон.
Минуты падают с верхов старинной башни...
— Где день сегодняшний?.. Не он ли — день
вчерашний?..
Что было и что есть?.. Где истина, где сон?..
И звон серебряный — мгновением летящим
Роднит прошедшее так странно с настоящим:
И все не верится, что нас покинул он,
И все не верится, что здесь — его могила,
Когда бы надпись нам бесстрастно не гласила:
«Здесь Чехов схоронен».

Но полно, здесь ли он?.. Под тяжестью гранита
Ужель его душа погребена и скрыта?..
Ужели нет его? В прозрачной тишине,
Где слышен ход минут, как звон жемчужных четок,
Он верно с нами здесь, печален, но и кроток.
Он с нами навсегда: и в каждом сером дне,
И в русских сумерках, и в летней дреме сада,
И в нежной девушке с задумчивостью взгляда,
И в скорбной женщине с надломленной душой;
В молитвенной тоске и чистой и большой.
В осеннем вечере и в музыке Шопена;
Он с нами, наконец, и в детской вере той,
Что человечество низвергнет узы плена
И будет жизнь еще прекрасной и святой!..
Он с нами — навсегда: душа его родная,
Все наши тягости, сомненья, муки зная,
Нам издали дарит свой грустный тихий свет,
Как тихая звезда над мутными волнами...
И верю: с Чеховым для нас разлуки нет,
Пока душа жива — я знаю, — Чехов с нами!

Москва

Я посетила их, те мирные места,
Где он когда-то жил, где он творил когда-то.
Природы нам родной, что он любил так свято,
Все та же тихая осталась красота,
Увидела и я во глубине России
Приветный уголок «дворянского гнезда»,
Куда от страстных гроз бушующей стихии
Любил мечты свои он уносить всегда.
Ни слава, ни толпа ему не заменяли
Любимого труда и сладостной печали,
Которой с юных лет питаюсь и дыша
Полна была его прекрасная душа.
Слегка болезненный, до женственности нежный,
Смотря на ширь полей и на простор безбрежный,
Уставшим сердцем он так сладко отдыхал...
И я увидела старинный этот зал,
Где он любил смотреть на пышные закаты
Под звуки важные бетховенской сонаты
И мощно отдавать послушному холсту
Свою, бессмертие сулившую, мечту.
Россию он любил. Быть может, смелый гений
Небес Италии иль Франции дитя —
Не стали б черпать в ней чистейших вдохновений,
На эту простоту вниманье обратя;
И мимо бы прошли с улыбкою презренья
К картине тишины и грустного смиренья;
Но дороги для нас все эти уголки:
Проселка узкого капризные извивы,
И красноватые песчаные обрывы,
И гладь зеркальная серебряной реки,
И волны плавные еще не сжатой нивы.
Безбрежные поля, и тишина, и ширь,
Над серым озером на круче монастырь,
На горизонте лес чертою темно-синей,
В рассвета тихий час осенний первый иней...
Он осени любил задумчивые дни:
Она его душе всегда была сродни.

Не вешней нежности, не жаркой летней неги —
Он был художником мечтательных элегий.
— Весна — пора надежд, и дышит лета зной
Безумьем радости и страстного желанья;
Но осень мягкая — полна воспоминанья
Сосредоточенной и нежной тишиной.
О, эти странные, невиданные краски!..
Как будто пламенным дыханьем летней ласки
Деревья пышные стоят опалены
И видят о былом пленительные сны.
Любил он красный цвет трепещущей осины,
И пятна пурпура в сквозных ветвях рябины,
Оранжевой ольхи блестящую листву,
И звезды желтые широких листьев клена,
И золотистые отсветы небосклона,
И — в вышине совсем — густую синеву.
А ночи лунные, с игрою белых пятен,
С тенями резкими и светом голубым...
Их взгляд таинственный был так ему понятен;
Его любила ночь — и говорила с ним...
Но серенькие дни и прелесть ночи бледной —
Источником чудес все было для него;
И кистью мощною дары природы бедной
Он смело превращал в искусства торжество.
России пасынок, не связанный с ней кровью,
Он победил ее горячею любовью —
Так он умел ее ценить и понимать.
Он вдохновения ей посвящал святые...
— И пасынка за то оплакала Россия,
Как сына своего оплакивает мать.

Покровское, Тверская губ.

63. ***

Тихий, теплый, ароматный,
Ароматный ветерок,
Стройных сосен шум невнятный...

Это — сказки Мариок.

Гладь лазурного залива
И светла, и молчалива,
Купол неба так высок...
Море с небом, сливши краски,
Точно дремлют, полны ласки...
Я не знаю лучше сказки —

Тихой сказки Мариок.

Первый куст цветов подснежных,
А под ним на крыльях нежных
Вьется белый мотылек,
Сотни птиц... В их стройном звоне
Целый мир лесных симфоний;

Это — сказки Мариок...

Здесь приют моих мечтаний,
Поэтических скитаний;
Парк тенистый так широк;
И люблю я с грустью сладкой
В нем подслушивать укладкой
Эти сказки Мариок.

64. Петербург

Хоть горизонт затянут темной тучей —
Диск семицветный встал вокруг луны.
И облаков края опалены
Как будто бы от ласки слишком жгучей.
Исакий темный в куполе хранит
Живого золота и серебра отлив,
И блики лунные, нежданно прихотливы,
То тут, то там ложатся на гранит.
Мерцает гладь Невы, сияньем залитая;
И тайна лунных чар, как чье-то колдовство,
Над мрачным городом витая,
Творит поэму из него.

из сборника «Отзвуки войны»

Посв. Миртиль Н. Ермоловой

Прежде

О Бельгии счастливой небеса!
Наш край родной, богатый и свободный!
Арденнские могучие леса,
Сады и нивы Шельды полноводной!
Работают большие города,
Стучат станки, и движутся машины,
Но тихи гор цветущие долины,
И в них пасутся мирные стада.
Наш край родной — искусствами украшен...
За гордою охраной старых стен
Как много в нем дворцов, церквей и башен...
И есть два перла: Брутге и Лувен.
В святую сень собора-исполина
Идут молиться толпы без числа,
И радостно звонят колокола,
Колокола старинного Малина.
Но громче их — коклюшек наших стук
На целый мир звучит, напоминая,
Что кружевом горда страна родная
И славен край — работой наших рук.
То кружево прекрасно точно грезы,
На царство в нем венчают королев...
И всем, кому знаком бельгийский лев, —
Знакомы и бельгийских кружев розы.
Трудом упорным Бельгия жива,
Гордимся мы своим любимым краем,
И в дорогие наши кружева
Мечты о счастье родины вплетаем.

Тяните, тяните
Воздушные нити,
Коклюшки, стучите — узор уж готов!

Пусть ловкие пальцы
На легкие пальцы
Набросят рисунок из звезд и цветов.
И будут повсюду
Дивиться как чуду
Работе крестьянок брабантских долин:
Название тех кружев — всегда драгоценно,
Оно остается везде неизменно:
Вот гордость Брабанта — Брюссель и Малин!

Теперь

О, Бельгии несчастной небеса!
О, бедный край, великий, благородный!..
Стоят в огне Арденнские леса,
Потоки крови в Шельде полноводной...
Разрушены большие города,
Молчат станки, и сломаны машины,
Людскою кровью залиты долины,
Разграблены крестьянские стада.
Поруганы народные святыни,
Разрушены твердыни старых стен,
Все сожжено: не существует ныне
Безжалостно погубленный Лувен.
В святой сени собора-исполина
Лежат убитых груды без числа,
И как набат звучат колокола,
Колокола старинного Малина.
Но пусть наш стон несется громче их,
На целый мир звучит, напоминая
О благородстве маленького края,
О том, что он стал жертвой за других.
Быть может, он падет в борьбе кровавой...
Но мощно в нем кипит священный гнев,
И всем, кому знаком бельгийский лев, —
Знаком теперь и стяг бессмертной славы.
Навеки слава Бельгии жива,
Неугасимо вечной правды пламя,

И залитые кровью кружева
Поднимет мир, как дорогое знамя.

Тяните, тяните
Кровавые нити,
И пойте великую песню свою:
О Бельгии верной,
О жертве безмерной,
О славных, о павших в неравном бою.
И будут повсюду
Дивиться как чуду
Великим героям брабантских долин.
Их подвигов имя всегда неизменно,
Оно как молитва звучит вдохновенно —
Вот гордость Брабанта — Брюссель и Малин!

66. БЕЛЬГИЙСКИЕ СОЛДАТИКИ

Мы дети Бельгии несчастной,
Мы от земли видны едва,
Но захватил нас враг всевластный...

Раз-два, раз-два!

У нас от родины осталась
Морской полоски синева,
Вся Бельгия врагу досталась...

Раз-два, раз-два!

Гроза прошла над нашим краем,
Но в детстве радость все жива,
И мы по-прежнему играем...

Раз-два, раз-два!

Пугают немцы нас расстрелом,
Они не терпят баловства,
Но мы храбры в упорстве смелом...

Раз-два, раз-два!

Мы собираемся гурьбой
Тайком у городского рва
И там играем меж собою —

Раз-два, раз-два!

Разорены у нас избушки,
И кровью залита трава,
Куски шрапнели нам игрушки...

Раз-два, раз-два!

Отцы ушли... Мы без защиты,
Уже давно идет молва,
Что очень многие убиты...

Раз-два, раз-два!

И наши матери в печали
Плести забыли кружева,
И в доме песни замолчали...

Раз-два, раз-два!

Но по ночам, уже в постели,
Мы слышим матерей слова:
«Живите для великой цели...»

Раз-два, раз-два!

«О сыновья, скорей растите,

И за поруганного льва
Врагу надменному отмстите...»

Раз-два, раз-два!

И говорим мы с поцелуем:

«Дай, мама, вырасти сперва —

И край родной мы отвоюем!»

Раз-два, раз-два!

Посв. З. Ш-й

То были два мирных Иксельских пруда
В счастливом цветущем Брюсселе.
В них тихо блестела на солнце вода,
Крутом берега зеленели.

Жизнь города шумно кипела вдали,
Они ж, как два ясные ока,
Смотрели на синее небо с земли
Далеко, далеко.

В них лебеди жили под сенью ветвей,
Их крылья в воде трепетали...
И были там белые — снега белей —
И черные — точно из стали.

Они поднимали ударами крыл
Фонтаны серебряной пыли,
И каждый их гордую прелесть любил,
А дети их хлебом кормили.

И лебеди были ручными совсем,
И к людям не ведали страха...
И плавали белые птицы поэм,
Прекрасных поэм Роденбаха.

Но ужас свершился. Громовый раскат
Потряс беззащитные стены,
Ворвался предатель — и город был взят,
Несчастная жертва измены.

Кто мог — тот бежал, и с оружием в руках
С Альбертом за родину бился...
А в городе — ужас, пустыня и страх,
И враг с торжеством воцарился.

Раз — женщина тихо к прудам подошла
Осеннею лунною ночью,
На место, где счастье когда-то нашла,
Взглянуть еще раз ей воочью.

Одна... В этом городе, ставшем чужим,
Где светлый сон счастья был прожит...
А он — тот, кто был так безбрежно любим, —
Далеко... Убит уж, быть может?

И утро лазурное вспомнилось ей,
Когда, в ликование апреля,
Как дети, кормили они лебедей
В прудах безмятежных Икселя.
«Вот — лето пройдет — и тогда наконец
Дождемся желанного срока...»
О, горе казалось для юных сердец
Далеко, далеко!..

И вдруг ей почудилось бьение крыл
И брызги серебряной пыли,
И жалобный плач все кругом огласил:
То — черные лебеди были!
То плакали птицы... И горький их стон
Страшнее был плача людского,
И был ее сердцу понятнее он,
Чем самое внятное слово.
«Голодные... Брошены в водах пруда,
Без корма, одни, без защиты...
Уж больше никто не придет к ним туда —
Забыты, забыты, забыты!..»
Внимала... И жалобный плач лебедей
Звучал ей как слезы упрека:
Для них... И для них — счастье радостных дней
Далеко, далеко!

Наутро пришли — те, кто ныне в стране
Гордился кровавой удачей:
Узнали, что граждане скрыли на дне
Оружье свое перед сдачей.

Чтоб в руки оно не попало врагам —
Доверили водам в Икселе...
Но кто-то донес им, что спрятано там, —
И воды — спустить повелели.
И смотрят — (и страшен безгласный их зов) —
Те два ослепленные ока...
Где ж лебеди бедных Иксельских прудов?..
Далеко... Далеко!

68. ПЕСНЯ НАД РУБАШКОЙ

Выводя свою ровную строчку,
Просижу я всю ночь напролет.
Всю-то долгую зимнюю ночку
Сон усталых очей не сомкнет.

Сердце мое надрывается,
Кровью оно обливается...
Что я могу еще дать?
Только плакать, молиться и ждать.

Вот уж скоро работа готова,
Уж немного осталось мне...
Ах, кому ты придешься, обновы,
На далекой, на страшной войне?

Кто тебя как под праздник наденет,
Собираясь бестрепетно в бой,
Или после окопов заменит
Всю измокшую ветошь тобой?

И пойдет ли в тебе он к победам?
Или крови горячей пятно
Навсегда несмываемым следом
В смертный час обожжет полотно?

Кто б ты ни был, мой воин безвестный,
Но с надеждой в работу мою
Я с молитвой Царице Небесной
Образок освященный зашью.

Боже мой, Боже мой! Доживу ли!..
Но пускай тебя в битве как щит
От меча и от вражеской пули
Мягко вымытый холст защитит!

В нем все жаркие слезы зашиты,
Все тревоги бессонных ночей...

Ведь иной, — ведь надежней защиты
Не найти мне для жизни твоей.

Вдруг — ниспослано будет судьбою
Словно чудо какое-нибудь,
Белый холст мой прикроет собою
Моего ненаглядного грудь?..

Не его... не его — так другого!
Для него — пусть другая сошьет...
Все равно, для кого — я готова
Просидеть всю-то ночь напролет!

Сколько женщин от края до края
Наклоняются нынче к шитью,
И дрожит в них душа, замирая,
О любимых, далеких — в бою...

Сколько — молят в тоске безутешной,
Как и я, на великой Руси:
«Боже, милостив будь мне, грешной, —
Моего дорогого спаси!»

Сердце мое надрывается,
Кровью оно обливается...
Что я могу еще дать?
Только — плакать, молиться — и ждать!

Помянем всех тех, кто убит:
Их сотни, их тысячи ныне.
Кровавый туман беспощадно парит
В житейской долине.
Помянем всех тех, кто убит,
В ком сердце отвагой горело,
Кто жизнь молодую свою
В далеком краю
Сложил за великое дело.
Далеко, далеко могилы встают,
Кресты их чернеют в тумане.
Убитых героев последний приют —
Там в каждом смиренном кургане.
Вот падает снег, и покровом зимы
Он алую кровь засыпает,
Он белым ковром прикрывает холмы,
Земля до весны засыпает.
Под кровом туманной седой тишины
Лежит... Цепенеют в ней силы...
И снятся ей тяжкие, грустные сны, —
И сны ее — эти могилы.
Туман нависает... Весь воздух застыл...
Теряются насыпи свежих могил
Во мгле, безотрадно унылой.
Порою в сраженьях нет жертвам числа,
И часто то поле, где битва прошла,
Становится общей могилой.
Давно ли сражались в жестоком бою,
Но грозная смерть победила,
И всех одинаково в бездну свою
Одна приняла их могила.
Но чаще — в пределах чужой им земли
Солдаты, своих оставляя,
Холмы отмечали, чем только могли,
Чтоб память нашла их родная.
Вот медная каска... Схоронен здесь «враг»
Рукою чужого солдата,

А вот развевается русский наш флаг
Над насыпью павшего брата.
Из веток сколоченный наскоро крест,
Иль камень тяжелый придвинут...
Молитву прочтут у печальных тех мест,
Вздохнут — и могилу покинут.
Кресты дорогие далеких могил!..
Никто им прощальных цветов не носил,
Лишь зимние ветви темнели
Всегда зеленеющей ели,
Да кто-то, оставшийся чудом в живых,
Украсил с терпением любящим их
Убранством из грозной шрапнели.
О, павшие братья, герои войны!
Как часто витают и думы и сны
На месте их гибели славной...
Но вместо смиренных убогих крестов,
Что белой зимы одевает покров, —
Я памятник вижу державный.
Тот памятник бранный — не зодчий тесал,
Не мрамор, не камень гранитовых скал
Его составляют подножье,
Но вечная память всей русской земли
Героям, что здесь за Россию легли —
Чье истинно царствие Божье!
Их память в сердцах полновластно царит,
В сиянье любви неизменной:
Тот памятник вечный — свет славы нетленной,
Свет славы — всем тем, кто убит!

70. В РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВЕЧЕР

Вечер полон какой-то печальной
И хрустальной
Чистоты...
Легкий иней покрыл кружевною
Белизною
Все кусты.
Зеленеет вверху над закатом
Розоватым
Небосклон,
Вдаль глубоко уходит аллея,
Голубея
Как сквозь сон...
Над рекою в тумане — не мрачном,
А прозрачном —
Чуть ясней
Выступает, колеблясь и тая,
Золотая
Цепь огней.
В этот час, в этот миг — неужели
Свист шрапнели
Где-то там,
И поток протекает кровавый
Грозной лавой
По полям?
И орудий разносится грохот,
Точно хохот
Сатаны —
В этот вечер, весь полный печальной
И хрустальной
Тишины?

71. Письмо

Письмо оттуда...

«Простите, что написано так худо:
Писать в окопах очень тяжело.
Хотел бы, чтоб письмо мое дошло!
Я получил подарки дорогие...
Благодарю за вашу ласку вас.
Уж мы, Бог даст, не выдадим Россию, —
А вы молитесь, чтоб Господь нас спас.
Желаю вам счастливо праздник встретить.
Христос воскрес!.. И вас прошу ответить:
Ведь родина от нас так далека,
Знать хочется, что делается дома...
Писал солдат такого-то полка».

Простая вещь! Как всем она знакома...
Христос воскрес... О Боже, Боже мой!
Вернешься ли, безвестный друг, домой?..
Христос воскрес... И ждешь, и молишь чуда...
И эта жизнь так кажется нужна...
И льется слез горячая волна
На бедное письмо... Письмо оттуда!

72. Песня за игрой в мяч

Мой рыцарь уехал на белом коне,
Был крест на плаще его вышит.
Он уехал сражаться в неверной стране.
И вестей мне не шлет и не пишет.
Иль погиб в Палестине он в смелой борьбе,
Пал от меча сарацина?..
— Изотта, тебе... Маргарита, тебе...
Тебе, Анджиолина!

Но розы покинули зимний свой плен,
Радуясь Божьему чуду,
Плющ обвился возле каменных стен,
Солнце весеннее всюду.
Обвеяна сладким дыханьем любви,
Усыпана цветом долина...
— Изотта, лови... Маргарита, лови...
Лови, Анджиолина!

Вернулся мой милый на белом коне,
Увенчанный славою бранной:
Привез он кольцо обручальное мне
И из Сирии шарф златотканый.
Говори ж о любви и счастье зови,
Пой громче, моя мандолина!
— Изотта, лови... Маргарита, лови...
Лови, Анджиолина!

73. ПЕСНЯ СТОРОЖА

Полдень бьет!
Час прошел, час вами прожит...
Каждый час вам горе множит,
Бремя лишнее несет
Треволнений и забот...

Полдень бьет!..
Время движется вперед,
Не утихнет, не устанет,
Не замедлит быстрый лет...
Каждый час вам сердце ранит,
А последний час — убьет!

Полночь бьет...
Новый день уж настает...
Неизбежному поверьте:
Не уйдет и ваш черед...
Часом, часом ближе к смерти!

из сборника «Стихи»

(1923)

Вместо предисловия

Эти стихи почти все написаны в период 1910 — 1914 гг.

Это были дни моей жизни, пронизанные солнцем.

Пришли другие дни, дни великой бури. И их приняла душа с готовностью и покорно; и больше уж никогда не вернутся эти солнечные дни, эти лунные ночи; никогда не увижу я зеленых полей, по которым бродила тогда; отсияли светившие мне звезды, умерли цветы далеких весен. А главное — ушли безмятежные чувства, тихие мысли, населявшие мое светлое одиночество...

Не лучше ли было бы забыть о них в години гнева и откровений? Не знаю.

Как любящая женщина прячет на дне шкатулки увядший цветок первой встречи, так и я хотела бы сберечь эти стихи от прошлого.

Тем сильнее трогают нас в путевом альбоме акварели, изображающие горную вершину, где мы дышали полной грудью, — дом в цветах, где мы были счастливы, — чем вернее мы знаем, что больше никогда не увидим их.

Больше никогда! Какое страшное слово!

А ведь чувства, которые живут в этой книге, — больше никогда не вернутся, не переживутся: они остались «в стране исчезнувших часов»...

И вот почему я решаюсь сохранить воспоминание о них — с нежной благодарностью.

Москва, май 1922

74. В стране исчезнувших часов

В стране исчезнувших часов
Витало много светлых снов
И тихо проплывало мимо...
Но лишь один, в душе моей,
Прекрасней всех и всех нежней,
Остался жить неугасимо.

В стране исчезнувших часов
Так много радостных цветов
Являлось вместе с светлым маем;

Их аромат манил и влек...
Но лишь один, один цветок
Был для меня неувядаем.

В стране исчезнувших часов
Звучало много голосов,
И много песен там звучало.
Но лишь на твой любимый зов
С любовью сердце отвечало!..

75. Волшебная страна

Моя прекрасная страна,
Волшебная страна!
Там ясен свет, и тепел мрак,
И нежит тишина.
Там всюду разлито кругом,
Как сладостный наркоз,
Дыханье диких орхидей
И нежных чайных роз.
Там средь цветущих берегов,
Прозрачно-глубока,
Течет, играя и блестя,
Красавица река.
В ней бархат, золото и тень,
И яркий хризопраз,
Как в несказанной глубине
Моих любимых глаз.
Там, в этой сказочной стране,
Запрета нет ни в чем:
Все мирно, свято — что любовь
Зажгла своим лучом.
Там снова юность! Там мечты
Огнем озарены...
— СТРАНА ИСЧЕЗНУВШИХ ЧАСОВ —
Вот имя той страны.

Памяти М. Б. Крестовской

У нас с тобою были два балкона,
И между ними — крытый переход.
С них далеко видна была вперед
Вся необъятность небосклона.
Когда в закате воздух недвижим
И точно полон розоватой пыли —
То над моим летать стрижи любили,
А ласточки селились над твоим.
Перекликались часто мы, бывало,
В вечерние часы одна с другой;
И звал меня твой голос дорогой,
Звучавший нежно и устало.
Теперь давно балкон соседний пуст,
И ласточки уж не летят под крышу,
И из твоих навек умолкших уст
Я зова нежного не слышу.

77. Весна среди камней

Шумная, жалкая — вдруг притихла столица,
Улыбаясь как будто своей тишине.
Бледные девичьи лица
Расцветают навстречу весне.
В чахлах аллеях отдаленного сквера
Щебечут детишки — совсем воробьи...
Пробуждается радость, просыпается вера,
Что каждый утратит заботы свои.
И приходит надежда с мечтою о чуде,
Заставляя забыть нищету и туман...
О, бедные люди, усталые люди!..
Спасибо весне за короткий обман.

78. В тумане

Громады дворцов и мостов силуэты
Туманом одеты;
В туман превратился угрюмый гранит...
Туман же, недвижней, чем камни темницы,
Виденья столицы,
Как тайну, хранит.
Седой пеленою тумана повиты
Холодные плиты;
Под ними — трясина подземных болот...
Дыханье заразы струею тлетворной
На город покорный
Оттуда встает.
И призраки зданий в тумане, в тумане;
Как в странном обмане;
Сливается все неразгаданным сном;
Лишь солнце пылает с туманного неба,
Как факел Эреба,
Кровавым пятном.
И тени деревьев, и люди, и вещи
Багрово-зловещи,
Как будто больною мечтой рождены:
Вот-вот растают, как Фата-Моргана,
Как прихоть тумана,
Как беглые сны.

из несобранных
и неопубликованных
стихотворений

79. Мой портрет

Сам Пушкин проложил мне след,
«Татьяну» описав в своем романе.
Я поведам вам также речь о «Тане»,
Но ей всего тринадцать лет.
Она совсем, совсем не для романа:
Толста, мала...
Но не глупа моя Татьяна,
Да и не очень зла.
Она была бы недурна, пожалуй,
Но вот — у ней всему виною нос...
Несчастный, он ужасно перерос —
А это недостаток ведь не малый!
Она философ и мечтательница вместе —
Все потому, что Таня не на месте:
Ей следовало бы лет пять назад родиться,
Чтобы она теперь была уже девица —
Она ж немного опоздала
Да не на место и попала!

1887(?)

80. ПАМЯТИ М. С. ЩЕПКИНА
(КО ДНЮ ЕГО 100-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ)

В краю родном, в краю любимом,
Где небо ярче и синей,
Его талант расцвел незримым
Среди лесов, среди степей.
Ребенком он взрастал на воле
И светских не знавал оков;
Весь день в степи, в душистом поле,
Близ речки быстрой берегов,
Душою чуткой, благородной
Воспринимал он с юных лет
Живой поэзии народной
Благословенный, яркий свет.
На юге все красой блистает;
Там ярче синий цвет небес,
Там ветерок нежней ласкает
Вишневый сад и темный лес;
С живою изгородью хаты
Белеют в зелени садов.

<...>

1888

81. * * *

Вместе со мною блаженству предаться,
Вместе со мною и слейся, и пой!
Выпей свой кубок, люби, наслаждайся
Вместе со мной!

1889

82. Другьям

Быть может, все они по-своему и правы:
Я не должна любить... Я слишком молода.
Но все ж в мою любовь губительной отравы
Они не могут влить, не смогут никогда!

Да! Этот дар небес и чистый и священный
Они не загрязнят ни злобой, ни враждой, —
В сознание правоты святой и неизменной,
Спокойно брошу я в лицо им вызов свой.

И пусть они меня безбожной клеветой
Готовы пред толпой бессмысленной клеймить,
Я все же им скажу: горячей и святою
Любовью я люблю и буду век любить!..

1889 (?)

83. ЧЕТЫРЕ СТИЛЯ

Мы в аллее темнотой гуляли вдвоем:
С неба звезды нам кротко светили.
Пел соловей, и все было кругом
В высоко-романтическом стиле.

Он далеко в чужую страну уезжал:
На корабль мы его проводили...
Горько плакала я, и платком он махал
В высоко-драматическом стиле.

В уголке возле Рима, прелестном, глухом,
После свадьбы мы счастливо шли...
Вдалеке от людей, наслаждались вдвоем
В высоко-идиллическом стиле.

Третий год после свадьбы моей наступал:
Было скучно у нас как в могиле —
Мне любезный супруг наставленья читал
В высоко-сатирическом стиле.

1888–1890

84. СТРАНИЧКА ПРОШЛОГО
(из воспоминаний детства)

Одиннадцатый год пошел недавно мне,
Ему ж — давно четырнадцать уж было...
В деревню погостить однажды по весне
Нас тетушка обоих пригласила.
Не расставались мы, сказать по правде, с ним...
Как пара голубков, мы были неразлучны...
И вместе никогда нам не бывало скучно:
То вместе в сад идем, то карасей удим,
То в мячик, то в крокет, то просто так играем,
То на качелях мы друг друга подымаем —
Так высоко, что замирает дух.
В дождливые же дни, собравшись за чаем,
Читаешь тетушке четьи минеи вслух...
А вечером, собравшись у камина,
Играем с ней усердно в «дурачка»...
Такая милая, знакомая картина —
И как она, к несчастью, далека!

Однажды в жаркий день, усевшись на балконе,
Читали что-то мы. Вдруг тетушка вошла:
«Ну, дети, радуйтесь. Для развлечения Сони
На месяц я гостить знакомых позвала <...>

1888–1890

Две жизни у меня, две правды, две души;
Одна, спокойная, в спасительной тиши
Свершает ровный круг, всегда законом
Неуязвимая, идет дорогой верной,
С улыбкой жребию покорна своему,
И от небес не ждет ответа «почему».

Другая, темная, полна тревоги знойной,
Стремится жадно вдаль стезею беспокойной;
Пугливо мечется среди туманной мглы;
Безумны — сны ее, кошмары — тяжелы;
Зато к ней тайные слетают вдохновенья,
Которым нет пути... Которым нет забвенья.

Две жизни у меня, две правды, две души!
Где настоящая — Эдип мой, разреши!

1886–1890

86. Боги древности

Где сливается алый закат
С полосой безмятежной лазури,
Там, не зная волнений и бури,
Боги древности спят.

Боги древности, чудные тени!
Вы порой лишь видны в облаках,
Позабыты, низвержены в прах
Ваших храмов ступени!

Бог иной над вселенной царит, —
Бог прощенья, страданья, распятья,
Позабыты любовь и объятья
Юных нимф и харит.

Лишь порой вспоминает с печалью
Наш безумный мечтатель-поэт,
Ищет он ваш таинственный свет
Там за синею далью.

Он возвышенной жаждет душой
Видеть тех небожителей тени,
Что порой преклоняли колени
Пред силой Красоты.

Но напрасно! В сиянье лазури
Там где блещет румяный закат,
Уж давно боги древности спят
Без волнений и бури.

Но напрасно! Уж больше они
Для небесной любви не проснутся.
Никогда, никогда не вернутся
Незабвенные дни.

И осталось нам только с печалью
Формы облак вдали наблюдать,
Чудных теней напрасно искать
Там, за синею далью...

1889–1890

87. А. П. Чехову

Привет от сердца Авелану!
Все у меня он в голове;
И я скучать не перестану,
Пока не будет он в Москве.

Как бесподобным Авеланом
Поражена душа моя —
Так ни одним еще романом
Не увлекалась в жизни я!

Все, все мечты об Авелане,
Всё нам твердит о нем одном,
И словно в розовом тумане,
Он нам является тайком!

Ждем непременно Авелана
К концу недели к нам сюда,
Пусть вспоминается Татьяна
Ему хотя бы иногда!..

Ноябрь 1893

Неба свод ослепительно синий,
Мхом поросшие камни руин,
Рядом купы зеленая пиний,
И кусты золотых апельсинов.
Отдыхает Везувий усталый
И в узорах причудливых дым
Принимает отсвет нежно-алый,
Уносясь к облакам золотым.
И спокойною ласкою полны,
Очарованный радуя взгляд,
Адриатики тихие волны.
Перламутровой тенью покрыты,
Дремлют горы и мягкая даль,
Словно розовым снегом залитый,
Ароматы шлет ветру миндаль,
Словно страстного ждут поцелуя
Ярко-красных камелий цветы.
Ни мечтать, ни страдать не хочу я
В этой дивной стране красоты:
В моем сердце волшебные звуки,
Говорят мне о счастье они...
Нежный друг мой! В минуту разлуки
Этот день, этот миг вспомяни!

Napoli, San Martino
Май 1894

Привет Вам, несравнимый Кум,
Привет Вам, перл меж Кумовьями.
Вот наконец покинут Вами
Приют высоких Ваших дум.
Вы снова в шумных стогнах града,
И этому я очень рада.
Надеюсь, не один «Базар»
Для Вас так полон тайных чар;
К тому ж сию минуту Маша
Сказала мне, что воля Ваша
Всем вместе время провести.
Так вот что предложить я смею.
Вы заезжайте-ка за нею,
Потом ко мне часам к шести
Или к семи; вас буду ждать я
И вас приму в свои объятия!
Отсюда можно будет нам
(С моим вы согласитесь планом?)
С любезным сердцу Авеланом
Пуститься снова по волнам.
Скромней, чем некогда... не все же,
Как встарь, кутить до бела дня?
Мы посидим у Корша в ложе,
Потом закусим у меня.
А если же нельзя Вам в среду —
Тогда прошу в четверг к обеду;
Часам, не позже, к четырем;
Отлично время проведем!
Итак — прошу — решение Ваше
Вы сообщите мне и Маше,
О нем запиской дайте знать,
Прислав ее часов так в пять.
Я остаюсь служить готовой
Кумой, Татьяною Ежовой.

8 ноября 1898

90. * * *

Альбом кружка литераторов пятницы
К. К. Случевского:

.....

На землю редко и нежданно
Нисходят счастья лучи...
Пусть это ново, это странно —
Молчи... Молчи!

12 марта 1899

Мне не спится. Метаюсь тоскливо я.

Жжет подушка, и вся я горю...

О зачем же ты, ночь молчаливая,

Слишком рано послала зарю?

Белый сумрак кругом поднимается,

В небе зорька едва занимается,

Потянул холодок.

С предрассветной, таинственной дремью <...>

1890-е

92. ПАРНАСУ

(Пятница у К. К. Случевского 7 янв. 1900)

Меж поэтических жемчужин
Сегодня быть мне не судьба;
Я покидаю милый ужин,
Обета верная раба.
Среди веселого угара
Все ж вспоминать я буду Вас,
И выпью я бокал White Star-a
За современный наш Парнас.
Прошу, мне тем же оплатите
Мою любовь к вам [нрзб] —
И с добрым словом поднимите
Ваш нектар в кубке за меня!

1900

Стихи, написанные Т. Л. Щ.-К. в долине
Мицкевича в 1902 году

Вот, во главе с мадам Яворской,
Расположился стан актерский.
С мадам Яворской во главе
Пирует он на мураве.
Оставив тон свой старый барский,
Мещанский тон берет Самарский, —
Ко всем заботлива, нежна,
Чай сервирует Соснина,
И о далеком Чайльд-Гарольде
Мечтает милая Арнольди.
Варатов — прав или не прав,
Сажает мещанина в шкаф.
Но лезет на стену наш Ратов
От Станиславских препаратов.
И соловьев весенних трель
Уходит слушать Габриель.
За ней вослед спешит Коврова,
Спасаясь бегством от Орлова,
И в благодатной тишине
Арапова глядит в пенсне.
Как на одном из темных срубов
Сидит задумчиво Якубов.
Он режиссерство позабыл,
Для роли бережет свой пыл,
Но, по привычке благородной,
Следит, конечно, за Безродной.
И, слыша вешнее «ку-ку»,
Я за строкой пишу строку.

1902

94. СУЛАМИТА
(СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ)

Она стояла на своем крыльце, смуглая дочь Востока, роза Сарона, и гордо усмехались уста ее.

Вокруг нее рабыни пряли, и сшивали шелковые ткани, и низали подвески жемчужные. И рабыни эти принадлежали ей.

Направо расстилались сочные луга, и тонкорунные стада белых овец паслись на них — и стада эти принадлежали ей.

Налево зеленели виноградники, а рабы, отирая усталое чело, трудились в них; и рабы эти принадлежали ей.

Но на тропинке она увидела путника — юношу. Кудри его были черны как смоль, а глаза глубоки, как озера Генисаретские.

И возгорелось ее сердце желанием, и велела рабам своим позвать его, и сказала ему:

«Хочешь, буду госпожой твоей? Утолишь голод свой от моего хлеба, и вина, и поставлю тебя главным над рабами моими. А ты служи мне верно».

Но юноша отвратил лицо свое и опечалился.

И удивилась она, и сказала:

«Хочешь, буду госпожой твоей? И сменишь лохмотья свои на одежды праздничные, и золота дам тебе, сколько спросишь: а ты служи мне верно».

Но юноша закрыл лицо рукою и не слушал ее.

И сильнее возгорелась она, и сказала:

«Хочешь, буду госпожой твоей? Велика будет награда твоя! Открою тебе ночью дверь покоя моего и отдам тебе красоту свою; а ты служи мне верно!»

Но гневом омрачились глаза его, и хотел покинуть ее в молчании.

И не знала, как удержать его, и сказала:

«Останься, юноша! Ты устал от зноя, запылены ноги твои; забуду гордыню свою, сама принесу тебе в сосуде воды для омовения и масла благовонные, подам тебе хлеба, меда и вина, и буду служить тебе верно!»

И возрадовалась душа его, и остался он, и мир снизошел в их сердца.

О, Суламита! Ибо горе мужу, лобызающему следы ног жены своей, и дева, полюбив, должна покориться!..

Ницца, февраль 1902

От павших твердынь Порт-Артура,
С кровавых манчжурских полей,
Калека солдат истомленный
К семье возвращался своей.
Спешил он жену молодую
И малого сына обнять,
Увидеть любимого брата,
Утешить родимую мать.
Пришел он... В убогом жилище
Ему не узнать ничего:
Чужая семья там ютится,
Чужие встречают его.
И стиснула сердце тревога:
«Вернулся я, видно, не в срок...
Скажите — не знаете ль, братцы,
Где мать? Где жена? Где сынок?» —
«Жена твоя... Сядь отдохни-ка:
Небось, твои раны болят?» —
«Скажите скорее мне правду,
Всю правду!» — «Мужайся, солдат.
Толпа изнуренных рабочих
Решила пойти ко дворцу,
Защиты искать — с челобитной —
К царю, „как к родному отцу“...
Надев свое лучшее платье,
С толпою пошла и она...
И насмерть зарублена шашкой
Твоя молодая жена!» —
«Но где же остался мой мальчик,
Сынок мой?» — «Мужайся, солдат:
Твой сын в александровском парке
Был пулею с дерева снят». —
«Где мать?» — «Помолиться в Казанский
Старушка к обедне пошла:
Избита казацкой нагайкой,
До ночи едва дожила». —
«Не все ж еще взято судьбою:

Остался единственный брат —
Моряк, молодец и красавец...
Где брат мой?» — «Мужайся, солдат!» —
«Неужто и брата не стало?
Погиб, знать, в неравном бою?» —
«О нет, не сложил у Цусимы
Он жизнь молодую свою:
Убит он у Черного моря,
Где их броненосец стоит...
За то, что вступился за правду, —
Своим офицером убит!»
Ни слова солдат не ответил:
Лишь к небу он поднял глаза...
Была в них великая клятва
И будущей мести гроза.

Январь 1905

Ник. Борис.

Француженки и шведки,
Монашки и кокетки,
Блондинки и брюнетки —
Все пред тобою ниц.

Здесь полно южанок
И бледных северянок,
Княгинь, актрис, крестьянок,
Кухарок и цариц.

Но все без исключенья
С восторгом увлеченья
Любовь и восхищенье
Отдать тебе спешат,

Сердца из груди вынув,
К твоим ногам их кинув,
О дорогой Полюнов,
Виват, виват, виват!

1904–1907

97. КАНТАТА

(В ЧЕСТЬ 100-ЛЕТИЯ ИНСТИТУТА
ИНЖЕНЕРОВ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ)

Да здравствуют все, чьи отважные руки
Возносили пылающий факел науки,
Управляли зиждательным плугом труда;
Чей пламенный ум от столетья к столетию
Опоясывал землю железною сетью
И в безводных степях возводил города:
Им слава, им слава и честь навсегда!

Их волей, смелые, как мысли,
Мосты над пропастью повисли,
Зажглись над бездной маяки,
Пронзили сердце гор туннели
И ожили для новой цели
Пустыни вечные пески.
Их ум, не знающий границы,
Крылами сказочной орлицы
Стихию воздуха рассек:
И нет преград, и нет запрета,
Соединились страны света,
Друг другу близок человек.

Да здравствуют те, чьи отважные руки
Возносят пылающий факел науки,
Управляют зиждательным плугом труда,
Кто жизнь отдает на любимое дело
И к единству пути открывает нам смело,
Кем родина будет навеки горда:
Им слава, им слава и честь навсегда!

1910

98. К ПОРТРЕТУ

Да, ты права: загадочный Луини
Наверно, б так тебя нарисовал:
В тебе ведь то же благородство линий
И тот же правильный овал.

Твоя улыбка только безнадежней, —
Страстнее и печальней нежный рот:
Скажи — тоскует он по ласке прежней
Иль ласку новую зовет?

1900–1910

99. В дожде

Дождя седая пелена
С небес безветренных нависла...
Брожу я по лесу одна,
Считая дни. Слагая числа.

Уже давно дождя струи,
Скользя, стекают мне за шею;
Уже давно я холодею
И влажны волосы мои...

Мне все равно! Вперед иду я
Под мерный, сонный шум дождя —
Как будто в тяжком сне тоскую,
Как будто в полусне бродя.

Ведь без тебя нет в жизни смысла —
Под солнцем... или под дождем...
Мы не живем — мы только ждем —
Считая дни... слагая числа!..

1900–1910

100. Милый друг

Милый друг, мне холодно — устала я.
Вечный сумрак! Северная ночь!
О, пускай мечта золотокрылая
Унесет меня отсюда прочь.

Я хочу лежать в немом безволии
На горячем бархате песка,
И пускай из белых чаш магнолий
Льется лень, истома и сладка.

И пускай морские волны плещутся
В голубом блаженном забытии...
И пускай сквозь сон примерещатся
Близко, близко, здесь — уста твои.

1900–1910

Я знаю, что жизнь оборвется земная,
И станем блуждать мы на звездном пути,
 Не зная, не зная,
Как в горних пределах друг друга найти.
Быть может, созвездья в торжественном хоре
Вкрут нас будут радостно славить Творца,
И духи в эфире, как в солнечном море,
Там будут блаженство вкушать без конца.
К нам ангелы с шелестом белых воскрылий
Слетятся, как тучки вдоль снежной гряды,
И сладким дыханьем серебряных лилий
Обвеяны горние будут сады.
Откроются взору жемчужные дали,
И в них засияют, огнем залиты,
И белые лебеди чистой печали,
И белые розы святой красоты.
Но будет нам страшно, но будет тоскливо,
Но холодно будет нам в светлом раю...
И так одиноко, и так сиротливо
Я звать буду милую душу твою.
И вот мы дорогой пойдем голубою...
И руки протянем в опаловой мгле...
 С тобою, с тобою
Сольемся мы снова, как здесь, на земле...

1912 (?)

Как много людей я встречаю...
Улыбка, привет и поклон...
Не знают ни кто я, ни что я —
Пройдут и исчезнут, как сон.

Не знают они, что я рада
Сиянию каждого дня,
Что праздник сегодня и завтра —
Оттого, что ты любишь меня.

Не знают, что песня приходит,
Ко мне прилетает, звеня...
Не знают, что я — королева,
Оттого, что ты любишь меня!

1912

103. Сквозь сон

Сквозь неизвестность замкнутых дверей,
Сквозь дымку мускуса, курений аромат,
Сквозь чашу лет, сквозь трепет летней ночи
Зову тебя.

Сквозь струи тяжкие осеннего дождя,
Сквозь стену серую недвижимого тумана,
Сквозь неподвижность камней намечальных
Зову тебя.

Сквозь мрак, и свет, и мглу, и тени жизни
Твои глаза сияют впереди,
Как две звезды таинственного счастья
Люблю тебя.

1912

104. **ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА**
(ЛИРИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО)

Мир любви и мечты — необъемлем
И глубок.
Но те речи, которым мы внимлем, —
Лишь намек.
Подойду я так близко порою
К рубежу.
Но не знаю, как душу раскрою,
Как скажу?
Этот лепет, тобой вдохновенный,
Мне прости:
Новых ласк, новых слов — во вселенной
Не найти.

Порою по ночам, покинув милый плен
Привычно-ласковых, давно знакомых стен,
Я ухожу одна. Мой путь для всех неведом;
Не вздумает никто пойти за мною следом.
Не подглядит никто, как тихо ускользну
В мою прекрасную, волшебную страну.

Днем — на земле — живу плененной царевной.
Спокойно тянется обычный круг вседневный,
И достигает жизнь меня со всех сторон:
Покорно слушаю весь шум ее несвязный,
Заботы вижу лик, такой многообразный,
С участием спешу на чей-то ближний стон;
Послушна общему закону напряженья,
Работаю, иду, свершаю достиженья...
И — жду. И жадно жду ночную тишину,
Когда живого дня окончится работа,
И счастье придет — свободного полета
В мою прекрасную волшебную страну.

Моя прекрасная страна,
Волшебная страна!

Там ясен свет, и тепел мрак,
И нежит тишина.
Повсюду веет там кругом,
Как сладостный наркоз,
Дыханье диких орхидей
И нежных чайных роз.
Там, средь цветущих берегов,
Прозрачна-глубока,
Течет, играя и блестя,
Красавица река.
В ней — бархат, золото и тень,
И яркий хризопраз,
Как в несказанной глубине
Моих любимых глаз.
Там в жаркий полдень зноя нет,
И ласка ветерка
Моих волос, моей груди
Касается слегка.
А по ночам лучи луны,
Как струны арф, дрожат...
И все сливается в одно:
Блеск, тьма и аромат.
Туда неслышно я приду,
И глубоко вздохну...
Я буду ждать. И ты придешь
В волшебную страну.

Там у меня мой сад заветный,
Сад желанный,
Румяной дымкою рассветной
Осиянный.
Там расцветают счастья розы,
Лавры славы,
Там — целомудрия мимозы,
Мак кровавый.
Там источают ароматы
Лилий чаши...
Там будут радостны и святы
Ласки наши.

Трепет ночи вешней,
Диск луны нездешней <...>

О, следуй же за мной в полночные мгновенья
Туда, где жизнь молчит, где сказка наяву,
Чтоб таинство служить любви и вдохновенья...

Ужель тебя напрасно я зову?

Ужели мне одной бродить в моем саду,
Одной священное свершать мне омовенье
В струях моей реки, дарующих забвенье?

Ужель одной? Вот я зову и жду.

Не покидай меня! За мною, в вышину!

Из мира суеты, и злобы, и насилья

Пускай уносят нас невидимые крылья

В прекрасную волшебную страну.

Ты слышишь легкий шум лазурных парусов?

Уже скользит ладья дорогой голубою...

Не покидай меня! И улетим с тобою

В Страну исчезнувших часов.

1913

105. РУБКА ЛЕСА

Лес рубят молодой, еще зеленый лес,
И сосны старые задумались угрюмо
И, полные неразрешенной думой,
Печальные, глядят в немую даль небес.

Лес рубят... Оттого ль, что рано он шумел,
Что песней радостной своей будил природу,
Что молодой листвой он слишком сильно пел
Про солнце ясное, про счастье и свободу?

Лес рубят... Но земля укроет семена,
Пройдут года, но мощно жизни силой
Подвинется борцов зеленая стена,
И зашумит она над братскою могилой.

Петербург, 4 марта 1915

Село на Нерли
Золотые купальницы
Усыпают весь бархатный скат;
Тихо ивы-печальницы
Над прозрачной рекою стоят.
Речка лентой блестящею
Отражает лазури красу,
За сосновою чащею
Повернула — и скрылась в лесу.
Вот полянка спокойная;
Меж деревьями — кровли села;
Церковь белая, стройная;
Золотые блестят купола.
Зналось в жизни со страхами,
Знало бури село на Нерли;
Разорялось ляхами,
И татары леса его жгли.
Тихо нынче: хоронится
Далеко от тревоги людской...
Рожь высокая клонится,
Важно шепчется лес вековой.
Но отсюда воители
На защиту России ушли...
Сохраните ж, святители,
От обиды село на Нерли!..

Август 1915

107. Бабочки

Как ребенок — что сеткой кисейной
Ловит бабочек в поле весной,
Так мечты мои — рой легковейный —
Я ловлю полуночной порой.
Вот поймала! Напрасны усилия!
Легкокрылая, биться ты брось!
Прикрепила ей рифмою крылья...
Как мне много поймать удалось!
Но как странно... Теперь они стали
Для меня уж не так хороши,
Как когда трепетали, блистали,
И вились, и живые летали
Предо мной в полуночной тиши!..

1915

В пышном зале, в старом замке,
На стене, в дубовой рамке...

Менуэт.

Руку дайте,
Приседайте,
Поднимайтесь на носки.
Изгибайтесь,
Улыбайтесь,
Будьте нежны и легки, •
Расходитесь
И сходитесь...
Реверанс, затем — поклон...
И прощайтесь грациозно:
Слишком поздно, слишком поздно,
Все исчезло, все пропало, все растаяло, как сон.

Поэт.

Я разрушил идеалы,
Продам я свои мечты,
Чтоб не биться бесконечно
В лапах грозной нищеты.
Я богат! Я сыт и весел!
Я почетом окружен.
Я голодному собрату
Не отвечу на поклон.
Но порой кусаю руки
Я один во тьме ночной:
Жизнь, да где ж моя свобода?
Что ты сделала со мной!..

Менуэт.

Руку дайте,

Приседайте,
Поднимайтесь на носки.
Изгибайтесь,
Улыбайтесь,
Будьте нежны и легки,
Расходитесь
И сходитесь...
Реверанс, затем— поклон...
И прощайтесь грациозно:
Слишком поздно, слишком поздно,
Смерть в глаза нам смотрит грозно,
Похоронный слышен звон!

1915

О как я счастлива, что ты меня не любишь,
Не мне даришь свои желанья и мечты,
Осуществлением — надежд моих не губишь...
О как я счастлива — меня не любишь ты!
Блаженство слез моих, отчаянья, страданья
За счастье сонное отдать я не хочу:
Томясь по светлым снам, по радости свиданья,
На крыльях дивных грез я далеко лечу!
Пусть не коснется жизнь цветка любви стыдливой...
Но образ твой в душе ревниво сберегу.
О как я счастлива, что мне не быть счастливой,
Что я пресытиться любовью не могу!

1910–1915 (?)

110. **Высокая башня**

Ты в высокую башню уйдешь от людей,
А жизнь тебя снова догонит,
И жестокою властью своей
Твою гордую голову склонит.

Ты в высокую башню уйдешь от людей,
А страданье тебя не оставит,
И железной десницей своей
Твое сердце усталое сдавит.

Ты в высокую башню уйдешь от людей,
А любовь проберется бесшумно
И нежданною лаской своей
Твою душу охватит безумно.

Есть волшебное царство, где укроешься ты,
Где ты отдых найдешь на мгновенье...
Это светлое царство мечты:
Только в нем и покой и забвенье.

1910–1915 (?)

111. В ГАМАКЕ

У тебя есть соперник опасный:
Это — солнечный луч! Погляди,
Как ко мне сквозь листву он пробрался
И скользит по плечам и груди.
Он ласкает меня, чуть касаясь,
Нежно щеки мои золотя;
И горячим своим поцелуем
Он глаза мне смыкает, шутя.

И еще у тебя есть соперник:
Это — ветер душистый лесной,
Что прохладным своим дуновеньем
Отгоняет полуденный зной.
Он приносит мне в легком дыханье
Запах трав и смолистой сосны
И, лаская мне волосы тихо,
Навевает блаженные сны.

1910–1915

112. Ожидание

Шелест любимых шагов слышен сквозь шелест
листвы,
Словно поспешно идет, близится кто-то
желанный...
Сумерки тихо дрожат; месяц восходит
туманный...
Милые сердцу шаги, — это не вы, нет, не вы!

1910–1915

113. Лирический порыв

И вот опять я в режиссерской,
Где все осталось как встарь,
И тот же вид, и шум актерский,
Зеленый стол и Календарь.

И тот же незабвенный Южин,
Незаменимый Рыбаков,
Чей вид когда-то был мне нужен,
Как ласка солнца для цветов.
Я вижу их... Они все те же...
Немножко куаффюры реже;
Но тот же блеск, и тот же взгляд,
Как десять лет тому назад.
А я... увы! Как много соли
С тех пор пришлось мне, бедной, съесть,
Была я крошкой... давно ли?
Теперь... не те играю роли,
А в них все та же юность есть!

1910–1915

114. Бессонница

Часы бессонницы ползучей
Лежат камнями на груди...
Уйди, проклятая, не мучай,
В туманном утре пропади!.

Как сладки, несказанно сладки
Часы бессонницы вдвоем;
Часы безумной лихорадки
С неугасающим огнем!
Когда для ласки нет запрета,
Полна душа, — и все равно,
Что голубой упрек рассвета
Давно уже глядит в окно.
О, та бессонница красива,
Как налетевшая гроза;
В ней — вдохновение порыва,
И у нее — *твои* глаза!

— А эта... злобная старуха
Ко мне садится на кровать
И, наклоняясь, шепчет в ухо,
Смеясь назойливо и глухо,
Что счастьем больше не бывать!..

1910–1915

115. В бурю

Пред бурной ратью быстрых облаков
Несется ветер — безудержный вождь:
Он вырвался на волю из оков
И сыплет с неба сразу снег и дождь.
Как будто ниву под серпом стеля,
Все на пути он повергает в прах:
И стонет побежденная земля,
Испугана, измучена, в слезах.

1910–1915

Пред грозным призраком войны
Мы клоним в ужасе колени...
Без слез мы провожать должны
Бойцов возлюбленные тени.
Не надо слез... В душе тоска
Без слез останется навеки;
Но что такое — слез река,

Где рядом льются крови реки?
Смерть мчится по родной стране,
Как неудержная стихия,
Уносит на своем коне
Без счета жизни молодые.
Роптать ли нам на Божество,
Когда конечный путь неведом?
Быть может, правды торжество
Мир приведет к иным победам?

Нам надо верить, что земля
Должна очиститься пожаром,
Что бедной родины поля
Страданье понесут не даром.
Что родина святую кровь
В свои глубоко примет недра,
И на полях иная новь
Тогда зазеленеет щедро.
И что кровавая стезя
Откроет людям путь к рассвету...

— Иначе было б жить нельзя.
Не веря сердцем в тайну эту!

1916 (?)

117. Город

Как тяжело больной в зловещем забытьи
Не в силах отогнать сны тяжкие свои,
И в темноте ночной все стонет, все вздыхает,
И бродит наяву, — и все не утихает —
Так город по ночам не знает тишины.
Той дивной тишины, святой, благословенной,
Какой, как будто бы молитвой вдохновенной,
В вечерний летний час поля осенены,
Когда природа вся молчанием объята
Под лаской розовой спокойного заката;
<...>

1916(?)

Опомнитесь, люди! Опомнитесь, братья!
Свободу вы топите в братской крови;
Повсюду раздоры, повсюду проклятья,
Забыто великое слово любви!

Где же равенство ваше, где тесное братство?
Не смейте твердить этих радостных слов:
Они в ваших жалких устах — святотатство,
И будет ответ на них с неба суров.
Вы свергнули цепи — чтоб хуже оковы
Готовить России подпольно в ночи;
Вы свергнули казни — а сами готовы
Поднять на невинных убийства мечи.

Ужели позорно, подобно Иуде,
Вы предали, продали родину-мать?
Ужели мечтать мы не смеем о чуде
И нашей прекрасной свободе не встать?

Очнитесь, сомкнитесь, все, все без изъятия
В крови неповинной раскайтесь, скорбя!
Опомнитесь, люди! Опомнитесь, братья...
Спасите свободу — спасите себя!..

1917

Судьба плетет узоры смело,
И цель рисунка не видна.
Сегодня ужасы расстрела,
А завтра — мир и тишина.

Сегодня — красная основа,
А завтра — белый весь уток,
А там... а там, быть может, снова
Кровавых мутных дней поток.

Но в этой страшной пестрой ткани
Прядется золотая нить:
Дар не презреть чужих страданий,
Способность горячо любить.

И кто постиг чужое горе,
Кого порыв любви увлек —
Тот начертал в живом узоре
Незабываемый цветок.

Симеиз, сентябрь 1919

120. Экспромт

Наука не моя стихия,
И мало мне знаком магнит,
Но Курская Аномалия
Меня таинственно манит.

Все дарования людские
Судьба ошибочно дала,
И потому Аномалия
Поэтам быть должна мила;

Но Курскую Аномалию
Ценю особенно совсем,
И в наши годы, в дни такие
Она сейчас ценней поэм.

За Курскую Аномалию
Сейчас я истинно горда,
Да, я горжусь ей за Россию,
За славу вашего труда.

Москва, 9 мая 1923 года
Физический институт

121. Музыка

На углу проспекта слышен скрипки плач:
Жалобно играет уличный скрипач
Грустный вальс Шопена...
В воздухе морозном мерный шаг солдат:
То красногвардейцы с песнею спешат —
Молодая смена.
В молодецкой песне — удаль мятежа...
Словно на морозе трепетно дрожа,
Стонут струны скрипки.
Горькими слезами звуки налиты:
Это в них рыдают прошлого мечты,
Прошлого ошибки.
Будущее, смело, в ногу — марш вперед!
Тихо и покорно Прошлое поет.

1920-е

Марье Дмитр. Турчаниновой

В октябрьских сумерках, когда в мое окошко
Глядел заплаканный не вечер и не день —
Мне принесли букет душистого горошка...
И сразу будто бы светлее стала тень;
О, бабочки, цветы из сказочного шелку,
Их сладкий аромат и яркие цвета!
С улыбкой мне они шепнули втихомолку:
«Не плачь! Ведь на земле осталась Красота!..»

Так осенью души, когда уже немножко
Пугают призраки последней темноты —
Как нежный цвет душистого горошка,
В осенних сумерках мне повстречалась ты.
О женщина-цветок, невинный и душистый,
Твой нежный аромат — есть сердца чистота.
И сладок мне поет твой голос серебристый
«Не плачь, ведь на земле осталась Красота!..»

8 октября 1925

123. Владыкино

У самых рельсов сад зеленый,
Жилье в саду таится там.
И день и ночь студент ученый
Глощает там за томом том.
Один проглотит — там невроты,
Другой проглотит — экссудат...

Там чудеса...

Там паровозы

Как ведьмы по ночам кричат.
Там по дороге по Окружной,
Забытой всеми и ненужной,
Пустые мчатся поезда
Из «Ниоткуда» в «Никуда».
Там возле речки Лихоборки
Сельцо и рощица на горке:
А речка прочь сама ушла
И отвернулась от села.
Но близко, под зеленой кручей,
Бежит и льется ключ певучий...
Вода студеная вкусна.
Кто из того ключа напьется —
Тот все туда душою рвется:
Там — Детства милого страна.
Избушка там на курьих ножках,
В ней три оконца небольших.
Там в дождик сухо на дорожках,
А садик чист, тенист и тих.
Там три малюсеньких светелки,
Не более мышьиной щелки —
Но в них всегда готов ночлег,
Хотя б на десять человек.
Там веет жизнью стародавней,
Которой нынче больше нет...
Там по утрам в кружочки ставней
Глядится голубой рассвет.
Там в кувшинах стоят поливных
Букеты из цветов наивных:
Их пестр и радостен узор,

Как русский вышитый ковер.
Из астр малиновых, лиловых,
Из белых, розовых, пунцовых,
Как ярко-красный, как рубин,
И черный бархат георгин,
И колокольчик ярко-синий,
И белый флокс, и шапки цинний,
И цвет настурций огневой,
И зелень бархатная хвой,
И маргаритки полевые,
И листья дуба вырезные,
А с ними радостно слита
Осенних веток пестрота.
Там гряды — как цветы небойки,
На них бессмертники цветут.
Там цвет смородинной настойки
Напоминает изумруд.
Там тетенька в лачужке тихой
Втроем с «швеей и поварихой»
Живут привольно без забот...
«Сестрица» ж вечно что-то сеет,
Но, к сожалению, не жнет.
Со всей околицы собачки
Туда бегут, ища подачки...
Там няня старая с клюкой
Трех кошек водит за собой,
Над крышей видно сквозь березы
Ярко-зеленую звезду...
Там обиход вседневной прозы
Живет с поэзией в ладу.
Нельзя жить проще и свободней,
Домашний труд — одна игра...
Там нет ни «завтра», ни «вчера» —
Одно спокойное «сегодня».
Там время радостно летит
И жизнь тревога не мутит.
Там без конца кипит кофейник
И вечно ставят самовар:
Там золотит сентябрь-затейник
Листву, горящую как жар,
И по дорожкам как живые

Танцуют листья золотые,
А с неба звезды там летят
И попадают прямо в сад.
Там ночью запах маццони
Прикосновеньем сладкой боли
До сердца долетает с гряд.
Краснеют кисти барбариса,
Желтеют звезды ноготков,
И грациозно бродит Киса
Средь золотящихся кустов.
Там три пути сошлись железных...
Оттуда витязей любезных
Порой является чета,
Делами будто занята:
И Киса головы им кружит,
А Настенька ей верно служит,
Там узы дружбы горячи,
Там рады гостю хоть на сутки...
Туда, в свободные минутки,
Дуняша тащит куличи.
Там ни богатства, ни излишка...
Но там от жизни передышка,
Там весел день, и сладок сон,
И чист и ясен небосклон.
Там за калиткой сразу — дали,
Закатов алых колдовство,
Там создаются провансали
В единый миг из ничего:
Кто ни отведаст — тот ахнет...
Там — Кисий дух, там Кисью пахнет.
Там я живу, и чай там пью,
Гуляю там в саду зеленом,
С студентом там веду ученым
Беседу мирную свою...

Про жизнь безгорестную эту
Поведала теперь я свету.

1926

И вот — лежу покорно на спине,
 Смотрю вверх, смотрю крутом себя:
 Все движется, все дышит, все живет...
 Вверху — деревьев сомкнутые ветви
 Колеблются, качаются, шумят,
 А в синем небе облака плывут,
 Сверкая белизной необычайной,
 Там, наверху, — прозрачные кисеи,
 Внизу — как будто снеговые горы
 Встают — и расплываются и тают.
 Колышется высокая трава,
 Жасмин роняет лепестки по ветру,
 А бабочки — как лепестки жасмина, —
 Белея над зеленою травой,
 Перегоняют радостно друг друга.
 Дымок на крыше вьется к облакам,
 Завидуя их снежной белизне,
 И крадется неслышно рыжий кот,
 В густой траве подстерегая птицу.
 Так точно в джунглях Индии далекой
 Сейчас его зеленоглазый родич
 Подстерегает стройную газель...
 Но птица прочь летит — все дальше, дальше —
 И хищника поддразнивает песней,
 Анапестом насмешливо звеня.
 Все движется, все дышит, все живет...
 Лишь я обречена на неподвижность,
 Сейчас мое движение — это мысль,
 Но есть у мысли крылья!..

Эти крылья

Летят быстрее вольных облаков

<...>

1927

Бечно новую скорбь — как высказать в новых словах,
Как выразить горькую сердца усталость,
Перед вечной разлукой мучительный страх
И к ушедшему страстную жалость.
Все это старше, чем мир, все это каждого ждет...
Крутом равнодушно идут жизни вседневной свершенья,
А на душе — навсегда необлегчаемый гнет,
И нет утешенья.
С жизнью связует одна хрупкая, тонкая нить —
Но сердце держит она сильнее, чем железные путы...
Будем же крепче любить — будем сильнее любить
До последней минуты.

1927

Солнце отражается в мокром асфальте —
Серо-жемчужный и золотой закат...
Темные предчувствия, сердца не печальте!
Медвяные сумерки над городом стоят...
Но напрасно воды серые канала
Отражают солнце, золото дробя...
Если б я не знала всего, что я узнала...
Если бы я верила в жизнь и в тебя!
Сердце усталое жалуется стоная:
Жизнь не пожалеет — ты не пощадишь...
Пусть уж скорее сумерки нагонят
По мне молчанье, забытье, тишь.

1926–1930

Две женщины бродили в снежном парке,
Шли прямо на жемчужную луну.
Вдали вели три призрачные арки
В какую-то волшебную страну.
Кругом вставляли прошлого картины,
Былая жизнь, что промелькнула там,
И [нрзб] тень Екатерины,
Их улыбалась сказочным мечтам.
«И я, как вы, бродила в этом парке
Над спавшей чашей лунного пруда,
Мои мечтанья были так же яркие,
Дерзать, желать — стремилась я всегда.
Мечты Растрелли, грезы Камерона,
Приют любви был стройный мой дворец.
Для женщины любовь — корона,
И я любила свой двойной венец.
Пусть ваши дни текут совсем иначе
На мутных берегах Невы —
Здесь во дворце я не была богаче,
Я дерзновенней не была, чем вы.
И в этом мире скучном, тусклом, пестром
Путь уже [нрзб]

1926–1930 (?)

128. Последние песни

Так хочешь услышать ты их,
Мои последние песни?
О, как печальны они,
Мои последние песни!

В них усталость пройденных дорог,
В них отсвет погаснувших зорь
И тоска об ушедшем счастье —
Ушедшем, я знаю, не спорь!
Но в них же таится более
Решения важных задач:
Мечта о грядущем покое —
Грядущем, я верю! Не плачь,
И пусть так печальны они,
Мои последние песни:
Я буду смиренно слагать
Мои последние песни.

1926–1930

129. Липа

Моя липа красавица, ее ветки так зелены,
Стройный ствол и могуч и высок,
А из свежей коры, из чуть видной расщелины
Вытекает живительный сок.
Золотые цветы ее ароматно-медвяные
Усыпают таинственный свод,
И гудят над ней пчелы и, от радости пьяные,
Пьют с цветов упоительный мед.
На закате над липою небо золотом плавится...
Я приду к ней и сяду в тени:
Моя сладкая липушка, моя липа-красавица,
И меня поскорей опьяни.

1926–1930

Посвящ. Леафилии Биленко

Был Петербургом когда-то...
Сверкая игрою своей,
Позолотой мундиров богатой,
Галунами дворцовых ливрей.
По набережным — экипажи
Мчались... дрожала земля!
Султаны, каски, плюмажи,
Тысячные соболя...
Во дворцах за преградой зеркальной
Вихрились тени бала,
Ласка музыки бальной
В морозную ночь долетала.
Мужчины в лентах и звездах
Провожали воздушных дам,
Спеша, исчезали в подъездах
По разостланным в грязь коврам.
Костры пылали на площади снежной...
А у модных притонов до утра,
Покорясь судьбе неизбежной,
Дрогли на козлах кучера.
Рекою лилось шампанское;
В приютах гвардейских утех
Слышалось пенье цыганское,
Парижанок гортанный смех.
Парочки летели в колясках
Белой ночью на Острова,
Сверкала в утренних красках
В своем граните Нева.
А когда грохотали пушки
И бурно вздымалась вода,
О «Медном всаднике» Пушкин
Писал вдохновенно тогда.
В ноябрьском полуденном мраке
Сквозь туман, и сам как туман,
Вставал красавец Исаакий,

Как сказочный великан.
И белым узором иней,
Взявши деревья в плен,
Обводил изящество линий
Адмиралтейских стен.
В зеленых сумерках Невский
Развешивал цепи огней...
А где-то писал молодой Достоевский
Про «Белые ночи», про «Бедных людей».

И вот — он стал Ленинградом...
Дорого это имя купил:
На поле за Летним садом
Выросло много могил.
Призван править державой
Новый хозяин — труд.
По улицам серою лавой
Течет рабочий люд.
Лишь знамена красного шелка
Часто веют крутом
Да серый цвет — комсомолка
Расцвечает красным платком.
Во дворцах — музеи отныне:
Краски картин, стройность ваз,
Мраморные богини —
Все для новых и жадных глаз.
Новая эра настала:
Вместо коней и квадриг
Въехал на площадь вокзала
И застыл на ней броневик.
В камне, в железе и в стали
Повторяет свой жест Ильич:
В необозримые дали
Кидает безмолвный клич.
К победе зовет пролетария,
К свободе зовет рабов...
На оба земных полушария
Слышен каменный зов!
Все иное... И только, как прежде,

Из дальних финляндских болот
Нева в гранитной одежде
Могучие волны несет.
И как в те дни, когда Пушкин
Дарил свой гений России, —
Так же грохочут пушки,
Салютуя морской стихии,
И так же в полуденном мраке
Сквозь туман, и сам как туман,
Встает красавец Исаакий,
Как сказочный великан.
И белым узором иней,
Взявши деревья в плен,
Обводит изящество линий
Адмиралтейских стен,
И в зеленом сумраке Невский
Зажигает цепи огней...
И где-то новый, быть может, Достоевский,
Пишет про белые ночи и про новых людей.

1928

131. Лебедь

Черная лебедь, стройная лебедь
В заводи сонной пруда...
Несет так покорно печальный свой жребий,
В царственно-тихом смиенье горда.

Ей бы пространства южного моря,
Каменный риф — недоступный дворец,
Свободы вдвоем в необъятном просторе
И золотой на головку венец.

Мощный полет в синеве беспредельной,
Отдых в ущельях базальтовых скал...
Теплою ночью — напев колыбельный:
Волн неумолчных органный хорал.

Серое небо... серые лица...
Вечно мещан любопытных стада...
Бедная, царственно-гордая птица —
В заводи сонной пруда.

О, черная лебедь, стройная лебедь,
Все ж не тоскуй о печальной судьбе:
Ведь солнце, и ветер, и звезды на небе,
И сердце поэта — остались тебе.

Зоопарк, 1934

132. УЗКОЕ В МАРТЕ (À LA PASTERNAK)

Лысины... Манные кашки...
Лень... и соблазны Нирваны.
Воздух бодрит, как мурашки
Четырехкамерной ванны.

Все тут по штату: не extra,
Белкой деревья подбиты.
Солнце, заезжий маэстро,
С мартом играет гамбиты.

Шах объявил Капабланку,
Двинул противник метелью.
Можно сказать спозаранку,
Партия будет ничьею.

Если в работе заминка
Хлынула кровью из носу:
Здесь мастерская починка:
«Будешь носить без износа».

20 марта 1935

*Стихотворное послание Анне Петровне
Остроумовой-Лебедевой*

Итак, у Вас колхоз «Тревога»,
А у меня — совхоз «Покой».
На время кончена дорога,
Я вне тревоги городской.
Сперва, почти что две недели,
В сплошных дождях мы просидели,
У каждой клумбы — водоемы,
Невинной Икши вздулись воды,
В воде тонули огороды —
Тропинкой сада не пройдешь
Без зонтика и без калош!
Весь сад с утра в седой вуали,
Как будто в облако попали,
А в довершение — у нас
Свет электрический погас!
И, проклиная тьму ночную,
Я в десять шла на боковую.
Мой Бернс от этого страдал,
Но сон тревожнее не стал.
И вот — прошло! Уж я не стыну,
На солнце ожили цветы,
И, взяв трехлетнюю Марину,
Я ухожу с утра в малину
Или в смородины кусты.
Они стоят среди поляны,
Я раздвигаю их листву,
Вдыхая острый запах пряный,
Я гроздь черных ягод рву.
Сверкает зелень золотая,
На солнце радостно сквозя,
Щебечут птицы, пролетая...
Как хорошо! Уйти нельзя!
А тут малины алой кисти,
Колючих веток острый шип...
Потом — в гамак: там, где тенистый

Шатер уже отцветших лип.
С присадка вид... Знакомый, древний
И незатейливый — как стих
Былин забытых, но родных:
Поля, спокойные деревни,
Ржи золотистой полоса,
Голубоватого овса,
Реки причудливой извивы,
На горизонте — молчаливы —
Синеют темные леса.
Жемчужных тучек арабески
Плывут на ярком синем блеске...
И аромат... и тишина...
И радостью душа полна.
Да, что Вы там ни говорите:
Прекрасны город, жизнь и труд...
Но точно золотые нити
Дни лета позднего плывут,
И, отложив подальше книжку
И перевод забросив мой,
Благословляю передышку
Пред наступающей зимой.
А там... да здравствует работа!
Но мне зима готовит что-то:
Жду от нее — на этот раз —
Что приведет она мне Вас.
Скажу без всяких оговорок,
Ведь мне неискренность чужда,
Талант чудесный Ваш так дорог,
Так близок сердцу был всегда!
«Дружиться» в наши годы трудно;
Мечтать об этом безрассудно,
Но, верно, мне часок-другой
Дадите будущей зимой,
И я Вас встречу с наслаждением
И угощу Вас от души
Черносмородинным вареньем,
Что наварила здесь в глуши!..

5 августа 1935

134. Кисе

Наша жизнь как полный водоем,
Мы с тобою — как струи и чаша,
И слита единым бытием нежность наша.
В воздухе стремительно скользя,
Вверх, все вверх летит струя свободно:
Не уйдя — вернуться ей нельзя
К чаше водной.

Но опять притянет глубина
И придет мгновенье ниспадаться...
Так разлука нам с тобой дана
Для свиданья!

1936

135. Последние стихи Н. Б. Полюнову

Воды ясные несли
Золотые корабли.
Розы мачту увивали,
И сияли
Небеса.
Налетал порою шквал,
И стеной взымался вал.
Буря злобно снасти рвала
И трепала
Паруса.
Но далеко нас несли
Золотые корабли.
Открывать чужие страны
Океаны
И моря.
Увлекал нас странный зов
Неизвестных берегов,
И манил простор бескрайний,
Радость тайны
Нам даря.
В гавань тихую вошли
Золотые корабли:
Отдохнуть теперь мы можем!
Друг мой, сложим
Паруса.
Зимним вечером с тобой
Вместе вспомним волн прибой...
Будем счастливы: мы знали
И видали
Чудеса!

Узкое, 1932–1937

136. Коромысло дней

Как тяжело нести коромысло дней...

В том ведре, где счастье, — совсем на донце.

То ведро, где горе, — много тяжелей!

И трудна дорога, и резко светит солнце.

Переменить плечо — и снова, снова в путь.

Дух перевести — и засмеяться бодро:

Когда-нибудь конец! Можно отдохнуть!

Только б донести не расплескавши ведра.

Горе расплескать — затопишь все вокруг...

Счастье расплескать — с чем же оставаться?

Но ты мне поможешь, мой любимый друг,

Ношу донести — и не надорваться.

1930-е

И вот я перелистываю вновь
Страницу за страницей книгу жизни.
Как часто в юности случалось мне
Почти до бреда доходить — от мысли,
Что, в сущности, — былого вовсе нет,
А будущее — лишь воображение:
Есть только настоящее, оно
Записано до века в книге мира,
Как совокупность, в целом неделимо:
В ней все заране запечатлено:
И каждое рождение муравья,
И каждая кровавая война,
И каждый вдохновенный гимн поэта.
Что все уж есть, все существует вечно —
Без времени, без страха, без предела,
Без края, без начала, без конца.
От этих мыслей юный ум мутился.
Потом — все заслонялось от меня.
Себе давление текущей жизни [sic]
Свершенья брали верх над мыслью;
Зовя вперед, и *будущим* была
Минута каждая, и в настоящем
Сверкало все надеждой и мечтой.
Но все прошло, растаяло, исчезло,
Ушла любовь, успехи, достижения.
И светом немерцающим — одна
Мне озаряет дни доныне дружба
И помогает ношу донести,
Со мной бывшее вместе вспоминая,
И вот теперь, как будто птица страус,
Что зарывает голову в песок
И думает, что так себя спасает, —
Я память зарываю глубоко
В былые дни и думаю, что этим

Спасаясь от действительности грозной.
А дальше? Что-то вписано давно,
Быть может, и какая-нибудь радость,
Быть может, и еще иное горе —
Что б ни было: все это *есть* уже
И изменить его ничто не в силах.

1939 (?)

Маргарите

*Вечер 17-го июля. В вечер самого важного
дня моей жизни — дня рожденья твоего, моя
ненаглядная. Т.*

Закатное солнце, этюды Шопена,
Симфония красок, жасмин на столе...
И сердце не знает житейского плена,
Не верит, что зло царит на земле.

Ведь есть же какая-то тайная сила,
Закон ее мудр, и прекрасен, и свят.
И сколько же людям она подарила...
Волшебные звуки, лучи, аромат...

Зачем же на свете так много печали,
Зачем же и слезы, и кровь, и война?
О, если бы жизнь свою люди кончали,
Готовясь как к отдыху сладкого сна!

Да... в час, когда жизнь станет таять, как пена,
И все незаметно исчезнет во мгле, —
Пусть будут со мною звуки Шопена,
Закатное солнце, жасмин на столе.

1935–1940

Не все ль равно,
 Что через край твоей хрустальной чаши
 Струею золотой бежит вино
 И едкий сок пятнает кубок чистый?
 Тебе известны ведь дороги слов — давно,
 Души известны потайные ходы,
 Известен вечер тот — куда тебе дано
 Уйти от жизни: ждут тебя те феи,
 Что ткут безмолвно жизни полотно,
 И с ними — в сад, весны непреходящей
 Тебе поднять не суждено.

<...>

Прялка, старый друг, скажешь ли ты,
 Для кого прядешь лен свой белоснежный?
 Прялка, старый друг, ласковый и нежный,
 Говорит в ответ:
 «Я пряду убор девушке влюбленной, —
 Будет этот тюль свадебный...»

1935–1940 (?)

Тех, в ком сердце полно усталости,
Для кого уж надежды нет —
В наше время без сердца, без жалости,
Пожалели вы вдруг, о поэт.
Не плавя под праздник олова,
Не гадая на воске яром —
Предскажу: на лепту поэта веселого
Жизнь ответит богатым даром.
Птицы милости, птицы радости
В его песни слетят вереницей —
И та, кто сейчас цветок младости,
За старушек воздаст сторицей.
(Поэту, пожалевшему старушек.)

1935–1940

141. ГАДАНИЕ

По реке сплывают тихо
Семь серебряных лампад.
Шесть — горят, седьмая — гаснет...
И туманится твой взгляд.

По реке сплывают тихо
Три таинственных венка.
Два — плывут, а третий — тонет...
И в душе твоей тоска.

Не гадай и не печалься —
Неизбежен вечный рок!
Все в конце концов погибнет:
Жизнь, лампада и венок.

1935–1940 (?)

142. Последнее мгновенье

Бывали мгновенья — тяжелее свинцового гроба.
Бывали мгновенья — воздушней лесных паутин.
Но каждое — память в душе сохраняет особо
От давних, минувших годин.
Как цепи незримой навек неразрывные звенья,
Сменялись мгновенья печали, труда, красоты...
Но если б мне знать, о последнее в жизни мгновенье, —
Каким-то мне явишься ты?

1940

143. * * *

Ночь мне кажется старой темной гравюрой
И сама я на ней — ненужным пятном.

1940 (?)

«Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
Сказал нам Алексей Толстой
И очутился... на вокзале.

1941

Я на высоком берегу,
У ног моих течет Москва-река.
И ласковая даль ее извива,
Как музыка Чайковского, сладка.

Все тихо... Краски нежные не яркие,
Кругом — нагретых сосен аромат.
Передо мной — великого Петрарки
Сонеты итальянские лежат.

Я не Петрарка — это не Валькьюза...
Но и ко мне, приветливо мягка,
Склоняется задумчивая Муза
И шепчет рифмы в шуме ветерка.

И радостью нежданного подарка
Мне кажется все то, что здесь вокруг:
Простор реки, и сосны, и Петрарка,
И Муза — мой почти забытый друг.

1940-е

146. Пробивает дорогу

Пробивает дорогу ручьишко в снегу...
От него отойти я никак не могу!
Посреди белизны, посреди тишины —
Он звенит и поет — вечный голос весны!

О, пускай эта жизнь только сон наяву:
Я всей грудью дышу, я всей жизнью живу,
И пока мне сознание и мысли даны —
Слышу в сердце своем вечный голос весны!

1940–1945

147. Зимние стихи

Зелень яркая бархатных хвой,
Белоснежный покров снеговой...
Что за снег... Как чиста и нежна,
Как пушиста его пелена!

Не видать ни звериных следков,
Ни от лапок вороньих крестов...
Только ровная белая гладь.
Сколько можно на ней написать!

Написать бы на этом снегу,
Что я жить без тебя не могу, —
Но... завется снежный покров,
Не останется ласковых слов:

Ночью вьюга их все заметет,
Новый выпавший снег занесет...

Я не буду писать на снегу —
Все слова я в душе сберегу.

1940–1945

В память Анны Яковлевны Катун

После страшной мировой войны
В мире много памятников встало:
В сердце каждой западной страны
Много огоньков затрепетало.
Славный подвиг жертвенный ценя,
Там народ поддерживает свято
Где — цветы, где — яркий взлет огня
В память «неизвестного солдата».
Их миллионы полегли в боях...
Каждый для кого-то был — утрата...
И поныне там живет в сердцах
Память «неизвестного солдата».
Каждая жена, сестра и мать,
Каждая, любившая когда-то —
Там привыкла голову склонять
В память «неизвестного солдата».

Но не тот лишь истинный герой,
Кто пошел на бой, кто пал в сраженье:
Есть на свете героизм иной —
Тоже подвиг — в самоотверженье.
Вот я вижу ряд других теней,
Гибнущих без жалобы, без стона:
Женщины тревожных наших дней,
Любящие матери и жены.
В дни, когда наш мир пылал огнем,
Рушились все старые основы, —
Женщины в величии своем
Оказались к подвигу готовы.
Предо мной встают — не только те,
Кто отважно шел на баррикады,
Кто, послушен пламенной мечте,
Разрушал все прежние преграды.
Нет: в работе, в вузе, за станком —
Винтик в государственной машине —

Но еще жена и мать притом:
Участь «неизвестной героини».
Хлеб любимым принести домой
Под огнем немолчной канонады;
За работой ночь сидеть зимой
При неверном огоньке лампы...
Разжигать угаснувший очаг,
И, согнав с лица следы тревоги, —
Лишь заслышит утомленный шаг —
Улыбаясь, встретить на пороге.
Сколько их, приняв судьбу свою —
Тяжкий труд, и голод, и лишения, —
Выносили на плечах семью
С ясным взглядом, с словом утешенья!
Этот взгляд — для труженика был
Маяком в бушующей пучине,
Для борца — истоком свежих сил...
Участь «неизвестной героини»!
Сколько их — и жизнь свою, и кровь
Отдавать по капле были рады,
За свою великую любовь
Не прося, не требуя награды.
Это — блики светлой красоты
В сером мраке жизненной пустыни...

Принесите ж слезы и цветы
В память «неизвестной героини»!

1945

Когда подходим мы к концу своей дороги,
Когда к последнему все ближе рубежу —
Невольно прошлому подводим мы итоги:
Вот так сейчас и я их подвожу.
Мне довелось дожить до старости преклонной,
Пришлось увидеть то, о чем мечтал поэт:
Увидеть, как в стране «народ освобожденный»
Старается забыть о рабстве прежних лет!
Я в жизни видела все то, что только может
Дать смысл и радость ей: любовь, искусство, труд,
И редкий день был мной бесцельно прожит,
И до сих пор в труде все дни мои текут...
Я с благодарностью друзей ушедших вспоминаю,
Оставшихся — ценю теперь вдвойне...
И первый тост мой — за тебя, родная,
За все, что Ты дала и что даешь Ты мне!
Второй — за тех, кто мне дарит хоть каплю чувства...
За тех, кем щедро жизнь украшена моя;
Тех, кто меня ведет в волшебные края,
Неся мне светлые сокровища искусства!..
За жизнь!.. За мир! За труд! — Еще один бокал
За то, чтоб в будущем, надеюсь я — далеко,
Жизнь каждый провожал, прощаясь, не с упреком, —
Но так, как я: за все — спасибо ей сказал!..

1950–1952

150. **Марьянна Болховская**

(Повесть в стихах)

Марьянна Львовна Болховская,
Окончив с шифром институт,
В один прекрасный вечер мая
Спешила в свой родной приют.
Дороги белые извивы
Цветущими полями шли;
Холмился горизонт вдаль,
На зеленеющие нивы
Лучи косые уж легли,
И под прощальной лаской солнца
Горели белых хат оконца.
Был всюду в воздухе разлит
Тот золотистый колорит
С оттенком нежно-розоватым,
Что перед солнечным закатом
Так красит тихие поля.
Примолкла сонная земля...
Своей поступью тяжелой
С работы возвращались воли;
За круторогим вожаком
Спешили овцы тесной кучей,
Поднявши пыли столб летучий.
Тянуло хлебом, и дымком,
И сладким запахом гречихи
С медвяных, розовых полей.
Марьянны мысли были тихи:
Мечталось так отрадно ей.
Все эти годы, в институте,
Который был для них тюрьмой,
Она рвалась душой к минуте,
Когда воротится домой.
Какая будет перемена:
Освобождение из плена,
Жизнь, Божий свет... о, наконец!
За эти тягостные годы,
Ссылаясь в письмах на расходы,
Домой не брал ее отец,

И в девять лет в часы приема
Два раза только навестил,
А на прощанье пошутил:
«Успеешь насидеться дома!»
И вот конец! Ее он ждет.
Она опять семью найдет,
Свой дом, в мечтах боготворимый,
Свой ненаглядный старый сад,
Портреты матери любимой,
Умершей десять лет назад.
Воображение рисовало
Весь серебристый серый дом,
Где все осталось, как бывало.
Где каждый угол ей знаком.
Слегка скрипящие ступени,
Кусты лиловые сирени,
Террасу, на которой мать
Учила девочку читать...

О, как должно быть одиноко
Отцу живется одному!
Как должен чувствовать глубоко
В душе он пустоту и тьму...
Без ласки, без жены, без друга
В часы ненужного досуга
Как, верно, был несчастлив он!
Мой бедный! Я его согрею
Любовью, нежностью своею;
Дам все, чего он был лишен.
Я как при маме дом устрою;
Хозяйство на себя возьму;
Своей заботливой рукою
Тепло и свет внесу к нему.
«О мама!.. Я жила так долго
Без ласки, без родной любви.
Теперь на путь прекрасный долга
Дитя свое благослови!
Ты помоги мне быть спокойной,
Дай твердость юному уму:
Хочу я стать тебя достойной
И заменить тебя ему!»

Уже роскошного заката
Погас пылающий костер,
И ночь раскинула шатер,
Звездами вышитый богато.
Уже минули речку, бор...
В селе уж петухи пропели,
Когда ворота заскрипели
И бричка въехала во двор.
Вблизи залаяли собаки:
Огни мелькнули в полумраке,
И кто-то вышел с фонарем.
И осветился старый дом.
Марьянне что-то горло сжало,
И запылала кровь в лице.
Две-три фигуры на крыльце.
Одна к Марьянне подбежала:
— Ну, вот, красавица моя!
Привел Господь, дождалась я...
Ужли Петровну не узнали?..
— Петровна, здравствуй! Наконец
Я добралась! А где ж отец?..
— Уже давно започивали:
Не стали дожидаться вас:
Не рано: чай, уж первый час!
Ответ был властный и короткий,
Нельзя сказать, чтоб очень кроткий.
Глаза Марьянна подняла,
Сдержав невольную обиду...
Пред нею женщина была,
Полна, румяна и бела,
Лет тридцати пяти по виду.
— Вам все готово в угловой:
Петровна, проводи ступай-ка!
И удалилась, как хозяйка,
Едва кивнувши головой.
— Петровна! Это кто такая?
— Да наша... ключница, Аглая.
— Она давно у нас? — Пять лет, —
Старуха молвила в ответ,
Глаза при этом потупляя, —

Идемте ж, барышня, со мной!..
И с странным чувством в дом родной
Марьянна вслед за ней вступила.
В большой и мрачной угловой
Ей показалось так уныло:
Два кресла, стол, диван большой,
От мух закрытый кисеею
Стенного зеркала овал
Да старый бронзовый шандал
С полуоплывшею свечою.
Все нежилым казалось там,
А запах плесени и пыли
Гнезвился всюду по углам.
— Но почему не поместили
У мамы, наверху, меня?
Ну, как-нибудь переночую:
Засну — а с завтрашнего дня
Возьмем мы комнату другую,
Да спальню мамы я займу...
— Ох, можно ль будет?.. — Почему?..
— Да там живет теперь Аглая.
— Как? В спальне матери моей...
Вот вздор! Я не позволю ей:
Найдется для нее другая!..
Старуха зашептала вдруг
(Был слышен в голосе испуг):
— Уж что я вам скажу... — Но что же?
— Голубка, барышня моя!
Тягаться с ней — спаси вас Боже!
Не будет вам от ней житья.
Аглая — лютая ехидна,
Ей барин вверился во всем.
Такое слово знает, видно,
Что обошла его кругом.
У ней ключи: всем верховодит,
Сама в шелках, атласах ходит,
Ну прямо райское житье.
Прислуге велено ее,
Вишь, звать «Аглаей Николавной».
Небось забыла, как недавно

Ходила девка босиком,
Владела дорогим добром:
Одной посконною рубашкой,
Да называлась просто Глашкой.
Теперь же — пава хоть куда!
А нам-то всем от ней — беда!
Стараясь слушать хладнокровно,
Марьянна подавила гнев,
Собою быстро овладев:
— Мне это все равно, Петровна.
Отца сама я попрошу,
И, верно, мне он не откажет.
Но будет так, как он прикажет.
Ступай, Петровна... Я тушу.
Спасибо. — Ну, Господь над вами.
Вздохнувши, с этими словами,
Старуха тихо вышла прочь...

И обняла Марьянну ночь.
Марьянне было как-то смутно:
Так одиноко, неприятно
В передраассветной тишине.
Она привыкла к белизне
Их спален, светлых и обширных,
К рядам кроваток белых, мирных,
И к заглушенной болтовне.
А здесь... Здесь пустота темницы:
Такая мертвенная тишь...
Вот разве скрипнут половицы.
И в стенке заскребется мышь,
Да где-то сторож в колотушку
Однообразно, мерно бьет...
— Что, что-то здесь Марьянну ждет?
И, скрыв лицо свое в подушку,
Тоски не в силах превозмочь,
Она проплакала всю ночь.

Наутро к ней вошла Петровна:
— За стол садятся в восемь ровно.
Ждет барин. — С радостью за ней
Марьянна кинулась скорей.

Отец в столовой был. Аглая
За самоваром, не вставая,
Ей чашку чаю налила.
Отец слегка из-за стола
Приподнялся навстречу дочке
И прикоснулся к нежной щечке
Своей колючею щекой.
Сидел он весь седой, небритый,
В халате с грудью незакрытой.
— Вот и вернулась ты домой!
Что, рада вырваться из кельи?..
Ну, как спалось на новосельи?
— Я, папа, вовсе не спала.
Тут, на нее взглянувши злобно,
Аглая быстро прервала:
— Им, говорят, там неудобно:
Что ж, если будет ваш приказ —
Я верх освобожу сейчас.
Мне к земскому выходит место,
Они вон — барышня-невеста,
Пусть и займутся всем у вас!
Старик весь вспыхнул: — Что такое?
Я знал, что глупости пойдут.
Оставьте вы меня в покое:
Я не желаю в доме смут.
Вот что: Аглая Николавна
Мне служит честно и исправно
И облегчает жизнь мою.
Запомни ж, сделай одолжение:
Я все свои распоряженья
Через нее передаю.
Вникать в хозяйство не желаю;
Коль нужно что — спроси Аглаю,
И заруби ты на носу,
Что я упрямства не снесу.
Марьянне стало очень больно:
— Но, папа... — Матушка, довольно!
Я перемен не потерплю:
Ты будешь жить, как я велю.
Она смотрела в чашку чая,

Обиду горькую глотая.
Отец, увидев, что она
Сидит испуганна, бледна,
Вот-вот расплакаться готова,
Заговорил не так сурово:
— Вот Расскажи-ка лучше нам,
Чему вас научили там?
Наук вы много проходили,
И всяких новых языков:
Одно вот плохо затвердили —
Как надо слушать стариков!

II

И дни пошли однообразно,
Как старой, скучной пряжи нить.
Но так бессмысленно, так праздно
Марьянна не привыкла жить.
Дни без определенной цели
Ползли, тянулись, как недели.
Она взялась учить детей,
Мечтала выписать им книжки —
Но это запретили ей
Под тем предлогом, что детишки
«Разводят только в доме грязь».
За варку ягод принялась
От делать нечего: на это
Аглая наложила veto:
— Вам сахар, вишь, на баловство,
А кто заплатит за него?
Марьянне скоро ясно стало,
Что не шутил отец нисколько:
Она зависела во всем
От власти грубой экономки.
...И разрушались с каждым днем
Надежды хрупкие обломки.
— Любовь отца... тепло семьи...
О грезы ясные мои,
Мои мечтанья! Неужели
Вы изменили, отлетели?..
И в ней росла, росла тоска.
Жизнь дома ей была тяжка.

Заря гнала ее с постели,
Петровна с кружкой молока
К ней приходила спозаранку.
Обнявши верную служанку
И быстро косы доплета,
Марьянна шла бродить по саду:
Воспоминания отраду
Искало бедное дитя.
В глуши, в тени листвы узорной,
Где не терзал ее ушей
Крикливый голос бабы вздорной,
Дышалось легче и вольней.
И призрак светлых, детских дней
Являлся вновь перед Марьянной,
И образ матери желанный
Он приводил с собою к ней.
Закрыв глаза, она порою,
Вдруг отдавалась мечтою
Чуть слышной ласке ветерка.
В полудремоте ей сдается,
Что чья-то нежная рука
Волос коснулась ей слегка...
Она вся вздрогнет — и очнется.
Но, нет — она одна опять:
Марьянну некому ласкать;
То ветерок душистый мая
Волос коснулся ей, играя,
В кустах тихонько шелестя...
— О мама! Где же ты, родная?
Утешь, спаси свое дитя!..

О Боже мой! Звонок рабочим...
Скорей домой! Уж стол накрыт.
Отец нахмурен и сердит:
— Я вас просил бы, между прочим,
К столу являться каждый раз
Не с опозданием на час.
— Где ж им поспеть? — Язвит Аглая:
У них работа-то какая!
Небось, за делом целый день:

Дивишься только, как не лень!
Молчит Марьянна, зубы стиснет;
Ведь что ни скажешь — все не так...
А гнев отца как туча виснет,
И на душе осенний мрак.
Во время «мрачного обеда»
Течет семейная беседа...
Конца Марьянна страстно ждет:
Кусок ей в горло не идет.
К ней придирается Аглая,
Все время, злобою пылая,
Следит за ней исподтишка
И раздражает старика.

Раз в неурочный час из сада
Ушла Марьянна. В жаркий день
Ее измучила мигрень,
А в угловой была прохлада.
Прошла к себе... И что же там
Представилось ее глазам?
Аглая рылась на свободе
В ее вещах, в ее комоде
И разроняла все из рук,
Марьянну увидавши вдруг.
— Зачем вы здесь? Как вы посмели?
Что вы здесь вывести хотели?
Вы... письма?! Боже, Боже мой!
Зачем вернулась я домой?..
Она, смущенная сначала,
Уже, оправясь, отвечала,
Задорно глядя на нее:
— Хотела взять у вас белье.
— Вы нагло лжете. Прочь отсюда.
— Ой, придержите-ка язык:
Напрасно подняли вы крик,
Смотрите, не было бы худа!
— Ступайте с глаз моих долой!
— Так вот вы как? Добро! Постой!
И с криком, с воплями, рыдая,
Вбежала к старику Аглая.

— Вот вам, ключи мои сдаю!
За службу верную мою
Я дождалась хорошей платы!
— Да что с тобой? С ума сошла ты?
— Как не сойти? Сошла давно,
Тогда, когда ушла за вами,
Прельстившись вашими словами,
Забывши... ну, да все равно!
Простите, если виновата.
Вы мне хозяин, ваша плата,
От вас одних расчет приму.
— О чем ты? В толк я не возьму!
— О чем? Приказ от вашей дочки
Убраться мне без проволочки.
— Как! Что? — Пожалуйста расчет,
Не то, боюсь, она убьет.
Она при всех меня поносит,
Из дома выгоняет вон!.. —
Тут, весь дрожа, поднялся он:
— Она прощенья попросит.
— Она-то? Как же! — Я велю.
— Не станет ни за что. — Не бойся:
Ее упрямство я сломаю.
Не плачь же больше, успокойся.
— Для вас простить готова я;
Но если я того не стою,
Чтоб извиниться предо мною, —
Мне больше нет у вас житья.

Марьянна с старою Петровной
Сидела молча у окна.
Невольно вздрогнула она,
Услышав шаг отца неровный.
К ней в комнату вбежал старик
И сразу в озлобленье диком
Накинулся на дочку с криком,
С себя срывая воротник.
Апоплексический затылок,
Покрытый сетью красных жилок,
И гнев на старческом лице —

Все было страшно ей в отце.
— Ты... смела... оскорбить Аглаю!
Ее ты ненавидишь... знаю...
И, подколотая змея!
Тебе приказываю я:
Ступай проси у ней прощенья!
С невольным жестом отвращения
Она вскричала: — Ни за что!
— Ступай, негодная, не то...
— Я не пойду. — Да как ты смеешь?
Аглая требует расчет!
Она уйдет!.. — И пусть уйдет.
— Ты вот как отвечать умеешь?
Смотри... получишь ты урок.
Даю тебе до завтра срок;
Опомнись! Или — суд короткий:
Тебя я отхлестаю плеткой!

Ушел... В глазах ее туман.
Она упала на диван...
...Очнулась — перед ней Петровна
Ей гладит волосы любовно
Рукою сморщенной своей:
— Христос с тобою... на, испей.
Что ж тут поделывать, хоть обидно,
А покориться надо, видно:
Ишь, барин как осатанел...
Да Бог терпел и нам велел!..
Но, вся бледна от потрясения,
Стуча зубами от волнения,
Марьянна шепчет как в бреду:
— Уйду... уйду от них... уйду!..
— Куда же ты уйдешь, сиротка?
— Куда?.. В Москву... Да, да: там тетка!
Я знаю... мамина сестра.
Приеду к ней... скажу: «Спасите!..»
Она, наверное, добра
И не откажет мне в защите.
— Да ведь Москва-то далеко,
До ней добраться не легко!

— Пускай! Пойду большой дорогой,
Оденусь нищенкой убогой
И подаяньем проживу —
Но я уйду, уйду в Москву.
Послушай! Маму ты любила;
Ты на руках меня носила,
И... помоги мне как-нибудь!
Придумай, как мне ускользнуть?
Неужли средь такого ада
Должна сгубить я жизнь свою?
Уйти от них, уйти мне надо,
Иначе — я себя убью!
Петровна помолчала важно,
Вздыхнула тихо и протяжно,
Потом промолвила: — Постой...
Уж видно, Бог над сиротой. —
Старуха отстегнула ворот;
Висел мешочек на груди.
— Давай-ка ножницы... Пожди... —
Мешочек быстро был распорот.
— Для смерти берегла своей:
Скопила шестьдесят рублей...
Вот,годились, слава Богу:
Возьмешь себе их на дорогу,
А там — Петровну не забудь:
Как будет можно, понемногу,
Пришлешь на саван что-нибудь.
Марьянна с страстными слезами
Припала нежными устами
К старухи сморщенным рукам.
— Тебе сторицей я отдам!
— Ну, там увидим, как придется!
Марьянна плачет и смеется:
— Тебя за эту доброту
Теперь я как родную чту!.. —
В порыве искренно-горячем
Прижалась к старческой груди.
— Постой, постой, потом поплачем:
Немного времени впереди.
Коль ехать... Дай умом раскину:

Пойдем в село с тобою мы,
Тебя я спрячу у кумы,
А как стемнеет, скажем сыну:
Тебя свезет он на машину.
Пошли — радушно приняла
«Сиротку» старая крестьянка.
Сидит, задумавшись, беглянка...
Вот снова нет у ней угла!
Здесь, в покосившейся избенке,
Под мерный стук веретена,
Под тихий шепот старушонки,
Печально думает она:
— Что впереди?.. Темно, уныло...
И хуже, может быть, чем было...
Нет, все равно! Я молода!
Начну я смело жизнь иную.
Хочу свободы и труда,
И их себе я отвоюю!..

Меж тем Петровна с узелком
Вернулась, уж она тайком
Все приготовила к побегу...
— Теперь и в путь благословясь!
И вот Марьянна взобралась
На деревенскую телегу.
— Прощай... Постой, перекрести...
— Вези, Петруша, осторожно!
— Не бойтесь, матушка, как можно!
— Дай Бог счастливого пути!..

Ты, старый дом родной, прости!..
Чужою кажется дорога
Среди неясной темноты;
В душе растет, растет тревога:
Пугают камни и кусты...
Вон кто-то ходит по полянке?
Нет! Это только лунный блик.
Какой-то птицы странный крик...
Как бьется сердце у беглянки!
Здесь, в чаще, не видать ни зги.

Ах... чьи-то быстрые шаги...
Все ближе... Что же это значит?
— Что это, Петр? Да заяц скачет.
Все лес, все лес — со всех сторон,
Хоть бы скорей скончался он!
Но вот просвет. Поля уж сжаты...
Невдалеке белеют хаты
И пляшут тени веретен...
Опять безбрежны и широки
Идут поля... Опять леса...
И понемногу на востоке
Уже белеет полоса.
Устали сытенькие кони.
Марьянна все дрожит погони.
Бойтся шороха листвы...
— Петруша, скоро ли?.. — «Эй, вы!..»
Но вот блещут огни вокзала,
И вся опасность миновала!..
И шепчет трепетно она:
— Теперь — вперед!.. Я спасена.

III

То был конец восьмидесятых,
Тяжелых, памятных годов,
Когда на нивах недожатых
Колосья гибли без серпов.
На зеленеющие всходы
Весною ранней пал мороз;
Убил он цвет прекрасных грез
Едва занявшейся свободы.
Для женщин — тяжкая пора!
Недавно так — еще вчера —
Их матери служить умели
Своей святой, великой цели.
Они от этих матерей
Привыкли слышать с детских дней
О том, что им служить науке
С мужчиной можно заодно,
О том, что женщине грешно
Сидеть сложа лениво руки,
Что высший долг — есть долг труда...

Она возрастала с жаждой дела.
Работать каждая хотела,
Вперед стремилась... Но — куда?
Опять из тесных старых рамок
Их не хотели выпускать:
Старались запереть опять
В невежества тюремный замок,
Чтоб, как бывало в старину,
Держать в бессмысленном плену.
Один был путь еще свободный:
На сцену! Все же труд живой!
И вот рекою многоводной
В театр нахлынул женщин рой.
Как много женщин, — жажду знания
И страстный голод по труду
Приняв ошибкой за призванье,
Тупили в суетном чаду.
Недугом общим пощаженный,
Хоть как-нибудь не зараженный
Горячки театральной злом —
Найти уж трудно было дом.
Спектакли, курсы, школы, чтение,
«Святым искусством увлечение» —
Вот был блистающий маяк.
Боль сердца... неудачный брак...
Иль гнет семейной обстановки
Для пылкой молодой головки,
Иль подступившая нужда...
Что делать и пойти куда?
Служить рублей за десять бонной?
Корпеть машиной монотонной
Над перепискою бумаг?..
Свобода — часто злейший враг,
Влекущий к пропасти бездонной,
Когда не знаешь, где найти
Спасенья верного пути.
Но где ж тот путь? Пусть он опасен,
Ведь без него — исхода нет.
И вот являлся им ответ:
— На сцену!.. «Свет искусства ясен».

И так заманчив рампы свет,
Как в сказке — был тут перекресток:
Направо — жизни пустота,
Налево — скорбь и нищета,
А прямо... мишура подмосток.
И от мещанки до княжны,
Все были ей увлечены,
На крыльях юности свободных
Гнались за яркою мечтой...
Актрис, — увы, полуголодных,
Все увеличивая рой!

Московский дом семьи Кривцовых,
Для всяческих течений новых
Гостеприимный уголок,
Конечно, избежать не мог
Болезни общества повальной;
Горячки этой театральной;
Старик хозяин лишь вполне
Стоял от сцены в стороне.
Одна из барышень — сопрано —
Сольфеджи изучала рьяно,
Другая дочка — всей семьей
Считалась будущей звездой:
В ней находили с Дузе сходство!
«Такое ж позы благородство,
Бровей страдальческий излом
И меланхолия во всем»!
Она была «полна загадки»,
Влачила белых платьев складки,
Стройна, бледна, весьма горда,
Привыкла кушать очень мало
И не смеялась никогда,
Чтоб сходство с Дузе не пропало.
Их брат — студент — давно тайком
Уж режиссировал кружком,
Играл отлично разных «фатов»
И восхищал знакомых дам;
К хозяйке ж дома по средам
Съезжались к чтению рефератов:

Профессора читали там
О Шеридане, о Шекспире
И о театре в древнем мире.
Помимо сцены — в остальном —
То был вполне московский дом:
Старик — хозяин хлебосольный,
Лампадки няньки богомольной,
Посты, блины — и до утра
Подчас в любимый вист игра.
Кружок был пестрый — от Плющихи
До элегантной Поварской.
Народ томился день-деньской:
Певцы, актеры и купчихи,
Консерваторки, юнкера,
Портнихи и профессора,
Студенты, — «красные рубашки»
И подмосковные монашки.
Марьянну тетка приняла
С широким родственным участием;
Всплакнула над ее несчастьем
(«Когда б сестра жива была!»);
Благодаря московским связям,
Марьянне вид раздобыла,
С каким-то повидавшись князем;
И все племянницы дела
Немедля в ясность привела:
У той от матери в наследство
Остались небольшие средства
Так понемногу жизнь свою
Марьянне удалось наладить,
И память горьких дней изгладить.
Она входила в колею.
Тогда ей захотелось «дела»...
Кузен-студент ее увлек
В их драматический кружок.
Сперва она мечтать не смела
Об артистическом пути,
Но там сумели в ней найти
«Святой огонь» и «дарованье»:
Сыграла раз, и переи́ден

Был театральный Рубикон,
И у нее нашлось «призвание».

Марьянна в школе третий год,
Вокруг нее шумит столица,
Иная жизнь, иные лица...
Ей хорошо... вперед, вперед!
О, годы светлые ученья!
Что лучше пылкого стремленья
Путем упорного труда
К тому, о чем душа мечтает,
К тому, что манит и блистает,
Как путеводная звезда. —
Excelsior! Сияет пламя
На недоступной высоте
И озаряет путь мечте,
Как будто огненное знамя.
К тебе, искусства блеск святой!
Твоих заветов не нарушу:
Спаси во мне живую душу
С ее нетленной красотой.
Excelsior! Путем тернистым
Подняться выше — к звездам чистым —
К вершинам недоступных гор...
Excelsior, excelsior!..
Пусть камень больно ранит ноги,
Пусть нет дыхания в груди:
Свет ближе, ближе впереди —
И вот пришел конец дороги.
Но где ж тот свет, что сердце влек
Своей божественной улыбкой?
— То был болотный огонек,
Блуждающий в трясине зыбкой!

IV

...И утекло не мало дней,
С тех пор как с школою своей
Марьянна навсегда простилась.
Марьянне двадцать пятый год;
Уж смолкнул говор вешних вод,
И в сердце тихо грусть спустилась.

В театре не нашла она
Того, чего душа искала...
Марьянна выпила сначала
Всю чашу искуса до дна.
Ее терзало с непривычки
Презрение обычной клички
«Актёрка»; были тяжелы
Косые взгляды дворни грязной
И любопытства шепот праздный,
И невозможные углы
Под громким именем «отели»,
Куда пускать их не хотели.
Потом извела она
Другую сторону сполна:
Весь ужас взоров плотоядных
Купцов богатых «перворядных»,
Все унижение красоты,
И яд досужей клеветы,
И месть обманутой надежды,
И злобу критика-невежды...
— И так прошло пять лет. Когда
Марьянна в Петербург попала,
Душа ее уже устала
И радость стала ей чужда.
А дни летели и летели...
Из дней слагались недели,
Мелькали месяцы, года
Так быстро и неуловимо,
А жизнь... жизнь проходила мимо
И не сдержала ничего
Из обещанья своего.
Виденья славы настоящей,
Той славы сказочно-блестящей,
Что за собой всегда ведет
Богатство, лавры и почет,
Как свиту, пестрым шумным роем,
Чья прихотливая игра
Толпе безвестного вчера
Сегодня делает героем,
Чьих горделивых крыльев взмах

Парит высоко в небесах.
Ее виденья потускнели:
Блеснув, померкли; улетели
Смущать покой иной души
Далеко где-нибудь в глуши...
Марьянне становилось ясно,
Что *этой* славы — ждать напрасно.
Давала сцена ей успех
Хороший, средний, «как у всех».
И превращался понемногу
Тернистый путь «*excelsior*»
В обыкновенную дорогу,
В конце которой не блистал
Былой заветный идеал.
Искусство — низводилось к роли;
Для пылких дум, для гордой воли
Власть обстоятельств, как узда
Являлась, строгая, всегда.
Играя в водевиле пошлом,
Марьянна думала о прошлом,
Когда, бывало, молодежь
Сбиралась в круг за самоваром,
Шумя и споря с юным жаром,
Громя порок, бичуя ложь...
Театр... служение народу...
«Глаголом жечь сердца людей»,
Вещающая правду и свободу,
О, грезы юношеских дней!
— Царил в театре дух наживы:
Гнались за тем, что даст успех;
Так было всюду. Даже тех,
Кто сохранил еще порывы
Благих мечтаний и надежд,
И тех засасывала тина,
На плащ веселый арлекина
Меняя складки их одежд.
Среди товарищей Марьянна
Себя почувствовала странно,
И оставалась ей чужда
Артистов пестрая среда,

Их жизнь, привычки, все. — Сначала
Она усердно изучала
Тот странный мир, что так отвык
От прочных уз, от твердых правил,
Как будто высший часовщик
Их всех неправильно поставил.
Все были дружны и чужды...
Ни верной дружбы — ни вражды.
Вчера — грозят дуэлью в споре,
Сегодня — оба пьют на ты.
Все получувства, полуторе
И призрак полудоброты;
Все — полулюди!.. Ей казалось,
Что от актеров и актрис
Преградой прочною кулис
Все остальное заслонялось.
Где царствовал «актерский» дух,
Там каждый оставался глух
Ко всем общественным течениям,
К вопросам с жизненным значением.
Из мира внешнего — один
У них был грозный властелин,
Неверный друг и враг жестокий,
Безжалостный, тысячеокий, —
Тот враг был публика. О ней
Они судили и гадали,
Ее лишь приговора ждали,
И до конца последних дней
Все как рабы ей угождали.
Ей льстили — и ее кляли,
И для нее на жертвы шли,
Дышали ею, ею жили
И не искусству — ей служили.
Здоровье, честь, последний вздох
Ей отдавали на съеденье,
Чтоб дал им новый их Молох
Минутной славы наслаждение.
О, мир, где Божество — Успех,
Где все поддельно — слезы, смех...
Владенья странные таланта...

Как укрепляло встарь Атланта
Прикосновение земли,
Так здесь подмости им несли
Все: сил упавших подкрепление
И от болезней исцеленье...
От умирающей жены,
Среди зловещей тишины,
Муж, оторвавшись без рыданий,
Шел, как солдат на поле брани;
Ребенка оставляла мать,
Дурным предчувствием томима,
Чтобы потом, не смывши грима,
Над трупом маленьким рыдать.
Влюбленные — несли разлуку;
Скрывала ревность сердца муку...
И каждый в сцене находил
Источник постоянных сил.
Марьянну это занимало,
Но пищи сердцу и уму
Среди актеров было мало,
И все сводилось к одному:
К интригам, сплетням, приключениям,
Разнообразным развлечениям,
Пустой и легкой болтовне,
Из-за ролей хороших спорам
Да поклоненью режиссерам.
Марьянна стала в стороне,
Ей эта узкость и убогость
Не говорила ничего;
Но молодой актрисы строгость
Критиковало большинство.
Она ушла в работу, в дело,
Хоть сердце больше не горело
При слове сцена, но игра
Ей заполняла вечера.
Все время сцена поглощала:
Она почти не замечала,
Как быстро пробегают дни.
Раз навсегда пошли они
Как будто пестрой и живою,

Но монотонной чередой:
Спектакли, пьесы, вечера,
Поклонники, спектакли, пьесы,
Все те же лица, интересы,
Сегодня — так же, как вчера.
Мир лжи и красоты поддельной,
Работы рабской и бесцельной
Был чужд Марьянне. Прежний пыл
К желанной сцене — в ней остыл.
Томился ум, душа устала
И чувства нового искала —
Чтоб заменить оно могло
Все то, чем сердце увлекалось,
Но что лишь издали казалось
Так упоительно светло.
Марьянна спит, хотя уж поздно.
Во сне лицо ее серьезно —
Она до трех часов вчера
Учила роль. Служанка будит
Ее. «Да что же это будет?
Вставайте, барышня! Пора!..»
Проснулась. На подносе, рядом
С ее обычным шоколадом,
Лежат газеты. — «Где ж отчет
О новой пьесе N... ах, вот...»
Счета модисток, просьбы, пьесы,
Письмо влюбленного повесы,
Подруги дальней письмецо...
Ни одного, чей почерк милый
Вдруг краску б вызвал тайной силой
На это нежное лицо!
Она просматривает вяло,
Но времени осталось мало...
На репетицию скорей!
Там режиссер пеняет ей:
Уже почти вся труппа в сборе,
Уж половина даже в ссоре...
Чуть испустив последний вздох
От кем-то всыпанного яда,
Она летит, хоть и не рада:

Фотограф ждет до четырех.
Затем спешит она — по списку —
Чтоб не задерживать модистку:
С ней надо выбирать костюм.
Наморщив лоб, напрягши ум,
Она рассматривает томы —
Пьес исторических альбомы...
Вот, наконец, идея есть!
Примерка... Между тем уж шесть.
Ей предстоят еще покупки
И — грозной критики уступки —
Супруге критика визит,
Иначе ей беда грозит.
В час предзакатный, ярко-алый,
Марьянна едет вдоль Невы,
С тяжелой болью головы, —
Поднявши к небу взгляд усталый.
Как дивно рдеют небеса,
Закатной роскошью блистая,
И пышный пурпур — золотая
Перерезает полоса.
Но над зарей совсем высоко
Уж нет ни света, ни теней;
Там все темнее и темней,
Там пусто... холодно... жестоко.
Свежа Марьянны красота,
Глаза ее блестят порою...
И смех невольною игрою
Румянит нежные уста.
Но там, в душе, совсем глубоко,
Где недоступно для людей, —
Там все темнее и темней,
Там пусто, холодно, жестоко...

Вернувшись, застает народ
Марьянна у себя в приемной;
Один в концерт ее зовет;
Другой — по виду автор скромный —

Вручает ей пакет огромный
И очень просит сделать честь
И пьесу к пятнице прочесть.
Звонки ей не дают обедать:
То та пришла ее провести,
То этот просит пять рублей.
А уж пора к спектаклю ей!
Волнение, нервность, платья, сборы.
Небрежной девушке укоры...
Но вот пред зеркалом своим
Она уже наводит грим.
Румянит уши, белит шею,
Кармином уменьшает рот,
А под глазами тень кладет...
Глядят из зеркала пред нею
Чужие, новые черты
С оттенком новой красоты:
Глаза как будто бы темнее,
Румянец на щеках сильнее,
Горит огнем лукавым взгляд.
А губы алые твердят
С какой-то странной лихорадкой
Слова любви и страсти сладкой,
Но чужды эти ей слова:
Вся прелесть их — для ней мертва.
И пред толпой их расточая —
Их власти чудной и большой
Чужда артистка молодая
Не пробудившейся душой.

Спектакль окончен. Свет погашен.
От парков, и дворцов, и башен
Остались пыльные холсты.
Зияет зал из темноты.
Потух иллюзий блеск коварный,
Померкла всюду мишура.
В углу — зевающий пожарный.
«Тушите, братцы, уж пора!..»

Домой... В квартире одинокой
Ее холодный ужин ждет.
О, вот когда какой-то гнет
Томит ее тоской жестокой.
Одна, одна, совсем одна,
Вокруг все тихо и пустынно...
В ее хорошенькой гостиной
Молчит зловеще тишина,
Увы! Марьянны возвращенья
Не оживит ничей привет:
Ее удачи, огорчения —
На них ни в ком ответа нет.
Никто не рад ее успеху.
Вокруг так пусто и темно...
И на устах не суждено
Явиться молодому смеху.
Тогда она ложится спать;
По заведенному порядку
Всегда берет с собой в кровать
Свою заветную тетрадку —
Тетрадку с ролью. Раз пять-шесть
Ее старается прочесть.
Но наконец, вздремнув немного
Посередине монолога,
Решает: «Завтра доучу»...
И тушит, сонная, свечу.

Из дневника Марьянны

...«Я слышу точно моря шум...
То бьется кровь во мне самой,
Избыток дум томит мой ум,
Грудь сердцу кажется тюрьмой.

А сколько в нем живой любви!
Как много есть в душе огня!..
О, жизнь! На подвиг призови:
Ведь силы сгинут у меня.

Зачем горит мятежный дух?
Что ищет жадный взор вдали?
О, Боже мой, одно из двух:
Иль жизнь мне дай — иль смерть пошли!»

V

Андрей Михайлович Ардатов
Был, по признанию молвы,
«На холодных берегах Невы»
Одним из лучших адвокатов.
Красив, изысканно умен,
Одет умеренно по моде,
Умел с красивым пылом он
Твердить о равенстве, свободе...
Как настоящий либерал,
Бесплатно бедных защищал,
Идеям верен был гражданским
И пил за их прогресс шампанским.
Его манеры, голос, речь
Умели слушавших увлечь:
Так говорил он благородно,
И так легко, и так свободно.
Когда же вел защиту он
И этот мягкий баритон
Звучал то просьбой, то укором,
Журчал так плавно, как ручей,
Сомнение в правоте своей
Овладевало прокурором.
От собственных недавних слов
Отречься мог любой свидетель.
И сам преступник был готов
В свою поверить добродетель.
Он был к тому же драматург:
Писал стихи в часы досуга,
И знал его «весь Петербург»
Из веселящегося круга.
Хоть шумно жизнь его текла,
Но он отлично вел дела
И знал все сроки для кассаций,
Подачи жалоб, платежей —
Как имена балетных граций
И разных театральных фей.

Везде бывал он понемногу,
Где лишь бывает «целый свет»,
И жил на холостую ногу,
Хоть был женат уж десять лет.
Его болезненной супруге
Был вреден воздух городской,
И предписали ей покой
И жизнь в деревне иль на юге.
Поэтому она жила
Вблизи от Царского Села
С двумя детьми и целым штатом
В усадьбе с парком вековым.
Дом был солидным и богатым:
Ардатов был доволен им,
Гордился всею обстановкой,
Жены изящною головкой,
И образцовыми детьми,
И англичанкой чинной, длинной,
И в стиле английском гостиной,
И дорогими лошадьми.
Он привозил семье конфеты,
Коробки, свертки и пакеты;
Приехав, целовал детей.
В глаза жене смотрел с любовью,
Весь полон был вниманья к ней,
К ее бесценному здоровью,
Хвалил супруги туалет
И целовал ей ручки с жаром;
Хвалил вино, хвалил обед,
Садился с тещей за пикет,
Гулял по парку с сенбернаром.
— Зачем на свете есть дела? —
Твердил с гримасой утомленья:
— Ах, как бы жизнь чудесно шла
Вдали от шума и волненья!
Я оживу душой у вас:
Здесь отдых мой, мое спасенье. —
И ездил к ним в неделю раз
С субботы и на воскресенье.
Его любимым уголком,

Где он и жил «холостяком»,
Была квартира на Шпалерной.
Царил порядок в ней примерный,
Английский вкус и чистота.
Повсюду строгие цвета;
Бюст Цицерона и портреты
Фурнье, Лассаля и Гамбетты.
А воздух был пропитан весь,
От светлой спальни до прихожей,
Духами («Джики» с «Амброй» смесь),
Сигарами и русской кожей.
Большой портрет его жены,
Блондинки тоненькой и стройной,
Из ценной рамки со стены
Смотрел с улыбкою спокойной
На приходивших по утрам
Клиентов: очень часто дам,
На их улыбки, взгляды, слезы,
И обольстительные позы,
И их заигрыванья с ним.
Но, впрочем, редко в час приема
Ардатов оставался дома:
Он был почти неуловим,
Помощник заменял патрона,
Его же самого найти
Почти наверно — от шести
Возможно было у Донона.
Служил ему один лакей.
Когда ж он приглашал друзей,
То ужин свой по телефону
Тому ж заказывал Донону.
А дома отдан был приказ
Иметь всегда, во всякий час,
Для неожиданных визитов
Запас малаги и бисквитов.

Так, беззаботна и светла,
Обычным руслом жизнь текла,

Как будто праздник беспрестанный,
Без строгой критики к себе,
Без утомления в борьбе —
Когда он встретился с Марьянной.
Одна наскучившая связь,
Что он влачил почти как бремя
Уже три года, в это время
Сама собою порвалась.
Любви здесь было очень мало:
Они нечаянно сошлись,
И им давно уж разойтись
Лишь самолюбие мешало.
Без слез и горя был разрыв.
Любви минувшей посвятив
Два или три стихотворенья,
Он только начал злей острить
Да о любви стал говорить
С улыбкой легкого презренья, —
Иль был загадочен и нем,
Когда шла речь о ней... Меж тем,
Он прямо без любви томился,
Скучал и мысленно стремился
К любви — или, верней, к тому,
Что называют этим словом:
К волненьям, впечатленьям новым,
Дающим новый блеск уму.
Он к атмосфере «тайны сладкой»
Намеков, писем, встреч украдкой —
Привык, как пьяница к вину,
Как морфинист к цепям дурмана,
И жаждал нового романа...
Хоть и любил свою жену.

Давно прочитана вся книга,
Давно разгадана интрига,
Давно конец ее знаком —
И книгу прячут за стеклом
И новой ищут торопливо,

Чтоб развернуть нетерпеливо...
В такие-то «пустые» дни
С Марьянной встретились они.
Среди тревоги театральной,
Нечистой, яркой суеты —
Так выделялся взгляд печальный
И детски-строгие черты.
Услышав первую же фразу,
Почувствовал Ардатов сразу
Тот электрический толчок,
Которым точно хочет рок
Предостеречь неувовимо,
Что тут вы не пройдете мимо...
Марьянну ум его увлек.
Пошло сближение очень скоро:
Два-три серьезных разговора
В неверном сумраке кулис
Среди смеющихся актрис.
Затем уж он в ее уборной
Сидел счастливый и покорный;
Затем явилось слово «друг».
И под его щитом надежным
Вниманьем тихим, осторожным
Наполнил он ее досуг.
Он был ей другом, только другом,
И этой дружбою она
Была без слов побеждена,
Окружена волшебным кругом.
Ее, как друг, он посещал,
С ней вместе бедных навещал,
Ей роли списывал в тетрадки.
Лечил ее от лихорадки,
Возил ей груды новых книг,
Квартиру превратил в цветник,
По разным ездил порученьям
И вслух читал ей с увлеченьем.
Вниманьем скрасил он своим
Ей жизни тусклую дорогу.
И стал Марьянне понемногу
Как воздух он необходим.

Покорна власти непривычно
Заботы, нежной безгранично,
Марьянна поддавалась ей,
Как ласке солнечных лучей,
И робко привыкала к счастью...
И не заметила совсем,
Как эта дружба между тем
Сменилась вкрадчивою страстью.
Где ты, волшебная пора
Еще не сбывшихся мечтаний?
Где дорогие вечера
Под сенью вырезной латаний
И при таинственной луне,
Где тени листьев на стене,
Узоры странных очертаний?..
В уютной комнате у ней
Они сидели до рассвета.
Туманя душу, близость эта
Манила к счастью все сильней.
У ног ее, в тиши безумной,
К ее коленам соскользнув
И лбом горячим к ним прильнув,
Твердил он вздор любви безумной:
«Я проклиная те слова,
Что я произносил когда-то,
Чья память все еще жива,
Хоть к ним уж больше нет возврата.
Теперь мне были бы нужны
Слова поэзии нездешней,
Слова чистейшей глубины
И прелести фиалки вешней.
Но беден жалкий наш язык,
Чтоб чувства выразить богатство.
Слова, к которым он привык,
Здесь были б просто святотатство.
Проклятье прошлого клейму!
Тебя не оскорблю я речью:
Внимай молчанью моему
И глаз немому красноречью!»
Смолкал. Но взгляд красивых глаз
Таил в себе такой экстаз,

Что ей до смутной, сладкой боли
Он сообщался поневоле.
Его влюбленные глаза
Оттенка темно-серой стали
Тогда темнели и блитали,
И набегавшая гроза
Ее манила, раздражала,
Как иногда влекло ее
Прикосновение кинжала
Вонзить поглубже острие...
Их волны страсти обнимали,
Как бурно плещущий прибой,
И увлекали к чудной дали,
К безвестной дали за собой.
Отрава властью незаметной
Вливалась в душу все властней,
И струны страсти беззаветной,
Дрожа, натягивались в ней.
В полубреду перед Марьянной
Он замирал у милых ног...
И вот настал тот миг туманный,
Что не настать уже не мог.
Рассвет и робко и несмело
Сквозь шторы крался к ним в окно;
Но, вспыхнув, лампа догорела,
И стало вдруг почти темно.
Благоухали туберозы,
И притаилась тишина,
Сама как будто сладкой грезы
И неги вкрадчивой полна.
Смелее становились ласки,
Такие робкие сперва.
И щек ее бледнели краски,
Хоть жгли их пылкие слова.
Вокруг ей все за ним шептало:
«Живи, люби! Люби, живи!..»

И оторваться сил не стало
От чаши счастья и любви.

Письмо Аргатова к Марьянне
«Не как к игрушке иль к забаве
Я отношусь к тебе, поверь:
Но я, увы, уже не вправе
Себя связать с тобой теперь.
Свой тяжкий крест несу я годы...
Жена мне не отдаст свободы
И — видишь, я тебе не лгу —
Порвать я с нею не могу.
Дать волю можешь укоризне:
Виновен я!.. Но все ж, прости,
Две чистых жизни, детских жизни
Не в силах в жертву принести.
Я никогда детей не брошу —
И потому щажу их мать,
Хоть жизни тягостную ношу
Мне часто трудно поднимать.
Жена моя мне дать не может
Забвенья, счастья и мечты:
Она... она, увы, не ты!
Но с ней десяток лет уж прожит.
Я с нею разделил года
Борьбы, лишений и труда,
Я слишком многим ей обязан,
Я ей принес немало мук...
И крепкой цепью с ней я связан:
Та цепь — из нежных детских рук.
Послушай!.. Жизнь моя сурова.
Но стал с тобой я счастлив вновь;
Кусочек неба голубого
Открыла мне твоя любовь.
От прозы скучной и небрежной,
Семейной жизни — я устал,
Но тут, в пустыне безнадежной,
Мне вдруг оазис заблистал.
Как путник, зноем утомленный,
Я отыскал живой родник:
Я в твой приют уединенный,
В твое святилище проник.
И я впивал, как воздух чистый,

Как животворную струю,
Твой смех, твой голос серебристый
И юность милую твою.
Твой ум прелестный, обаянье
Изящной женской красоты
И чувства нового сиянье —
Все это мне дарила ты.
И все ж... Пусть места нет обману:
Быть может, я ничтожен, слаб,
Но я семьи бросать не стану,
Своих обязанностей раб.
Дитя! Опомнились мы поздно,
Когда стихийный ураган
Над нами уж промчался грозно.
Я... да: я был от страсти пьян.
К чему скрывать? Таких мгновений
Я раньше не переживал;
Таких безумных ощущений
Никто мне в жизни не давал.
Люблю тебя! Люблю до боли!..
— И все же лучше, может быть,
Чтоб эту страсть мы побороли
И, лишь связав, порвали нить.
О, если б, если б ты сумела
Отбросить страх и ложный стыд;
Пойти на все спокойно, смело:
На ложь и горечь злых обид...
О, если... Но за что б, откуда
Судьба дала мне это чудо?..
На чудо мне надежды нет.
Я не достоин, я не смею
Молить, чтоб ты была моею:
Я раньше знаю твой ответ».

Письмо Марьянны к Аргатову
«О чем, о чем меня ты просишь?
Причем тут дети и жена,
Семью ты бросишь иль не бросишь...
Твоя семья — что мне она?
Давай ей все, что дать обязан:

Мне до нее и дела нет,
А мой ответ... Один ответ,
Который сердцем мне подсказан.
Я у нее не отниму
Того, что ей принадлежало.
О мой возлюбленный! Так мало
Довольно сердцу моему.
Моя любовь не будет торгом!
Лишь то, что ты отдашь мне сам,
Я у тебя возьму с восторгом.
Тебе ж за это все отдам.
Ты знаешь ли? До нашей встречи
Любовь считала я мечтой,
Стихи о ней, рассказы, речи —
Одною выдумкой пустой.
Шла „мимо жизни“ — без печали.
В душе царила пустота,
И слез глаза мои не знали,
И ласк не ведали уста.
Без слез, без радости глубокой,
Душою страшно одинокой,
Так я жила... Так шли года.
И жизнь казалась мне всегда
Каким-то серым коридором,
Где окон не было совсем...
И часто я судьбе с укором
Твердила свой вопрос: „Зачем?.. “
Зачем мне день встречать ненужный,
Зачем мне каждой ночью — сон,
Зачем мне ложь со всех сторон
И клевета молвы досужной?
Зачем весь вечер мой идет
Толпе на развлечение праздной?
И тот же все круговорот —
И пестрый, и однообразный.
Уж на себя как на врага
Смотреть я начинала... право!
Мне больше уж не снилась слава,
И жизнь была не дорога.
Как тачку каторжник злосчастный,

Влачила я сама себя;
Жила спокойной и бесстрастной,
В любовь не веря, не любя.
Вдруг — ты!.. Ты был моей „судьбою“.
И стала я твоей рабою.
Мой властелин, мой Бог, мой царь!
Ты в жизни непонятной цели
Мне чудный, новый смысл открыл,
Дал мне источник новых сил...
Глаза твои меня согрели!
Я вся твоя теперь, пойми,
Неразделимо и всецело —
Твоя, твоя! — Что мне за дело
До уз, придуманных людьми?
Подняться выше над толпою,
Всегда бездушной и слепую,
На крыльях мимо всех преград!
Какая гордость — быть твоею
И знать, что тайной я владею,
Одна храню наш дивный клад.
Так помни ж: мне довольно слова,
Повиноваться я готова:
Когда б ни захотел позвать,
Я буду ждать: ты мне напишешь...
В тот день, в тот час, в тот миг — ты слышишь?
О милый, я твоя опять».

С тех пор как солнце озаряет
Созданье Вечного Творца,
Все человечество читает
Одну лишь книгу без конца.
Оно без усталости готово
В ней изучать за словом слово,
О ней писать за томом том.
Ей отдают свои стремленья
За поколеньем поколенья
И цель всей жизни видят в том.
И вот на жизненную сцену

Судьба ведет других — на смену —
Учеников и учениц,
Но все от слова и до слова
Перечитать стремятся снова
Ряд упоительных страниц.
И каждый думает при этом,
Что он один вполне постиг
Еще не понятую светом,
Но величайшую из книг.

Так — час пришел и для Марьянны.
Судьбы решения нежданны!
Отверзло сказочный Сезам
Волшебной власти мановенье,
И просияло откровенье
Ее прозревшим вдруг глазам.
Открылись вещие страницы!
И заповедные границы,
— Потрясена, упоена, —
Переступила и она.
И как ей все казалось ново!
Как жизнь казалась хороша!
Как блеском света неземного
Вдруг озарилась душа!
Все, что с презрительной улыбкой
Сама она звала порой
«Позтов милою ошибкой,
Воображения игрой» —
Слова любви, слова печали, —
Теперь иначе ей звучали,
И ожила их красота.
Вдруг были чувства ей открыты
Джюльетты, Клерхен, Маргариты...
И новый блеск и новый пыл
Существованье охватил.
Как будто с сердца лед был сколот:
Исчез ее обычный холод;
Непобедимых внешних чар

Прикосновение живое
В ней пробудило новый дар:
Все чувства стали ярче вдвое,
Острее зрение и слух.
Как прежде, ум уж не был сух,
Ушла душевная усталость,
Прокралась тихо в сердце жалость,
И, сострадания полна,
На все людские заблужденья
Уже не взором осужденья —
Смотрела с кротостью она.
Ни сожаленья, ни упрека
Не родилось в душе у ней
К тому, кто стал по воле рока
Так близко к ней... И так далеко
Был от нее в глазах людей!
Уж было счастьем лучезарным
То, что она могла любить,
И больше у судьбы просить
Казалось ей неблагодарным.

Когда уж в поздний час ночной,
Ее объятья покидая,
Из их таинственного рая
Андрей спешил к себе домой —
Ни чувства ревности, ни муки
Не вызывал в ней миг разлуки.
Она до будущего дня
Жила мечтой воспоминанья,
Все ласки, все слова, признанья
В счастливой памяти храня.
Расставшись с ним, она, бывало,
Все у окна еще стояла,
Следя за ним, пока могла,
Сквозь мглу замерзшего стекла,
Стояла долго, без движенья...
Бежал ее капризный сон,
В душе, в уме, в воображеньи

Перед глазами — он, все он.
Все им полно перед Марьянной:
И полумрак благоуханный
«Их» милой комнаты, кругом
Тая в себе немые чары,
Ей говорил о нем одном,
Все: аромат его сигары,
Им недочитанный роман,
Вина недопитый стакан —
Все это для Марьянны живо,
И бережет она ревниво
Забывший им у ней платок
Или исписанный листок...

Заря уж в небе занималась,
Когда Марьянне вспоминалось,
Что ей пора ложиться спать.
Но, и расчесывая косы,
Она его слова, вопросы
Переживала все опять.
Воспоминанья с дивной силой
К ней приходили в тишине...
Еще улыбка тени милой —
И сон, и снова он во сне.

День наступал. С ним вместе — бремя
Обычных мелочных забот.
Марьянна проводила время,
Не слыша, как оно идет.
Ее привычные занятия —
Визиты, считки, роли, платья —
Все это было как во сне
И исполнялось безучастно:
Одна лишь мысль за этим властно
Таилась где-то в глубине.
И вся любимая «свобода»,
Досут весь шел лишь на одно:

Чтоб выжидать, смотря в окно,
Желанный час его прихода!

Сначала очень долго ей
Казалось это сном блаженным,
Прекрасным, но — увы! мгновенным
Среди тяжелых, долгих дней.
Казалось прямо невозможной
Такая греза наяву,
И приходил вопрос тревожный:
«Я сплю и грежу... иль живу?..»
Она боялась пробужденья
От сна любви и наслажденья.
Как часто ей в былые дни,
Дни одинокого бесстрастья,
Когда душа жила в тени
Без света солнечного счастья —
Вот так же кто-то снился вдруг:
Какой-то милый, близкий друг,
И чья-то близость теплой ласки,
И что-то нежное, как в сказке...
Но просыпалась в темноте —
Как прежде, страшно одинока,
Слова невольного упрека
Шепча смутившей сон мечте...
Так и теперь: от сердцебиенья
Она проснется иногда,
В порыве страха и волненья,
Как будто ей грозит беда,
И первой мыслью: — «Боже, Боже...
Что, если это сон был тоже?..»
Потом очнется: — «Нет... не сон!..
О, слава Богу!.. Любит он:
Сейчас он был со мною рядом
И нежной лаской, нежным взглядом
Дарил мне счастье и свет...
Вот дорогой его портрет!..»
Отгонит страшные виденья,
Его портрет перекрестя,

И с долгим вздохом облегченья
Заснет спокойно, как дитя.

VII

Едва, как счастья откровенье,
Весны повеет дуновенье
Над мрачным городом, едва
На волю вырвется Нева,
Нежнее станут краски неба,
Зазеленеет летний сад,
И в нем Венеру, Марса, Феба
Из их темниц освободят;
И всю гранитную столицу
Обнимет солнца блеск живой —
Андрей Ардатов сам не свой:
Его уж тянет за границу.
Он приучил давно семью
К тому, что ездил ежегодно
Попутешествовать «свободно»
И отдохнуть в чужом краю.
Теперь, с Марьянною заранее
Условившись о целом плане,
Один он отправлялся в путь,
Уехав за день, где-нибудь
Она одна ждала Андрея,
Дрожа, волнуясь и бледнея.
Они встречались с ней тайком
На станции уединенной —
И дальше ехали вдвоем,
В одном купе, четой влюбленной;
Вдали от всех — наедине —
Свободны, счастливы, как дети.
Ей были дороги вдвойне
Минуты трепетные эти:
Увы... украдены оне
И у судьбы насильно взяты;
Но и теперь, назло судьбе,
Она купила б их себе
Ценой какой угодно платы.
— Так жизнь ее была одним
Мечтаньем, все неуголенным,
И ожиданьем затаенным

Поездок этих вместе с ним.
Привыкла бедная Марьянна
Скрывать невольный свой испуг
За «ты», прорвавшееся вдруг;
Дрожать, бояться постоянно
За вздох, за взгляд, за краску щек;
В чужих словах ловить намеки,
Но все же притворяться вечно
Подчас бывало тяжело;
И вот ее туда влекло,
Где жить могли они беспечно,
Без опасенья разных встреч,
Висящих, как Дамоклов меч.
На время снять венец терновый —
Ложь принужденную свою,
И жизни чудной, жизни новой
Искать в неведомом краю.
Париж, и Ницца, и Монако...
Их блеск Андрея прежде влек.
Теперь — стремился он, однако,
Найти укромный уголок,
Где нет толпы «сограждан» праздной,
Хоть пестрой, но однообразной,
И нет приличия оков,
И нет болтливых языков.
В глуши далекой и прекрасной,
Где б можно было безопасно
Бродить вдвоем рука с рукой,
Вдыхая ветерок морской,
Глядеть на купол неба синий,
На тень лиловую глициний
И наслаждаться тишиной;
Делиться мыслью, словом, взглядом
И засыпать так сладко рядом
В блаженной темноте ночной!..

Курьерский поезд мчится плавно;
Они сидят вдвоем в купе
Совсем одни! А как недавно

Им было тяжело в толпе.
В вагоне все полно покоем,
Мелькают тени за окном,
И пляшут искры ярким роем
В лиловом сумраке ночном.
Одни!.. И только смотрит в окна
К ним ночь, прекрасна и горда,
Да тучек дымные волокна,
Да лучезарная звезда.
В душе Марьянны безмятежно;
Она к нему прижалась нежно
Под мягким светом фонаря
И шепчет ласково Андрею
С улыбкой тихою своею,
В глаза любимые смотря.

«Заснул весь мир в покое чистом,
Лишь одинокая звезда
Сияньем кротким и лучистым
Глядит в окошко к нам сюда.

Вот так и я была когда-то
Так одинока, всем чужда,
Как та, горящая с заката,
На небе яркая звезда.

Но хорошо мне, дивно, странно,
Как не бывало никогда...
Сияй же мне, мой друг желанный,
Души ответная звезда!..»

Вокруг мелькает, теша взоры,
Калейдоскоп живых картин;
Заснут — вокруг простор равнин,
Проснутся утром — в окнах горы...
И все меняется, как сон,
И ум невольно опьянен
Живою сменой впечатлений,

Разнообразьем красоты;
И всюду новый блеск весенний,
И всюду новые цветы.
Как будто бы сама природа
Влюбленных позвала на пир —
Любовь, искусство и свобода
И что еще? «и наш весь мир!»

По воле прихоти, как птицы,
Они летят из края в край,
Везде встречая новый май
И дней счастливых вереницы.

Из путешествий Марьянны
Вот Джерси, тихий островок,
Встает, цветущий, из тумана,
Как кем-то брошенный венок
На ширь седую океана.
Зеленых волн шумит прибой,
Летают чайки над водой;
Елизаветы форт зубчатый,
Старик урюмый и косматый,
Вздымаясь из бурливых вод,
Игрушку-город стережет.
Дождь — тихий, теплый, ароматный,
Как слезы счастья благодатный,
Поит живой ковер лугов
И красит скалы берегов
Магнолий роскошью душистой:
Повсюду слышен этот чистый,
Немного сладкий аромат.
И темным бархатом одеты,
Араукарий силуэты
Коттеджей входы сторожат.
Коттеджи сетью виноградской
И дикой розой обвиты;
Везде довольства блеск нарядный
И отдых мирной простоты.
Везде — зеленые поляны,

На них спокойные стада...
Детишки крепки и румяны...
Здесь — жизнь здоровья и труда.
С утра Андрей с Марьянной бродят,
Места все новые находят;
Обоим дышится легко.
Они на берегу песчаном
Следят за бурным океаном
Иль заплывают далеко...
Они креветок ловят в сети,
Бродя вдоль моря меж камней,
И наслаждаются, как дети,
Свободой милою своей.
В любую из крестьянских хижин
Они за ужином идут:
Народ не груб и не принижен,
Везде довольство и уют;
Там принимают их радушно:
Библейский ужин простодушный:
Хлеб, масло, кружка молока,
Плоды и мед... Все чисто, вкусно.
Течет беседа безыскусно
При ярком свете камелька:
О севере, о нашем крае,
О прошлогоднем урожае...
Уж в темноте идут домой,
И, замедляя шаг усталый,
Несет Марьянна шпажник алый,
Хозяйкой срезанный самой.
— В их белой комнате алеет
Букета яркое пятно...
В полуоткрытое окно
Прохладой свежей с моря веет.
На тихих улицах темно...
Кой-где, картинкой беззатейной,
Уютный уголок семейный
В окне, как в рамке, виден ей:
Висящей лампой освещенный,
Старик над библией склоненный,
Головки светлые детей...
Она притихла и мечтает,

Ночную свежестью дыша...
А он ей тихо повторяет:
«Как жизнь бывает хороша!..»

Вот кровли красной черепицы,
Старинных колоколен шпицы:
Своеобразный Амстердам.
Цвета спокойны и не ярки...
А белопарусные барки
Скользят по ласковым водам.
Вечерний свет зари в каналах,
Домов уютных низкий кров,
Поля то голубых, то алых,
То бледно-розовых цветов.
Цветы — везде, на каждом поле,
Цветы у каждого окна,
Здесь царство их; они на воле,
Везде — едва придет весна.
Поля! Поля тюльпанов знойных,
Пурпурных, алых, золотых,
И гиацинтов голубых,
И белоснежных лилий стройных.
Поля цветущих, пышных гряд...
Крылатых мельниц длинный ряд...
— Из крутых золотых пластинок
И легкой ткани кружевной,
Убор крестьянок головной,
Им придающий вид картинок...

Для них все полно новизны:
О, здесь пожить они должны!..
Они останутся в отеле.

Дождь... В сером небе облака...
Они мечтать у огонька

Вдвоем в большое кресло сели.
Играет кто-то за стеной
На очень старом фортепьяно.
Слегка дремотно... хоть и рано:
Все дышит сонной тишиной.
— Под этот звук мелодий чинных,
Моцарта нежных грез невинных, —
Под тихий звон часов старинных,
Под монотонный шум дождя,
Спустился с неба сумрак вешний,
С своею ласкою нездешней
Совсем неслышно подойдя.
Он точно легким покрывалом
Повис бесшумно по каналам,
По глади водяных путей,
Текущих точно без движенья,
Где мирно дремлют отраженья
Поникших вдумчиво ветвей.
Вот он на город полусонный —
Уже почти замороженный —
Навел с небес ночную тишь.
Спят чинных зданий вереницы,
Блестят от влаги черепицы
Остроконечных старых крыш.
Сошли, повеяли туманы
По светлым окнам, где тюльпаны
Стоят в фарфоре расписном.
Все спит; последний луч заката
Угас. Все тишиной объято,
Все кажется прелестным сном...
И не порывисты их ласки,
Но молчаливы и нежны —
Чтоб не спугнуть им чудной сказки
Почти волшебной тишины!..

Минуя северную вьюгу,
Они скорей спешили к югу,
Под синий зной иных небес;
И тенью вязов и платанов,

И тихим ропотом фонтанов
Их окружал Аранхуэс.
Там серебристые оливы,
Лиловых ирисов поля,
И сладкий запах миндаля,
И Тахо быстрые извивы,
И дымка розовых ветвей
Цветущих нежных рощ миндальных,
И гордость темных и печальных,
Как звезды, блещущих очей...
Они в стенах Эскуриала,
Где роза пышно расцветала
На мрачной седине камней,
Искали ряд былых теней.
А Красота земного рая,
Где некогда жила Зорая,
Им навевала ряд поэм.
Там воздух жгучий и душистый
От зноя, как от страсти, нем;
Там небо — как сапфир лучистый,
А гор чистейшие снега
Блестят на нем, как жемчуга.
Альгамбры вековые парки,
Ее руин ажурных арки,
Цветы пунцовые гранат,
И мирт и розы аромат.
В скалах — убогие землянки,
Где табор прячется гитан,
Там пляшут стройные смуглянки,
Змеиный изгибая стан,
И их движенья, взоры, пляски
Полны коварной, странной ласки.
Иные дивно хороши,
Глаза — глубоки и бездонны,
Черты Мурильевской Мадонны —
И ловят жалкие гроши...
Севилья — где как будто живы
Розины милые черты,
И плащ мелькает Альмавивы
Среди полночной темноты.
Мантильи... яркие наряды

Непобедимого «Эспады»;
На бой быков спешит Кармен...
На улицах ряд бойких сцен,
Звук кастаньет, а ночью лунной
Гитары тихий ропот струнный,
Цветы пунцовые гвоздик
И смуглых девушек цветник...
...А вот Италики руины.
Стоят недвижно пальм вершины.
Дорога пыльная длинна...
Все тихо. На ограде белой
Уселся мальчик загорелый
И воду пьет из кувшина...
Осел: крестьянка молодая
Сидит на нем, напоминая
Века библейской простоты.
Она ребенка держит ловко:
Его кудрявая головка,
Ее прекрасные черты —
Все говорит им, что Севилья
Мурильо родиной была
И что она такие крылья
Артиста гению дала...

.....

Они минуют «Край Марии»,
Вокруг — краса полдневных стран,
Где Тахо в грозный океан
Вливает волны голубые.
Горами гордо окружен,
Там, негой царственною вея,
Из волн морских, как Цитерея,
Встает весь белый Лисабон.
Там Цинтра над громадой горной
Вздымает девственный венец —
Свой чудный сказочный дворец,
Весь белоснежный и узорный.
Ее Эдемом Байрон звал
И ей бессмертье даровал.
Они скользят по глади водной...
Их смуглый лодочник поет.

О, чудный край любви свободной,
Где сердце вольно, сброшен гнет!..
А ветер с моря, ветер южный
В них брызжет пеною жемчужной,
И белых чаек вьется рой
Над бирюзовою волной.
Вот белый город в отдаленье,
Как греза, марево, виденье —
Растаял, — побледнел, — исчез.
И только море голубое
Шумит вокруг в живом прибое
Да ярко блещет свод небес.
У берегов встают Алавы,
Как будто острые мечи,
И пальмы, стройно-величавы,
Пьют солнца знойные лучи.
Увиты пурпурной геранью
Уступы прибережных скал...
Какой простор души мечтанью,
Какой блаженный миг настал!
И крылья сердца реют шире;
В безбрежном голубом Эфире
Их тонет радостный полет.
А ветер южный, ветер с моря,
Сердец волшебной грезе вторя,
Им песню чудную поет.
Он им поет о синем море,
О вольной воле, о просторе,
И о безумии валов,
И о пучине вод безбрежных,
Как страсть людской души — мятежных,
Как страсть — не знающих оков.
Поет о страсти благородной,
Такой же смелой и свободной,
Как волн бушующих прибой.
Поет о том, что здесь, у моря,
Так сладко, с сердцем уж не споря,
Им быть вдвоем рука с рукой.
И, позабыв весь свет ненужный,
Лишь слушать с пламенем в крови,

Как ветер с моря, ветер южный,
Поет песнь воли и любви!..

На фоне голубой эмали
Алжира стены заблистали;
Мечети, белые дворцы
И белой крепости зубцы.
Толпа у пристани... Корзины,
Цветы, бананы, апельсины.
Уж речь быстрее и горячее;
Свистки и щелканье бичей;
И крик погонщиков гортанный,
И резкий говор чужестранный;
Смешенье всяких языков
И оглушительного шума,
Автомобилей — и ослов,
Чадры — и модного костюма.
Волянки звук — и вальс Метра́,
Арго парижского бульвара,
И чернь восточного базара,
Полуодета и пестра,
Улыбка наглая порока, —
А рядом — нищеты мольбы;
И роскошь пышная Востока,
И грязь восточная казбы.
Вот узких улочек ступени...
По ним ступают женщин тени
Под дымкой белых покрывал.
Гашиш... истомы сонной лени...
И тут же ссора и кинжал.
Кофейни... с красным перцем блюда
И мокко — обжигают рот.
Вот дорогих товаров груда
В лавчонке грязной у ворот,
И развернул перед Марьянной,
Склоняясь, как покорный раб,
Всю роскошь ткани златотканой
Красивый, бронзовый араб.
Сверкая белыми зубами,

Сверкая черными глазами,
Он ей показывал шитье,
Запястья, серьги и наряды,
И перенес совсем ее
Во времена Шахеразады.
И покупает ей Андрей
Кольцо, браслетов и цепей...
В приливе молодом веселья
Они домой спешат скорей;
Ее он рядит в ожерелья;
Душистый шелк ее кудрей
Окутал золотистым газом...
Как странный к ней идет убор!
Под ним — темней и ярче взор...
Он на нее глядит с экстазом,
Не узнает ее черты
С оттенком новой красоты...
В подушки мягкого дивана
Со смехом падает Марьянна,
Шутя, вдыхает вместе с ним
Кальяна ароматный дым...
Они так близки, дивно близки,
Не слышен времени полет —
И ласки страстной одалиски
Ему Марьянна отдает...

Пора. Обед уж сервирован:
Назначен на восемь отъезд.
Марьянна ничего не ест,
Ардатов бледен и взволнован.
Уже закрыты сундуки...
...Последний взгляд немой тоски
Уютной комнате отеля,
Где пролетела вся неделя,
Как греза радостного сна.
Еще сейчас была она
Полна любовью их взаимной,
Их жизни близостью интимной,
И вот свой уголок опять

Другим им надо уступать,
Чета иная, верно, вскоре
В их милый явится приют...
Чужая радость — или горе —
Сюда, непрошены, войдут.
— Пора... Прислуга в коридоре
Давно уж выстроилась в ряд
И смотрит с жадностью им в руки.
Последний вздох! Прощальный взгляд!..
Все ближе, ближе миг разлуки.
Карета... улицы, вокзал!..
Носильщик толстый подбежал...
Вся суeta толпы вокзальной:
Там плач, тут смех, там вздох печальный...
Платформа шумная светла...
Они садятся у стола,
Не в силах вымолвить ни звука:
Одна лишь ночь — а там разлука!
Бежит носильщик к ним сюда:
«Ich bitt' recht schön, der Zug ist da!».
И, как зловещий рог Эрнани,
Звучит для них его призыв.
Купе заказано заранее;
Идут... И вдруг один порыв
Друг к другу их толкает властно.
И, все на свете позабыв,
К себе прижав Марьянну страстно,
«Вернемся! — говорит он ей:
— Побудь еще денек моей!»
«Но милый... это безрассудно...»
(Сама же вспыхнула огнем.)
«Мы праздник у судьбы возьмем:
Подумай! Это будет чудно. —
Скорей, назад! «Was geht denn los?»
Ворчит старик себе под нос,
Снимая чемоданы с сетки.
— И снова полутьма каретки...
И, верить все еще боясь,
Дрожа, и плача, и смеясь,
Марьянна обнимает друга.
А через несколько минут

Они опять «к себе» идут —
И изумленная прислуга
Вручает им их прежний ключ...
...Блаженства истинного луч,
Забвенье поцелуев жарких...
«О время, бег останови!..»

.....

Одно из жгучих, самых ярких
Воспоминаний их любви...

VIII

А время мчится неустанно...
Любви единственной верна,
Уж скоро восемь лет Марьянна
Живет по-прежнему одна.
Не ищет общества она,
Чтоб тайну жизни перед светом
Не сделать болтовни предметом.
Театр ушел на задний план:
Все захватил ее роман:
И для нее довольно слова —
Как бросить все она готова,
Любой театр, любой успех,
Чтоб скрыться с ним вдали от всех.
Марьянны жизнь за эти годы
Так странно двойственна была:
Одна летела как стрела,
Жизнь счастья, страсти и свободы,
Среди красот живой природы,
Вся солнцем юга залита.
Другая жизнь ползла уныло,
Тянулась длинно... Все в ней было
Гнетущий мрак и пустота.
И с каждым разом возвращенье
Марьянне было тяжелей,
И думалось нередко ей:
«Вот за вину мою отмщение!..»

Уныл и тих ее приют;
Кругом все то же, стены те же...

И тихо месяцы ползут —
А встречи реже... реже... реже.
Порою говорит она:
«Перед старухою корыто
Стоит по-прежнему разбито —
Вот так и я, опять одна,
Всего как прежде лишена».
Но ей не удастся шутка;
Сжимает горло ей тоска,
И так ей что-то пусто, жутко...
Жизнь одинока и тяжка.
«Вот у других семья и дети...»
Семья!.. Все чаще мысли эти
Приходят к ней, когда она
Сидит с тоской своей одна.
Полна любви своей всецело,
Она вперед стремилась смело.
Но миг настал — и ей пришлось
На путь пройденный обернуться,
На жизнь былую оглянуться.
О, что ждалось — и что сбылось?..
Там позади одни волнения,
Блаженства беглые мгновенья
И горя долгие года...
Исчезла юность незаметно;
Мечтать о ней теперь уж тщетно.
Она одна... и всем чужда.
Что ей от прошлого осталось?
Все уничтожилось... распалось...
Давно в ограде Болховских
В тени церковных лип густых
Одна прибавилась могила:
Отца Марьянна схоронила.
Лет пять назад, как умер он,
Заочно с дочкой примирен...
Петровна прожила недолго,
Лишь дождалась уплаты долга;
И никого. К кому пойти
В часы унынья иль досуга,
Кого позвать к себе как друга,
В ком утешение найти?

И призрак старости жестокой,
Злой, беспощадной, одинокой,
Тревожит душу ей порой
Своей усмешкой гробовой.
Он? Он... единственный, любимый,
Но и далекий... Боже мой!
Зачем судьбой неумолимой
Он не был отдан ей одной?..
Все ждать неверно... и тревожно...
Нельзя прибегнуть и к письму:
— Вдруг здесь жена?.. И невозможно
Свободно ей писать к нему.
Зайти к нему она не смеет:
Он по неделям не идет —
Ей мука: если заболит,
Ведь он ее не позовет.
Она и плачет и тоскует:
— «Наверно с ним его жена...
Счастливица!» О, не ревнует,
Но всем завидует она:
Жене, детишкам, англичанке;
Последней в доме их служанке;
Всем тем, кто может быть при нем,
Кому его доступен дом.
Она не спит, бледнеет, тает...
Уж появились у виска
Два-три седые волоска...
Часы и дни она считает,
Приедет он — ему она,
От муки нравственной больна,
В слезах твердит слова упрека:
«Так забывать меня — жестоко!
Тебе не жаль любви моей...
Ты не щадишь меня, Андрей!..»
Но стоит на нее Андрею
Взглянуть с улыбкою своею —
И уж она у милых ног:
«Нет, нет, прости, мой царь, мой Бог!..
Но мы ведь ропщем и на Бога,
Когда страданья слишком много».

Зачем в гармонии согласной
Двух счастье ведавших сердец
Вдруг зазвучит разлад ужасный,
Угроза тяжкая: «Конец»?
Зачем, когда в одном все дышит
Любви божественной мечтой,
Другой уж более не слышит
Ее мелодии святой?
Когда б могла любовь людская
Идти по одному пути,
В двух душах дивно расцветая,
Могла бы вместе отцвести!
Когда б она пощаду знала,
Жалела вешние мечты
И равнодушно не карала
Ей отдающейся четы, —
Но в то же самое мгновенье
От ней навеки отлетев,
Оборвала бы свой напев,
Обоим даровав забвенье
И разомкнув волшебный круг
Без слез, без горечи, без мук.
Увы! Но тайна двух влюбленных
Как тайна жизни в двух цветках,
Одним стеблем соединенных:
Один цветет, другой зачах.
Один открыл любви объятья,
Другой уже бежит от них...
И в этом вечное проклятье
Несовершенных чувств людских.

IX

Письмо... рука совсем чужая.
Конверт Марьянна медлит вскрыть;
Она глядит, соображая:
«Не знаю... Кто б это мог быть?...»
Всегда для женщин интересно,
Что хоть немного неизвестно.
И в одиночестве своем
Она развлечена письмом
И рада маленькой загадке.

Неровен почерк букв косых,
Как будто бы писала их
Рука в сильнейшей лихорадке...
С нераспечатанным письмом,
Чей нервный почерк незнаком,
Так много связано догадок;
А легкий привкус тайны сладок.
Оно — от нового врага
Иль от неведомого друга?
Нужна ли от нее услуга?
Ее ли дружба дорога?..
И столько встанет живо, ярко
Предположений вдруг в уме...
— В нераспечатанном письме
Всегда от жизни ждешь подарка.
Но вот прочла письмо она,
И сразу стала так бледна,
Как будто в английском конверте
Таилось злое жало смерти.

Письмо Аргатовой к Марьянне

«Конечно, вы удивлены:
Вы, верно, от его жены
Письма никак не ожидали...
Что делать! Гордость я душу:
Я вам в отчаянье пишу.
Зачем!.. И вы не угадали?
Я промолчала восемь лет;
Молчала б дальше, вероятно,
Хоть у меня уж жизни нет,
Хоть счастье взято безвозвратно...
Не в этом суть... пишу не то!
Пусть это счастье отнято,
Пусть любит он давно другую,
О, я молчу, я не ревную.
Давно уж милостью молвы
Мне было все... да, все... известно.
Но... знаю, не виновны вы,
Вы поступали даже честно.
Боялись вы за каждый шаг...

Легко, я знаю, наш очаг
Могли разрушить вы коварно;
Но вы щадили жизнь мою,
Щадили вы мою семью,
Я вам за это благодарна.
Подумать!.. Вас благодарю
За то, что вы не все украли...
Простите, что в моей печали,
Быть может, резко говорю,
Но я так мучилась когда-то!
Ведь я его любила свято,
Ему с доверьем отдалась,
А он... втоптал все это в грязь.
— Когда узнала я впервые,
Что изменяет мне Андрей...
Прошло то время!.. Прочь скорей,
Воспоминанья роковые!..
Убить себя хотела я,
Но — тут ко мне вбежали дети...
И я осталась жить на свете,
Глубоко ужас затая.
Они мне все; в них жизнь и сила.
Я не жена теперь — я мать.
Себя давно я схоронила...
Но им! Но им не дам страдать.
Чтоб выйти не могло наружу
Пред чистым взором детских глаз
Все, унижающее нас, —
Сама я объявила мужу,
Что я действительно больна
И что деревня мне нужна.
Поверил он вполне беспечно,
Я думаю — был рад, конечно...
А я... ревниво берегла
Святыню нашего угла.
Я позабыла развлеченья,
Не выезжала никуда —
А ведь была я молода.
Не смела выдать огорченья,
Чтоб только милые мои

Имели призрак хоть семьи!
Свой крест несла я молчаливо,
И — как сестра, не как жена,
Но — с мужем я была нежна.
Сама же только терпеливо
Его изменам счет вела...
Им, правда, не было числа.
Он встретил вас... и призрак грозный
Иной любви — любви серьезной, —
Не увлечения на миг,
Одной из пошленьких интриг, —
Передо мною встал, пугая...
О! Вас прощаю я вполне:
Не вы — так женщина другая
Была б соперницею мне.
Вы, повторяю, вы щадили
Его жену, его семью...
Ко мне вы милосердны были —
Вам справедливость отдаю.
Я верю — вы страдали сами
И, плача жгучими слезами,
Казнились за свою вину;
И в жертву принесли вы смело
Ему любовь и жизнь всецело
И чистоты своей весну.
И, как ни странно... непонятно...
Уж этим самым, вероятно,
Вы как-то мне уж не чужды.
Я не питаю к вам вражды!
И вот теперь — без размышленья —
Завидя грозную беду,
В минуту страха и сомненья,
Я к вам за помощью иду.
— Передо мною снова бездна!..
Так, значит, жертва бесполезна?..
Я добровольно, в цвете сил,
Ушла от жизни и из мира,
Чтоб глину моего кумира
Он вновь без жалости разбил?..
К чему же были муки эти,

Мое молчанье до конца —
Когда теперь теряют дети,
Теряют своего отца!..
Послушайте! Он снова любит:
На этот раз он все погубит:
Ему ведь скоро сорок пять,
А ей едва ли двадцать минет;
Любви последней жар не стынет,
И ей готов он все отдать.
Он все забыл, он ею бредит;
Он к нам два месяца не едет...
И вот сегодня... Боже мой!
Письмо — и с просьбою прямой:
Он хочет, требует развода.
Он пишет, что теперь ему
Нужна желанная свобода,
Что видит он в семье тюрьму,
Что «неспособен он к обману» (!),
Что... Боже, Боже мой! Не стану
Вам повторять всего письма:
Мне ясно — сходит он с ума,
Я к вам бросаюсь за защитой!
Ужасно, правда, что жена
Идти к возлюбленной должна...
Но сжальтесь над семьей разбитой!
На вас надежда вся моя:
Ведь вы... и ваше обаянье
Имеет на него влияние...
И он очнется, верю я,
Пусть ваши просьбы, ваши речи
Отгонят чары новой встречи
И в нем бывшее оживят.
Он вас не бросит бессердечно:
Он перед вами виноват,
И должен это помнить вечно.
Внемлите матери мольбе:
Верните вы его себе,
И... и у нас не отнимайте!..
— Но... я безумна, может быть,

Что вас могу о том молить?
Тогда простите... и прощайте».

Сгущался серый мрак в углах,
И наконец совсем стемнело...
Марьянна все еще сидела
С письмом Ардатовой в руках.
В ней не борьба, не возмущенье —
Одно царило ощущение:
Немой и жгучий, жгучий страх.
Душа отказывалась верить:
К чему бы стал он лицемерить?
Он не сулил ей ничего;
Он знал, скажи он только слово, —
Она освободит его:
Он ждать не мог от ней иного!
Она б ушла с его пути.
— Всего ужаснее снести
Ей было эту мысль обмана,
Она ей сердце жгла как рана...
Без слез, недвижна и нема,
Марьянна пристально глядела
На строки страшные письма —
И все в ней точно холодело.
— Итак — конец, конец всему,
В чем было жизни назначенье...
Теперь — в пугающую тьму,
На бесконечное мученье!
«О, Боже, страшно, страшно мне...»
Марьянна словно в полусне,
В полубезумьи повторяет:
«Так вот каков конец бывает...
Конец... я снова не пойму:
Тупеет мозг... Как я устала!..
Так просто: было и не стало,
Как смерть. Конец, конец всему!..

Любовь убита... Боже правый!
Свершился тяжкий грех кровавый:
Убита — милою рукой.
Никто не видел преступленья;
Ее предсмертного моления
Никто не слышал в час ночной...
Любовь убита! Боже мой!..
А небеса еще сияют,
И розы на земле цветут,
И воды светлые текут,
И люди любят и мечтают?
Любовь, любовь — могли убить!
А как она хотела жить,
Молила жизни, с воплем муки
И в унижении своем
Во прахе целовала руки
Того, кто был ей палачом...
Убита бедная любовь!..
Никто не подсмотрел удара,
И злодеянье — минет кара.
— Но на руках убийцы — кровь.
И до последнего мгновенья
Не перестанет слышать он
Тоску прощального моления,
Любви предсмертный, тяжкий стон!..

Дверь тихо скрипнула. «Что это?..»
Впустив с собой полоску света,
Вошла служанка: «Семь часов,
Обед давно уже готов!»
Призвав к себе всю твердость духа,
Она ей отвечала глухо:
«Не надо... я не голодна!..
Я лягу: я совсем больна».
«Сходить за доктором?» — «Не стоит.
Но пусть меня не беспокоят:
Мне сон сейчас нужней всего...
Не принимайте никого».

Дрожа от страшного озноба,
Она прошла к себе... туда,
Где часто в эти все года
Они так близки были оба...
Служанку быстро отпустив,
Она, все больше холодея,
Взглянула на портрет Андрея...
И тут отчаянья порыв
Потряс ее всей силой властной
И разразился бурей страстной.
О, этот милый ей портрет!..
Она твердит, рыдая, с дрожью:
«Так, значит, ничего уж нет!
Так эта близость долгих лет —
Все оказалось только ложью!..
Вот этот самый гордый рот,
Ее учивший поцелую,
Теперь целует он другую,
Другую счастьем зовет!..
— Так вот что значил этот холод,
Когда он часто ей твердил:
«Мой друг, ведь я не так уж молод...
Во мне утихнул прежний пыл.
Теперь люблю я не тревожно,
Любовь твою вполне ценя;
Но уж того, что невозможно,
Не требуй больше от меня.
Нельзя» (смеялся он беспечно!..
«Держаться высшей точки вечно.
Должна температура пасть.
Раз обладание притупит
Вполне развившуюся страсть,
То место страсть любви уступит.
Таков уж логики закон,
И в нем залог любви достойной:
Разумной, долгой и спокойной».
Увы — уже в то время он
К другой был страстью опьянен,
А к ней и к близости их тесной
Привыкнув, как к семье второй,

Считал ее почти женой
И находил, должно быть, «пресной».
Она ж... дышала только им,
Жила и мыслила одним.
Ей свойство женское всецело
Руководило и владело:
Все в жизни к *одному* свести,
В одну лишь мысль вполне уйти,
Замкнуться в узкий круг — не шире,
Чем круг одной любви его,
Не ведать больше ничего,
И ко всему другому в мире
Быть равнодушной и слепой,
Эгоистически скупой.
«Но счастья только тот достоин,
Кто людям сам его дает.
Мой дом был на песке построен,
И первый вихрь его снесет.
«Не сотвори себе кумира» —
Забыла я святой завет:
И вот теперь... одна средь мира —
И у меня надежды нет!..
Я это вижу. Но жестоки
Такие поздние уроки.
Где мне прибежище найти,
Что делать мне? Куда пойти?..
От слез глаза ее горели,
И сжав пылавшие виски,
Она металась на постели,
Близка к безумью от тоски.
Она молила хоть мгновенья
Забвенья, полного забвенья,
Рыдала в сумраке ночном...
И сна ждала она как дара:
Но лишь на миг забылась сном —
Уже проснулась от кошмара.
Марьянне снилось, что она
В гробу живая очутилась
И вдруг — от гробового сна —

В могиле темной пробудилась.
Смертельным ужасом полна,
Зовет, зовет, кричит она...
Со стоном молит о спасеньи
Из роковой тюрьмы своей —
Но воплей тщетного моленья
Никто не слышит из людей.
И все проходят мимо, мимо —
Беспечно и неумолимо...
А грудь сдавила ей доска —
Дышать уж нечем — смерть близка —
.....
И долго ночь тянулась эта...
Она рыдала до рассвета,
В подушки спрятавшись лицом, —
И, как с любимым мертвецом,
Мучительно, безумно, нежно
Простилась с прошлым безнадежно.

Х

На, утро поднялась она
На вид спокойна, хоть бледна.
— Как перед казнью, в мрак темницы
Видений ярких вереницы
К приговоренному слетят,
И узник видит пестрый ряд
Любимых лиц, воспоминаний,
Дней улетевших и ночей,
Улыбок, слез, тревог, страданий —
Все, все до самых мелочей —
Так в эту ночь Марьянной снова
Была вся жизнь пережита
И похоронена мечта
Невозвратимого былого...
Она решила все снести,
Полна надеждою одною:
Семью, детей его спасти
Какой бы ни было ценою.
Она спасет его жену
И тем искупит хоть отчасти

Непоправимую вину
Своей слепой и грешной страсти!

Она к Андрею прямо в дом
Послала девушку с письмом —
(Скрывать уж более не стоит...
Кого бояться?.. Кто откроет?..
Когда в душе уж смерть близка,
Лукавить, лгать, скрываться — странно...)
В письме — всего одна строка:
«Я жду немедленно. Марьянна».

.....

И, как покойница, бледна,
Сжав холодеющие руки,
С отчаяньем застывшей муки
Глядит в глаза ему она.
И от измученного взора
Смутился он, как от укора:
«Зачем же ты мне лгал, Андрей?»
«Марьянна, выслушай...» «...Не надо.
Мне не нужна твоя пощада,
Раз больше нет любви твоей.
Былого не вернуть обратно.
Любовь в душе твоей мертва,
Ты разлюбил... К чему ж слова?
Без них все ясно и понятно.
Я не затем тебя звала...
— Когда себя я отдала,
Я этого сама хотела:
Уж я не девочка была
И знала все, на что я шла,
И своего ждала удела.
Так упрекать не вправе я
За то, что жизнь моя разбита,
Что мне вся будущность закрыта...
Что в этом? Бог тебе судья.
Ужасно, правда, что давно ли
Как были мы *одно* с тобой?..»

— Она, закрыв глаза рукой,
Сдержала стон невольной боли
И быстро с места поднялась,
С собой не совладать боясь.
Потом, из шкафа тихо вынув
Тяжелый кованый ларец,
Взгляд на него прощальный кинув,
Чуть слышно молвила: «конец...»

В ларце старинном и заветном
Хранились под замком секретным
Десятки писем, телеграмм, —
Все было в пачках по годам.
Бумага свято сохранила
Все начертания пера,
Как будто писано вчера...
Еще не выцвели чернила,
Не стерся след карандаша,
А уж из них ушла душа...
Но как минувших дней могила,
Над прошлым счастьем мавзолеей —
Ларец еще был дорог ей...

Марьянна говорит Андрею:
«Я о прошедшем не жалею,
Укора я не шлю судьбе,
И все прощаю я тебе.
Одно простить мне, правда, трудно —
К чему обман твой безрассудный?
Подачку жалкой лжи твоей
Не заслужила я, Андрей».
«Молчать — не значит лгать... Ужели
Не поняла моей ты цели:
Не лгать, молчание храня,
Хотел я...» — «А „щадить" меня?..
Благодарю. Не в этом дело.
Вот что сказать тебе хотела...
Пускай все эти письма — ложь,

Но... ты одно меж них найдешь:
Его писал ты мне впервые,
И эти строки роковые
Тогда решили жизнь мою.
Возьми!.. оно уж пожелтело...
Ты в нем писал мне честно, смело;
Дал клятву — не бросать семью.
И неизбежное свершилось:
Я для семьи твоей решилась
Себя на жертву принести...
Возьми его — и перечти».
Ардатов взял письмо в смущении...
Крутом исписанный листок
Уже от времени поблек,
Но ясно встало ощущение,
С которым он его писал,
С которым он ответа ждал...
Она, бледна, почти сурова,
Смотрела твердо на него.
«Не нарушай ни для кого
Когда-то данного мне слова!
С тобой расстанусь я, Андрей:
Но помни... полюбивши снова,
Не бросишь ты семьи своей.
Не совершишь ты преступления!
Ты не отдашь без сожаленья
Другой того, чего не мог
Отдать ты мне за эти годы
Моей поруганной свободы,
Моих мучений и тревог,
Любви безумной и безмерной
И рабской преданности верной.
О, с этим — я не примирюсь!
Иначе — я тебе клянусь —
(Ты знаешь, лгать я не умею)
Клянусь тебе душой своею,
В тот день, как бросишь ты семью,
Чтоб навсегда уйти с другою, —
Я в тот же день ей все открою
И, слышишь ты — себя убью».

«Марьянна!...» «Более ни слова...
Исполнить клятву я готова:
Но верю — ты же человек.
Ты верно смерть мою отсрочишь,
Убийцей стать ты не захочешь.
Теперь прощай... Прощай навек!...»

.....

XI
Ночь. Спит огромная больница
Тяжелым сном, неровным сном.
Сиделки дремлют, лишь «сестрица»
Не спит в безмолвии ночном.
Передник, белая повязка
На гладких темных волосах,
И грусть великая, и ласка
В ее задумчивых глазах.
По полутемным коридорам
Идет сестра, идет дозором,
Обходит длинный ряд палат.
На потолках немые тени
Перебегают в странной смене...
Больные беспокойно спят,
То чей-то бред, то смутный ропот,
Протяжный стон, тяжелый вздох...
Сиделки сонной тихий шепот:
«Четвертый № очень плох...»

.....

Вот лет двенадцати девчурка,
Худая, жалкая фигурка;
Всего три дня лишь, как она
В больницу к ним привезена.
Сестре подумать было жутко,
Что привело ее сюда —
Какая горькая нужда.
Полгода «нянькою» малютка
В семье сапожника жила;
Тяжелый крест она несла.
Кто не глумился над сироткой?
Побои... горькое житье!
Но как-то раз, «уча» ее,

Ей раскроили лоб колодкой.
И вот свезли ее сюда...
О, как бы отдых был ей сладок
От брани, злобы и нападок,
От непосильного труда.
Как в светлый праздник, на бедняжку
Надели чистую рубашку;
Кругом — тепло и чистота,
И все, чего ей не хватало,
Она теперь бы испытала:
Была бы наконец сыта!..
Забыло б Божие создание
Гнет тяжких жизненных вериг...
Да жаль — с тех пор она в сознание
Не приходила ни на миг.
Она лежит, забывшись, словно
В глубоком сне, но — то не сон.
И только стонет, мерно, ровно...
О, этот непрерывный стон!
Ему, как тяжелой укоризне
Внимает с ужасом сестра:
В нем символ всей недолгой жизни,
Как будто вот пришла пора,
И безнаказанно открылось
Все, что таить ей приходилось:
Вся повесть долгих детских мук,
Несмелых жалоб, слез бедняжки —
Слилась в один чуть слышный звук,
Чуть слышный стон, упорный, тяжкий.
Он все слабее и слабей —
И смолк, и наконец над ней
Как будто что-то пролетело,
И притаилось все вокруг,
И, вздрогнув, худенькое тело
Недвижно вытянулось вдруг.
Сестра целует лобик бледный...
«Спокойно спи, ребенок бедный!..
Кто знает? Верно, в первый раз
За все ее существование
Коснулась ласка состраданья

Ее навек закрытых глаз...

.....

Сестру зовут. Уже светает.

Она с печалью покидает

Чужое мертвое дитя...

Немного времени спустя

Она в чахоточной палате.

И перед ней — живой мертвец.

Недолг мертвеца конец...

Сестра садится у кровати,

Ему лекарство подает, —

Со лба его холодный пот

Рукою нежною стирая.

«Ах, тяжело мне!.. — хрипит больной. —

Сестрица, посиди со мной!..

Не уходи еще, родная!..»

И долго слушает она,

Как у него в груди глубоко

Смерть с жизнью борется жестоко,

Нешадной злобою полна...

«Заснул бы, милый!..» «Ой, не спится...

А что, не долго мне, сестрица?

Ишь, полежать-то как пришлось,

Домой поеду я отсюда:

У нас там воздух легкий, чудо!..

Поправлюсь живо там, небось?..»

«А ты откуда?» «Я не здешний...

Я с Дону... хорошо у нас:

Сад, груши, яблоки, черешни,

Всего-то вволю: и в запас,

И посылаем на продажу...

Ах, больно хочется домой,

Вот погоди, вернусь зимой —

Тебе гостинцу я уважу.

Наварит ягод всяких мать

Сестрице — выходила сына...

Ведь я у ней одна кручина!..»

«Вот снова кашель! Надо спать!

Ты говорил уж слишком много», —

Сестрица замечает строго,

Больному помогая лечь.
Но он ее не отпускает,
Ни на минуту не смолкает
Его прерывистая речь.
Жизнь уступать еще не хочет:
Он молод... только двадцать лет!
В окно давно глядит рассвет;
Дыханье воем и клокочет
В его измученной груди...
Он все зовет: «...Не уходи!..»
Она же с взглядом сожаленья
Сулит ему выздоровленье,
Сулит надежду впереди...
«...Забылся!» В темном коридоре
Она присела на скамью,
И забывает скорбь свою
В одном великом общем горе...
Она ли это? перед ней
Здесь в темноте, в стенах больницы,
Встают вдруг ярко вереницы
Прошедших лет, минувших дней.
— Блестящий зал... аплодисменты...
На дорогих корзинах ленты...
Цветы, наряды, вечера,
Бокалы с золотым шампанским,
И ночи с пением цыганским,
И утонченностей игра...
Потом любви безумной сказка,
Поэма страсти... дивный юг,
Поездки тайные... и вдруг,
Нежданно, грозная развязка...
И ужасается она:
На миг ей кажется жестоким,
Что с прошлым так уже далеким —
Вся связь навеки порвана?...
«Сестру зовут!».. И, вздрогнув, снова,
Прочь отогнав, как злой кошмар,
Все наважденье прежних чар,
Она к работе уж готова;
Ночь не ложится напролет:

Не время думать, дело ждет!
Она нужна! Ее забота
Спасает, может быть, кого-то!..

.....

А смерть до самого утра
Тихонько по больнице бродит;
Все новых жертв она находит,
И с нею борется сестра.
Со всею силой увлечения
Подстерегает каждый шаг,
Стараясь облегчить мученья,
Что нанесет незримый враг...
Не знает страха, утомленья,
Перед священной борьбой;
Готова жертвовать собой
За миг желанный исцеленья;
И вырвать жертву из когтей
Нередко удается ей
У гостии страшной и незванной...

.....

И в те минуты к ней в тиши
Мир ясный сходит в глубь души,
И счастье веет над Марьянной!..

XII

Опять вокзал; опять отъезд,
Опять толпа, прощанья, слезы;
В руках у некоторых — розы,
А на вагонах — Красный Крест.
Шум, суета... Как прежде, снова
Марьянна в дальний путь готова,
На этот раз уже она
Опять поедет не одна:
С своей семьей, ей Богом данной,
Где свой нашла она приют,
Где все сестрой ее зовут
И делят кровь и хлеб с Марьянной,
Живут одною жизнью с ней;
Под этим мирным тихим кровом
Душа Марьянны все полней
Ей чуждым прежде чувством новым:

Не одного, но всех любя,
Жить для других, не для себя.

.....

Звонок уж скоро! Слава Богу!..
Все так и рвутся уж в дорогу.
Сестер здесь много — молодых,
Совсем детей — и пожилых:
Влечет к ним простота убора,
И освещает прелесть взора
И некрасивые черты
Лучом сердечной теплоты,
И в их монашеской одежде
Стоит Марьянна меж сестер.
Она уже не та, что прежде:
Спокойна речь, спокоен взор...
Все те, кто стали с нею близки
Пришли сказать сестре прости,
Знакомый доктор, две курсистки
Желают доброго пути,
Желают снова в край родимый
Вернуться целой, невредимой.
Она внимает их словам,
Уж мыслью вся далеко, «там».
Она глядит нетерпеливо
И ждет свистка локомотива.
Опять услышит шум колес,
Ее баюкавший когда-то
И уносивший в море грез,
Откуда сердцу нет возврата...
О, этот мерный шум колес,
Такой любимый и знакомый!..
Он ей с собою счастье нес
И обволакивал истомой.
Не эту песнь безумных дней
О счастье ласк и упоений
У жизни краденных мгновений,
О сладкой власти роковой
Греха с змеиной головой,
О наслажденье, страстном жаре
И ночи трепетной без сна

И о горячечном ударе,
В котором жизнь прожгла она...
Нет! Будет звать он к жизни новой,
На путь тернистый и суровый
В тот страшный и далекий край,
Где смерть бушует как стихия,
Где гибнут жизни молодые,
Которым скажут «умирай!»,
где стоны, кровь; где пушек грохот
Гремит, как сатанинский хохот,
А зло позорное войны
Кровавый правит пир на воле,
Где враг и друг обречены
Найти конец на бранном поле.
Там быть! Как любящая мать,
Склоняться с лаской над бойцами;
Одну хоть жертву, но отнять
Своими слабыми руками.
Спасать — кто может быть спасен;
Последний вздох, предсмертный стон
Принять с слезами и любовью;
В них видеть братьев дорогих
И жизнью рисковать для них,
За что-то жертвующих кровью.
Забыть всецело обо всем,
Что оставляешь за собою;
Здесь обреченным быть сестрою,
И в страшном общем горе том,
Как каплю в безграничном море,
Навеки потопить свое,
Чуть не убившее ее,
Такое маленькое горе!..

.....

Второй звонок. «В вагон! в вагон!..»
Шум, суета со всех сторон:
«Пиши!» «Прощай!» «Нет, до свиданья!»
И поцелуй и рыданья...
Марьянна между тем одна
Стоит спокойно у окна.
Других с любовью провожая,

Заплачет друг, сестра иль мать.
Марьянна всем почти чужая,
И некому о ней рыдать...

.....

Но в это время торопливо
Пробилась женщина в толпе,
И в окна каждого купе
Глядит она нетерпеливо,
Кого-то, видимо, ища.
С Марьянной встретилась глазами,
И подошла, вся трепеща:
«Я... я пришла проститься с вами».
Марьянна вздрогнула: «Она!»
С ее косою белокурой,
Где уж блестела седина,
С изящной хрупкою фигурой...
Она видала только раз
Ее, случайно, издалека —
Но не забыла как упрека
Ее больших печальных глаз.
«Простите»... Полная порыва,
Та ей сказала торопливо:
«Я не могла к вам не прийти...
Сумели вы нас всех спасти.
На подвиг едете вы, знаю...
Но подвиг тот трудней вам был:
Я все бывшее забываю.
Дай вам Господь побольше сил.
Не за мое успокоенье...
Что мне? Прошла моя пора.
Но за детей — за их спасенье —
Благослови вас Бог, сестра!»...
— Сестра... — «О Боже!»... В то мгновенье
Звонок раздался... Там свистки. —
Одно пожатие руки
И все исчезло как виденье...

.....

Она упала на диван
В глубоком, трепетном волненье;

Ей застилал глаза туман
Хороших слез — слез исцеленья...

.....

Стучал колес тяжелый бег,
Кругом сестрицы хлопотали,
Приготовлялись на ночлег,
Марьянне что-то толковали.
Но, не скрывая жгучих слез,
Уткнувшись в уголок дивана,
Без сна под мерный шум колес
Ночь эту провела Марьянна.
И ей до самого утра
Все виделся привет прощальный
И голос слышался печальный,
Сказавший кротко ей: «Сестра!»...

1907

*Печальной и прекрасной памяти А. Блока
ПОСВЯЩАЮ
Т. Щепкина-Куперник*

(Драматический этюд не для сцены)

Убогая комната. У нетопленной печи, зияющей черным
отверстием, кресло. Узкая кровать у стены. На столе
мерцает ночник.

Зимняя ночь. Ветер за окном.

Поэт (*сидит в кресле, кутаясь в старое пальто*)

Ветер с севера, с севера, с севера

Воеет с вечера, с вечера, с вечера,

И гудит и поет

Всю ночь напролет,

И бьет об железную крышу...

Панихиду Чайковский слышал бы в нем;

Мне он говорит о чем-то другом...

Что ты хочешь сказать? Яснее! Не слышу.

Ветер

Я сюда прилетел из далеких стран,

Где весь белый лежит ледяной океан,

И сполохи играют разноцветными пятнами.

У!.. Равнинами необъятными

Я летел, на поля

Белоснежные ткани стеля...

Я свистел в ушах у оленей,

Их саней подгоняя бег;

Я на кровли убогих селений

С громким хохотом сыпал снег:

Замирайте! Спите без просыпа!

К вам ничьи не доходят шаги.

Я игрою алмазного осыпа

Украшал деревья тайги.

Пролетал и далекой державою

Над черной дырой рудника,
Где валяется ружлядью ржавою,
Ненужна, позабыта — кирка.
И летел я дорогой пустынной,
И сюда наконец прилетел.
Я люблю этот город — на вид такой чинный —
И его гранитный предел.
— Здесь когда-то топь лесная
Расстилалась без края,
И под крики воронья
В ней гулял — один лишь я.
Я в лучах ночного солнца
Здесь туманы разведал,
Трав болотных волоконца
Белым пухом раздувал.
Я с рекою на просторе
Свадьбу вольную справлял,
Вместе с нею прямо в море
Бег могучий устремлял!
Вплоть до моря шли болота...
Но — один державный взмах,
И пошла, пошла работа
В заповеданных местах.
Не жалея жизнь холопью,
Камни тяжкие везли...
Над трясиною, над топью
Странный город возвели.
Много здесь костей зарыто!
Много тайн песок хранит;
Что зарыто — позабыто,
И молчит немой гранит.
Город призрачный и странный
Встал, как будто не живой;
Встал — и неба свод туманный
Проколол своей иглой.
Я не бросил топь родную!
Я лечу из дальних стран,
Прилетаю и бушую —
Частый гость, хоть и не зван.
Чтоб с красавицей рекою

Свадьбу вольную сыграть,
Чтобы шумною гульбою
Нам натешиться опять.
Слышишь — залпы из орудий?
Так встречают мой прилет,
Жалкий скарб свой тащат люди,
Наводнение все растет.
Людам страх! Грохочут пушки,
Гонят нищих из жилья...
На ночной своей пирушке
Мы царим: Река — да я!

Поэт (устало)

Ступай же к ней опять... Там хорошо тебе:
Что толку здесь шуметь и петь в моей трубе?
И так я весь продрог от ледящей стужи.
Ступай к своей реке, гуляй, бушуй снаружи!

Ветер

Зачем спешить? Еще успею!
Меня давно твой угол влек.
Люблю я песнею своею
Будить того, кто одинок.
Давно огонь с веселым треском
Здесь не сжигал сухих ветвей,
Давно по белым занавескам
Не пробегал отсвет огней.
Я не покорен, не послушен,
Враждебен яркому огню,
Но в люки черные отдушин
Я дальний Мир с тобой родню!
В моем неукротимом вое,
Звучащем волей и тоской,
Ты слышишь веянье живое
Струи лесной, струи морской!

Поэт (со стоном)

Зачем тревожишь отдых мой полночный?
И без того все рвется сон непрочный.

Ветер

Прилетел к тебе оттуда
Я проведать, как вы тут?
Ох, дождусь, сдается, чуда:
Что за дни-то настают!
Вижу я опустошенье:
За себя болото мстит.
Разъедает разрушенье
И железо и гранит.
И ребенок знает всякий —
Предсказали наперед:
Будет день, что сам Исакий
Покачнется — и падет.
И тогда-то снова буду
Пировать здесь я один,
Отпевать развалин груду
Над бездонностью трясин.
Ого-го-го!.. *(Дико и радостно смеется.)*

Поэт

Не верю! Ложь!

Ветер (насмешливо)

Мечтатель!

Поэт.

Уйди! Молчи! *(Захлопывает отгушину.)*

Ветер (удаляясь со смехом)

Прощай, приятель! *(Улетает.)*

Тихо. Поэт ложится на постель и хочет задремать. Но какой-то шепот слышится ему, очень тихий, но явный.

Ночная тишина

Ты спишь?.. Нет! Ты давно не знаешь сна.
Хоть ты закрыл глаза — все нет тебе покою:
Ты слушаешь меня.

Поэт

Кто говорит со мною?

Ночная тишина

Я говорю с тобой — Ночная тишина,
Ползучих шорохов и шелестов полна...
Как ты меня любил когда-то!
Ты музыку во мне ловил;
Всю тайну блеска и аромата
Ты постигать во мне любил.
Ты помнишь?.. Помнишь, как, бывало,
Умела я стихи тебе шептать?
Я, как любовница, тебя ласкала,
Тебя баюкала, как мать.
Ты помнишь ночи в апельсиновых кущах,

Вздых трамонтано
В густой тени?..

Ты помнишь запах лип цветущих
И звук органа
Там где-то в Шамуни?..

Ты помнишь лебедей в каналах Брюгге,
И над водой колокола собора,
И отблеск звезд в воде?..

Ты помнишь о далеком, нежном друге?..

Поэт

Все это было... и ушло так скоро...
Где эти ночи, где?..

Ночная тишина (вкрадчиво)

А помнишь, как ты лежал, больной, в ее
розовой спальне,
Как она наклонялась к твоему изголовью,
Богини прекрасней, мадонны печальней,
Ландыши ставя к твоему изголовью?
Выжимала в питье освежающий сок лимона,

Наливала в хрусталь золотое вино Шампаньи...
В кресле дремала, в белом своем одеянье,
Пробуждаясь так чутко от самого слабого стога?..

Ночник, перед тем чтобы погаснуть, ярко вспыхивает, и в этом мгновенном сиянье, в углу, где висело что-то белое, вдруг ясно обрисовывается нежный облик женщины, в белом, со склоненной головою и белыми цветами в руках.

Поэт (*замечая ее, с восторгом*)
Ты?.. Это ты?..

Но гаснет ночник, и виденье исчезает.

Нет! Опять все исчезло во тьму...

Со стоном откидывается на подушки. И тихо смеется
Ночная Тишина — и умолкает.

Что со мной? Я один. — Или жутко мне быть
одному?

Глаза его привыкают к темноте. В комнату пробивается лунный луч. Поэт вглядывается, приподнимаясь с постели: в луче луны он видит, что на стуле, в ногах его постели, то, что было раньше серой одеждой, оказывается человеческой фигурой. Гость сидит неподвижно. У него мертвецко-бледное лицо, болезненный оскал зубов; ноги распухшие, как бревна. Он в лохмотьях, в руках у него обглоданная кость, которую он старается доесть.

Я к одиночеству привык...

— Но кто же ты, мой странный гость?

Как худ твой лик, и взгляд твой дик,

В руках — обглоданная кость...

Кто ты?

Гость

Я голоден, поэт!

Дай хлеба. Накорми меня.

Поэт

Пришел ты даром: хлеба нет...
Я сам не ел уже два дня.

Гость (*уныло и тупо.*)

Я голоден.

Поэт

Но кто же ты?

Гость

Сын истощенья и цинги.
Зловещий вестник нищеты.
Пришел сказать тебе: «Беги!» —
Беги отсюда, где туман,
Где голод, как лесной пожар —
Под небо вольных, чуждых стран,
Где будет радовать твой дар!
Там вместо песен нищеты
И воя грозных снежных вьюг —
Увидишь небо и цветы,
Нарциссов белых полный луг.

Поэт

Не соблазняй и не зови!
Могу ли я покинуть мать?
Я заплачу свой долг любви:
Ужель одной ей умирать?..
Пускай больна, пускай слепа,
Пускай в горячечном бреду —
Но с ней у нас одна тропа:
Она мне мать... Я не уйду.

Гость

А если мать своих детей
Толкает только на вражду?
Их губит прихотью своей?

Поэт

Но я ей сын... и не уйду.

Гость

Но если вместо молока
Родная грудь несет цингу?
Но если смерть недалеко?

Поэт

Нет, не уйду... Нет! не могу.

Гость

Что ж! Я тебя предупредил:
Ты будешь ей как верный сын
Вознагражден по мере сил...
Останься — умирай один. *(Исчезает.)*

Поэт *(приподнимаясь.)*

Один... Почему я один?..
Со мной вся Россия — с ее вечною тайной,

С шириной бескрайней
Ее беспредельных равнин.

Россия! Какое огромное, необъятное слово.
Древнее слово, и все в нем так ново!
— Сатрапов роскошь... Ужас нищеты..
Раскольничьи костры; цыганские попойки;
Обедни ранние и громыханье тройки;
И мессы черные, и тихие скиты.
Дворцы. Монастыри. Притоны воровские.

И всё — Россия!

Изысканный фарфор старинных ваз;
Опасный яд утонченных романов;
От Глюка музыки божественный экстаз —
И бубны дикие, и вой шаманов.
Верлена стих, перенесенный к нам;
Камаринский, гармошка и Петрарка;
Казацкий кнут гуляет по спинам;
Курные избы и фонтаны парка.
Букеты роз в граненом хрустале;

Голодные бунты по всей земле;
Распутники. Преступники. Святые...

И всё — Россия!

— В оковах жила так много веков;
Но сбросила разом цепи оков,
Шутя, так легко и так просто, как в сказке...
Никто не мечтал о подобной развязке.
Свободу схватила! Подержала в руках:
Любовалась! Ее целовала так жарко!
Высоко подняла... И, смеясь, как дикарка,
Готова игрушку грохнуть оземь во прах.
И опять покаянная бродит,
И места себе не находит,
Причитает по-бабьему в голос —
И не знает сама — за что так недавно боролась?..
— А может быть, эти паденья —
Залог грядущего взлета?
Может быть — муки рожденья,
Кровавая жизни работа?
Не знаю! Но верую, верую,
Что тьма бороться устанет;
Сквозь мглу нависшую, серую
Солнце ночное проглянет.
Увижу ли это — не ведаю,
Доживу ль до счастливых годин?
Озарюсь ли конечной победою? —
Но пока я один.
— Где же друзья мои, где мои братья?
Погибли одни... Замолчали другие...
Третьи, во гневе твердя проклятья,
Повернулись спиной к России.
И остались со мной — тишина ночная
Да ветер с полярных равнин...
Где же прошлая жизнь?.. Впрошаю, не зная:
Почему я один, почему я один?..

Мечется и стонет. В лунном полумраке начинают кругом
него шевелиться странные женские фигуры. Заглушен-

ными голосами они говорят с ним, вея, рея и колеблясь
кругом него, как клочья тумана: это — сестры-лихорадки.

Сестры

Ты не один! Мы, сестры, с тобою.
Мы пришли со своей ворожбою.
Мы тебе сумеем помочь
Скоротать эту зимнюю ночь.

Поэт *(стараясь разглядеть их)*

Кто вы?

Сестры

Мы дети твоей стороны,
Порожденья туманов бесплотных;
Мы дети больной весны,
Мы дочери топей болотных.

Огня *(наклоняется к поэту. Она в алых одеждах,
разодранных на груди, с распущенными волосами,
огненно-рыжими, как язык огня.)*

Смотри, как пышет жаром грудь моя.

Я — Огня!

Тебя возьму я в кольца, как змея,

Я — Огня! *(Обнимает его.)*

Вот тебя я согрею, вот согрею...

Кто сказал, что холодно тут?

Алые розы цветут...

Вспомни юг, Неаполь, Капрею!..

Поэт *(согреваясь)*

Как хорошо!

Огня *(тихо смеясь)*

Хорошо?... Вот постой:

Я населю этот мрак густой...

У него в ушах начинается странный тихий звон и гудят
какие-то назойливые нотки.

Слышишь? Бубенчики тихо звенят;
Слышишь? Гудочки тихо гудят...
Вот моя музыка. — Слышишь?
Я построю тебе разноцветный мост,
Я рассыплю тысячи ярких звезд...

В глазах его протягиваются радужные нити, потом тысячи звезд, золотых, красных, лиловых, начинают плавно опускаться и подниматься. Ему становится жарко, душно.

Огня

Что же ты так тяжело дышишь?

Поэт

Мне душно, мне душно...

Огня

Тебя я люблю,
Я в груди у тебя свинец растоплю;
Задушат тебя эти ласки мои...

Поэт

Я горю, весь горю...

Огня

Ты в руках Огней!..

Трясея (закутанная в плотную одежду, бледная как смерть, с провалившимися глазами, отталкивает Огней и обнимает поэта)

Прочь! Довольно, сестра! Не будь такой
жадной!

Дай я приласкаю тебя, ненаглядный!

Она обнимает и баюкает поэта. Ему сперва легко и прохладно после бурных ласк Огней, но потом холод пронизывает его и он леденеет.

На сердце ляжет рука ледяная,
Жар отгоня;

Будешь ты молча лежать застывая
Возле меня.
Тихо сначала ты свежести сладкой
Струйку вберешь...
Скоро охватит тебя лихорадкой
Мелкая дрожь.
Слышишь, как ровно стучат твои зубы?
Любы мне, любы
Стоны твои...
Тебя захватила власть Трясеи.

Ломея (*она в черном, с зигзагами молний по плащу. Отнимая поэта*)
Сестра, дай срок и для моей забавы;
Люблю вытягивать запястья жил,
Как в пытке выворачивать суставы
И бросить изможденного без сил.
Мне любы молнии летучей боли жгучей;
Я душу палача в себе таю...
Мне любы жалкие мольбы: «Не мучай»...

Поэт (*стонет*)
Ах, не мучай!..

Ломея
Узнал ты Ломею?

Поэт
Не мучайте! Уйдите!
Зачем переступили мой порог?..

Сестры (*ссорясь, отнимают его друг у друга.*)
Оставь его, он мой! — Мой! — Мой!

Поэт
О, пощадите!
Нет больше сил — Я изнемог.

Навея (*вся в белом, в белом покрывале, властным жестом прекращает спор*)
Оставьте все его! Мне дайте место!

Я старшая, и я его невеста.
(Они исчезают. Поэту:)
Пойди сюда: вот грудь моя,
Прильни, чтоб, как дитя, тебя жалела я...
(Обнимает его)

Поэт (успокаиваясь)
Кто ты, прекрасная, и тихая, и белая?

Навея

Ты не узнал меня? Я — Навея.
Рано или поздно
Смерть приходит грозно,
Смерть приходит к людям и уводит в срок.
Каждый день, что прожит,
Только тайну множит;
Смертного тревожит непонятный рок.
Ты свершил так много...
Кончена дорога:
Людям ты оставишь чистый образ твой...
Даром не пропали
Ни твои печали,
Ни твои исканья истины живой.
Пусть твой голос стихнет,
Пусть твой взгляд не вспыхнет, —
Миру завещаешь душу ты свою:
В каждом светлом слове,
В каждом нежном зове
Будут откликаться на любовь твою.
Все земное сгинет: брось его обломки
И лети за мною, выше и вольней!
У меня глаза Прекрасной Незнакомки,
У меня уста возлюбленной твоей.

Она целует его и откидывает свое покрывало. Он узнает
ту белую женщину, что являлась ему в видении.

Поэт (задыхаясь от любви и усталости)
Ты опять со мной?..

Навея

Посмотри — над крышей —

Видишь — там зажглась зеленая звезда?

(Крупная утренняя звезда смотрит в окно. Луна ушла.)

Вслед за мною — выше — все вольней и выше

Полетим туда!

Поэт

Как Франциск Ассизский, в благодарном гимне

Вдох последний свой тебе, сестра, отдам!

Навея

Знаешь ли ты имя той звезды?

Поэт

Скажи мне?

Навея

Имя ей — Бессмертье! —

Поэт *(счастливо улыбаясь)*

Имя ей — Бессмертье? О, скорей к звездам!

Умирает. Навея целует его в глаза.

Навея

Вот больше ни скорби, ни страдания — нет.

(Исчезает.)

Ночная тишина *(стонет)*

Умер поэт!

Ветер *(врываясь снова, с воплем)*

Умер! Умер поэт!

— Теперь придут похоронные бабушки:

Свечи зажгут, оправят лампадушки...

Любят возиться с мертвыми: это им суций клад!

Живого — всегда проглядят.

Зачитают псалмы погребальные,
Состроют гримасы печальные...
Старайтесь! Настала наша пора.
Только я, Ветер с севера, с севера
Буду плакать над ним до вечера
И с вечера — вплоть до утра!

Москва

20 февраля 1922 года

- [2] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 86, л. 35 — 37 об.
- [6] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 84, л. 19. Ранний вариант:
 Больное утро... Виснут облака / Тяжелой, серой массой над землею, /
 Дождь моросит... Гнетущая тоска / Владеет телом и душою. / Не видно
 солнца: скрывшись в небесах / Оно свой путь невидимо свершает. / Не-
 видимо в свинцовых облаках / Оно свой шар блестящий погружает. /
 Оно исчезнет. В небе не блеснет / Заката луч прощальною улыбкой — /
 Как будто этот день, и солнечный восход, — / Все было только странною
 ошибкой, / Порою так проходит без следа / Жизнь одинокая, печальная,
 пустая... / Жизнь будничных работ, тяжелого труда. / Ее не оживит лю-
 бовь святая. / Она для всех неведомо пройдет, / И ей отрада страсти не
 блеснет, / Хотя на миг прощальною улыбкой; / И скроется она под тяже-
 стью земли, / Как будто эта жизнь и эта смерть прошли / Какой-то стран-
 ною ошибкой. (И РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 86, л. 33, с заголовком «После
 грозы»). Перепечатано в кн.: Русские поэты за 100 лет / Сост. Сальников.
 СПб.: Изд-во Губинского, 1901. Последние строки идентичны окончанию
 стихотворения «После грозы» («Гроза прошла. Был гнев ее не долгов...»),
 РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 86, л. 23.
- [7] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 84, л. 46; ед. 86, л. 24 и 33 об.; перепечатано в кн.:
 За тридцать лет. Образцы новой русской поэзии / Сост. Авенариус.
 СПб.: Изд-во Луковникова, 1900.
- [11] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 86, л. 25, 35. Перепечатано в кн.: Русские поэты
 за 100 лет / Сост. Сальников. СПб.: Изд-во Губинского, 1901. [11] и [12]
 перепечатаны в кн.: За тридцать лет. Образцы новой русской поэзии /
 Сост. Авенариус. СПб.: Изд-во Луковникова, 1900.
- [13] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 84, л. 138 — 139.

- [17] ОР ГПБ. Ф. 124, ед. 4971. РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 84, л. 56; 85, 26 об., 86, 34 об., иногда под заглавием «Мой катехизис». ОР ГПБ. Ф. 41, ед. 1482. Романс Н. Сасс-Тиссовского «Я хочу быть свободной», для сопрано, слова Щепкиной-Куперник (с дарственной надписью «От композитора», 1902).
- [18] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 86, л. 35.
- [19] ОР ГПБ. Ф. 124, ед. 4971. Помечено «1890»; перепечатано в кн.: Русские поэты за 100 лет / Сост. Сальников. СПб.: Изд-во Губинского, 1901.
- [23] Музей им. Бахрушина. Ф. 313, ед. 762. Вариант карандашом: «Коснулась я тихо рукою / Твоей трепетавшей холодной руки. / Как были в тот миг мы с тобой далеки, / Как мы были близки!.. / И жег меня взгляд твой, как жжет поцелуй; / Я знаю — мы чувством одним трепетали. / „Прощайте!“ спокойно уста прошептали, / Глаза же сказали: „Люблю, не тоскуй!“».
- РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 84, л. 7. Вариант: «Моей трепетавшей, холодной руки / Своей ты коснулся рукою, / Как близки мы были с тобою, / Как были с тобой мы тогда далеки!..» (1888).
- РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 85, л. 7. Вариант: «Моей трепещущей руки...»
- [25] ОР ГПБ Ф. 124 (Ваксель), д. 4971. РГБ ОР. Ф. 489, оп. 1, ед. 40, без последних двух строк.
- [26] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 86, л. 38. РГБ ОР. Ф. 489, оп. 1, ед. 40. Напечатано в газете «Северный курьер» от 12 апреля 1900.
- [27] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 86, л. 39.
- [28] Напечатано в газете «Северный курьер» от 11 июня 1900. № 217.
- [29] Куранты (муз. Алексея Архангельского). М.: Студия, 1910.
- [30] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 97, л. 32.
- [31] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 89, л. 1 (без заглавия). Напечатано в газете «Новое время», № 8175, 29 ноября 1898 г. В декабре 1898 г. А. П. Чехов пишет М. П. Чеховой: «...если увидишь ТЛ, то скажи ей, что ее последнее стихотворение в НВ мне очень понравилось». 26 декабря 1898 Чехов написал Щ.-К.: «...стихотворение [«На кладбище» — Д. Р.]... просто прелесть, одно великолепие. Очень, очень хорошо».
- [32] ОР ГПБ. Ф. 878, ед. 4. Написано на открытке с портретом Бетховена.
- [36] РГБ ОР. Ф. 489, оп. 1, ед. 40.
- [39] Перепечатано в кн.: Женская лирика. Берлин: Мысль, 1923. С. 17.
- [41] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 86, л. 28.
- [43] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94 (тетрадь с вклейками «напечатанных в поврежденных изданиях»), л. 18. Одинаково по содержанию со стихотворением «Вера, надежда, любовь», напечатанным в сборнике «Отзвуки войны» (1915). Fides — Spes — Amor: в пер. с лат. Вера — Надежда — Любовь.

- [43] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94. Тетрадь с вклейками «напечатанных в поврежденных изданиях». Напечатано в альманахе «Солнце России» (1910).
- [51] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 86, л. 29. Слова к песне «Если страдаешь, молчи...», муз. Н. Сасс-Тисовского. С другим заглавием — РГАЛИ. Ф. 1047, оп. 1, ед. 13. Манн, Александр Ипполитович. Тайна. Романс «Если страдаешь, молчи...», слова Т. Л. Щепкиной-Куперник, не позже 1921 г. Автограф, ненапечатано.
- [52] Переведено Ф. Фидлером на нем. «Mit dir in seltenem Vereine» в неизвестной нем. газете от 8 декабря 1912.
- [54] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 88, л. 13; РНБ ОР. Ф. 1051, оп. 1, ед. 41 (Таскин А. В.).
- [55] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 88, л. 61 (без заглавия). Помечено: «Иматра, 11 июня 1905». Переведено Ф. Фидлером на нем. «Der Wasserfall. In vielformiger Einförmigkeit» в неизвестной нем. газете.
- [58] Музей им. Бахрушина. Ф. 313, ед. 98.
- [60] Музей им. Бахрушина. Ф. 313, ед. 780. Стихотворение к музыке М. Д. Шишкина «Что-то прекрасное грубо нарушено...», памяти Комиссаржевской (Нотная библиотека «Экономик» Соколова. СПб., 1910. № 55). То же под заглавием «Чайка убита», мелодекламация, музыка М. Штейнберга. СПб.: Изд-во Давингов.
- [65] Музей им. Бахрушина. Ф. 313, ед. 755. Включено в сцены в стихотворениях для театра Балиева «Летучая мышь» (1914 — 1915). Стихотворение написано «по просьбе М. Н. Ермоловой» (см. кн.: Дурылина С. Н. Мария Николаевна Ермолова. М., 1953. С. 492 — 493). Напечатано как: Песня брюссельских кружевниц. Муз. С. Маляви. Петроград: Северная Лира, 1915. Переведено Юлией Загуляевой на франц. (РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 87, л. 22 — 24; публикация не найдена).
- [66] Музей им. Бахрушина. Ф. 313, ед. 755. Включено в сцены в стихотворении для театра Балиева «Летучая мышь» (1914 — 1915).
- [67] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94 (тетрадь с вклейками «напечатанных в поврежденных изданиях»), л. 23.
- [68] Современная война в русской поэзии. Петроград, 1915. Поправлено по автографу-машинописи в Музее им. Бахрушина. Ф. 98, ед. 579.
- [69] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94 (тетрадь с вклейками «напечатанных в поврежденных изданиях»), л. 17. Напечатано в журнале «Огонек».
- [70] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94 (тетрадь с вклейками «напечатанных в поврежденных изданиях»), л. 16.
- [71] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94, л. 20.
- [73] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 92, л. 1: газетные вырезки за 1913 — 1915 гг. Часть цикла «Волшебная страна».

- [74] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 92, л. 1; газетные вырезки за 1913 — 1915 гг. Часть цикла «Волшебная страна».
- [75] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 92, л. 1; газетные вырезки за 1915 г.
- [76] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94, л. 11.
- [77] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94, л. 11; ед. 92, л. 3; газетные вырезки за 1915 год, 1-я часть цикла «Весна среди камней».
- [78] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 84, л. 69.
- [79] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 84, л. 81 — 84. См. ОР ГПБ. Ф. 124, ед. 4977 (Ваксель). Письма к Юргенсону (1913): «Первое мое стихотворение „Памяти Щепкина“ — моего прадеда — была напечатано в Киевской Газете в ноябре 1888. Напечатано в переработанном виде, „Избранное“ 1954. С. 379 — 381.
- [80] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 84, л. 11, 1889.
- [81] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 84, л. 39, 85, 18.
- [82] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 84, л. 90.
- [83] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 84, л. 129 — 134.
- [84] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 153, л. 2. С эпитафией «написано в возрасте [нрзб]»
- [85] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 84, л. 13, 14. Помечено «1889», с мелкими разночтениями; то же ед. 85, л. 11; ед. 90, л. 12 — 13, и с добавленной конечной строфой: «И осталось нам только с печалью / Формы облак вдали наблюдать, / Чудных теней напрасно искать / Там, за синей далью...» Помечено «1889».
- [86] РГБ ОР. Ф. 331, оп. 64, ед. 2, л. 3. Письмо к А. П. Чехову, октябрь 1893 г.
- [87] РГБ ОР. Ф. 331, оп. 64, ед. 2, л. 5 — 7. Письмо к А. П. Чехову, 11 апреля 1894 г.
- [88] РГБ ОР. Ф. 331, оп. 64, д. 2, л. 17 — 18. Письмо к А. П. Чехову, 8 ноября 1898 г.
- [89] ОР ГПБ. Ф. 703, ед. 2 (К. К. Случевский. Альбом кружка литераторов пятницы. 12 марта 1899), л. 51.
- [90] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 90, л. 43.
- [91] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 88, л. 1; то же РНБ ОР. Ф. 703-2 (К. К. Случевский, Альбом кружка литераторов пятницы) без последних четырех строк.
- [92] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 88, л. 5.
- [93] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94 (тетрадь с вклейками «напечатанных в современных изданиях»), л. 6. Помечено: «Ницца, февраль 1902».
- [94] Печатается по «Песни русских поэтов». Л.: 1988. Т. 2. (Библиотека поэта) О заметке Щепкиной-Куперник «История песни», см. «Избранное». М, 1954. С. 816.
- [95] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 88, л. 27.

- [96] РГБ ОР. Ф. 597 (Охремеко и Депрейсы), оп. 1, ед. 43. «Кантата в честь 100-летия Института инженеров путей сообщения» (1910). Программная карта. «В исполнении кантаты примет участие хор студентов Инст. Инж. Пут. Сообщ., музыка Н. П. <нрзб> ого».
- [97] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 89, л. 98.
- [98] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 88, л. 26.
- [99] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 89, л. 28.
- [100] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94 (тетрадь с вклейками «напечатанных в поврежденных изданиях»), л. 2.
- [101] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94, л. 12. С заглавием «Gruess Gott»; цитируется по РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 138: «Моя жизнь с мужем» (1942) (машинопись, вклеенная в альбом на с. 75, слева фотографии, открытки).
- [102] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 89, л. 27.
- [103] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94, лл. 16 — 18: газетная вырезка. Здесь печатается в сокращенном виде.
- [104] РГБ ОР. Ф. 423 (Н. А. Черногоубов), оп. 8, ед. 35; машинопись, без запятых.
- [105] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94, л. 24.
- [106] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94, л. 27.
- [107] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 88, л. 47; ед. 94, л. 28 (газетная вырезка из «Русского слова». № 297, 1915 (?)).
- [108] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94 (тетрадь с вклейками «напечатанных в поврежденных изданиях»: л. 38).
- [109] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 153, л. 12; 97, л. 36.
- [110] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 90, л. 5; 94, л. 1, газетная вырезка (1910 — 1915 г.).
- [111] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94, л. 3, газетная вырезка 1910 — 1915 г.
- [112] Музей им. Бахрушина. Ф. 292, ед. 1100 (без даты).
- [113] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 89, л. 13; ед. 94, л. 5, газетная вырезка 1910 — 1915 г.
- [114] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 89, л. 108.
- [115] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94 (тетрадь с вклейками «напечатанных в поврежденных изданиях»), л. 28. Напечатано в газете «Утренний Петроград» от 28 мая 1916 г.
- [116] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94 (тетрадь с вклейками «напечатанных в поврежденных изданиях»), л. 28. Напечатано в газете «Утренний Петроград» от 28 мая 1916 г.
- [117] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 94 (тетрадь с вклейками «напечатанных в поврежденных изданиях»), л. 31.
- [118] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 89, л. 80.
- [119] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 89, л. 77 об.

- [120] Музей им. Бахрушина. Ф. 313, ед. 818.
- [121] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 97, л. 1. Помечено «8 окт. 1925 Марья Дмитр. Турчанинова».
- [122] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 97, л. 53—54.
- [123] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 97, л. 55—56. Печатается в сокращенном виде.
- [124] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 97, л. 40.
- [125] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 97, л. 40.
- [126] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 97, л. 50 (неразборчивый черновик).
- [127] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 89, л. 77. Помечено: «Ялта, 1920»; 97, л. 42
- [128] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 97. Пронумеровано Щепкиной-Куперник для публикации 176.
- [129] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 97. Машинопись, помечено «Посвящается Леафилии Биленко, 28 февраля 1928». В последней строке автором слово «новых» вставлено вместе вычеркнутого «бедных».
- [130] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 102, л. 89.
- [131] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 102, л. 57.
- [132] ОР ГПБ. Ф. 1015, ед. 1091 (Остроумова-Лебедева А. П.).
- [133] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 98, л. 61.
- [134] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 104, л. 40.
- [135] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 104, л. 41.
- [136] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 98, л. 56—57.
- [137] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 98, л. 67. Посвящается Маргарите Николаевне Зелениной.
- [138] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, д. 98, л. 34 (неокончено).
- [139] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, д. 102, л. 58.
- [140] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, д. 89, л. 72. Музей им. Бахрушина. Ф. 1, ед. 4981 (в альбоме Бахрушина без даты (там же «Бахрушину» 1924); Ф. 1, ед. 451.
- [141] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 104, л. 45.
- [142] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 104, л. 45.
- [143] Н. М. Любимов. Неувядаемый цвет (воспоминания). М., 2000. С. 352: «Татьяна Львовна прочла мне свою эпиграмму».
- [144] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 104, л. 31.
- [145] Печатается по: Избранное. 1954. С. 397.
- [146] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 104, л. 24; печатается по: Избранное. 1954. С. 397.
- [147] РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 98, л. 13; ОР ГПБ Ф. 124 (Ваксель), ед. 4972: машинопись (автограф: подпись, надпись).
- [148] Печатается по: Избранное. 1954. С. 400.
- [149] Поэма напечатана в ежемесячном журнале «Греза», 1907. Вып. 1. С. 3—7; Вып. 2. С. 28—31; Вып. 3. С. 44—47; Вып. 4. С. 60—62; Вып. 5. С. 71—75;

Вып. 6. С. 89—94; Вып. 7. С. 109—112. Она нигде не перепечатывалась, и рукопись не найдена. Поэтому печатается по журнальному изданию с исправлением явных опечаток и с расставлением знаков препинания в большем соответствии современным нормам. В поэме отражены много фактов из биографии Щепкиной-Куперник (Андрей Ардатов отражает черты ее мужа Н. Б. Полынова) вместе с мотивами из романа «Евгений Онегин». (Если был у Щепкиной-Куперник какой-нибудь комплекс, то именно комплекс Татьяны Лариной.)

- [150] Поэма опубликована в сборнике «Стихи». Берлин: Гамаюн, 1923. Автограф: РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 104, лл. 67—75 (машинопись). О возможности отдельной (от сборника «Стихи») публикации поэмы «Сон зимней ночи» см.: ОР ГПБ. Ф. 868, ед. 27. Письмо Полторацкого Сергея к Т. Л. от 25 мая 1922 в авторском списке публикаций не упоминается. РГАЛИ. Ф. 571, оп. 1, ед. 1264 (автобиография 1944—1946), л. 7—16.

С. 45

1. Татьяна Львовна Щепкина-Куперник в конце 1890-х годов.
2. Сидят: князь Владимир Владимирович Барятинский (1874 — 1941), владелец газеты «Северный курьер», и Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874 — 1952).
Стоят: актриса Лидия Яворская (1872 — 1921) (тогда княгиня Барятинская) и редактор газеты «Северный курьер» Константин Иванович Арабажин (1866 — 1929). 1901 г.

С. 159

1. Маргарита Николаевна Зеленина, дочь актрисы Ермоловой, самая близкая подруга Т. Л. Щепкиной-Куперник. Около 1914 г.
2. Т. Л. Щепкина-Куперник с ее подругой и сотрудницей, актрисой Лидией Яворской. 1901 г.

С. 243

1. Николай Борисович Полянов (1873 — 1939), муж Т. Л. Щепкиной-Куперник, адвокат, редактор журнала «Юрист». *Фотография примерно 1910 г., с надписью «Своей сестре Асе».*
2. Т. Л. Щепкина-Куперник около 1910 г.

- А. П. Чехову («Привет от сердца Авелану...») 169
А. П. Чехову («Неба свод ослепительно синий...») 170
А. П. Чехову («Привет Вам, несравнимый Кум...») 171
«А ветер все шумит в темнеющей аллее...» (Сумерки) 77
Ангелы падшие («Ангелы падшие...») 112
«Ароматного лета цветы...» (Ты) 72
- Бабочки («Как ребенок — что сеткой кисейной...») 192
Без луны («Без луны...») 97
Бельгийские солдатики («Мы дети Бельгии несчастной...») 138
Бессонница («Часы бессонницы ползучей...») 200
«Бесстрастной чередой вперед идут века...» (Вечность) 94
«Бледно-алый час заката...» (Маргаритки) 123
Боги древности («Где сливается алый закат...») 168
Больное утро («Какой печальный день! Нависли облака...») 61
Бояться мы должны... («Бояться мы должны не грозного восстанья...») 87
Будь со мной («На пути моей жизни мне страшно одной...») 60
«Бывали мгновенья — тяжелее свинцового гроба...» (Последнее мгновенье) 234
«Был Петербургом когда-то...» (Петербург... Ленинград) 218
«Быть может, все они по-своему и правы...» (Друзьям) 164
- В бурю («Пред бурной ратью быстрых облаков...») 201
В гамаке («У тебя есть соперник опасный...») 197
В дожде («Дождя седая пелена...») 182
«В краю родном, в краю любимом...» (Памяти М. С. Щепкина) 162
«В лиловом сумраке вагона» («Мне позабыть тебя? Нет, никогда! Ты слышишь...») 50

- «В одни глаза я влюблена...» (Глаза) 98
- «В однообразьи разнообразном...» (Водопад) 121
- «В октябрьских сумерках, когда в мое окошко...» (Маруся) 208
- «В пышном зале, в старом замке...» (Менуэт сожалений) 193
- В родной глуши («Село на Нерли...») 191
- В родных полях («Простор полей родных. Бледнеют краски неба...») 66
- В рождественский вечер («Вечер полон какой-то печальной...») 147
- В соснах («Я на высоком берегу...») 237
- В стране исчезнувших часов 154
- В тумане («Громады дворцов и мостов слезы...») 158
- «В углу запущенного сада...» (Повнянка) 71
- Вдвоем («Шел плавно поезд наш. Мы, у окошка стоя...») 119
- Весна среди камней («Шумная, жалкая — вдруг притихла столица...») 157
- «Ветер с севера, с севера, с севера...» (Сон зимней ночи) 324
- «Вечер полон какой-то печальной...» (В рождественский вечер) 147
- «Вечно новую скорбь — как высказать в новых словах...» 213
- Вечность («Бесстрастной чередой вперед идут века...») 94
- «Взгляни в мои глаза: я — молодость твоя...» (Молодость) 115
- Владыкино («У самых рельсов сад зеленый...») 209
- «Вместе со мною блаженству предаться...» 163
- Во время болезни («И вот — лежу покорно на спине...») 212
- Водопад («В однообразьи разнообразном...») 121
- «Воды ясные несли...» (Последние стихи Н. Б. Полюнову) 226
- «Возлюбите врага... — заповедал Христос...» 79
- «Возьми венок из рифм моих: все грезы...» (Тебе) 95
- Волшебная страна («Мир любви и мечты — необъемлем...») 187
- Волшебная страна («Моя прекрасная страна...») 155
- «Вот, во главе с мадам Яворской...» 175
- «Все нет грозы, но уж свинцовой тучей...» (Перед грозой) 96
- «Вся наша жизнь — огромное кладбище...» (Кладбище грез) 111
- «Выводя свою ровную строчку...» (Песня над рубашкой) 143
- Высокая башня («Ты в высокую башню уйдешь от людей...») 196
- Гаданье («По реке сплывают тихо...») 233
- «Где сливается алый закат...» (Бог древности) 168
- Глаза («В одни глаза я влюблена...») 98
- «Глубоко в тайниках земли...» 62
- Город («Как тяжело больной в зловещем забытии...») 203
- «Гроза прошла. Был гнев ее недолг...» (После грозы) 63

«Громады дворцов и мостов силуэты...» (В тумане) 158

«Громко всюду слово раздавалось прежде...» (Слово) 83

«Да здравствуют все, чьи отважные руки...» (Кантата) 180

«Да, ты права: загадочный Луини...» (К портрету) 181

Далекие могилы («Помянем всех тех, кто убит...») 145

«Две женщины бродили в снежном парке...» 215

«Две жизни у меня, две правды, две души...» 167

Дедушкин кисет («О, дедушкин кисет из бисера и шелку...») 101

«Действительность рукой неутомонной...» (Поцелуй) 73

«Дождя седая пелена...» (В дожде) 182

Дочери горя («Мы — дочери горя, мы бледные тени...») 90

Друзьям («Быть может, все они по-своему и правы...») 164

«Если страдешь — молчи! Тайна — гордость...» (Молчи) 117

Жемчужине русского театра («Корона сломана. Из всех ее жемчужин...») 124

За гранью («Я знаю, что жизнь оборвется земная...») 184

«Зажгла я пред своей прекрасною мечтой...» (Неутасимая лампада) 100

«Закатное солнце, этюды Шопена...» 230

«Зелень яркая бархатных хвой...» (Зимние стихи) 239

Зимние стихи («Зелень яркая бархатных хвой...») 239

«И вот — лежу покорно на спине...» (Во время болезни) 212

«И вот опять я в режиссерской...» (Лирический порыв) 199

«И вот я перелистываю вновь...» 228

«Из-за каменных, крепких, таинственных стен...» (Noli sperare) 88

«Истощена земля: не в силах хлеба дать...» (Неурожай) 86

«Итак, у Вас колхоз „Тревога“...» 223

К портрету («Да, ты права: загадочный Луини...») 181

«Как много людей я встречаю...» 185

«Как ребенок — что сеткой кисейной...» (Бабочки) 192

«Как тяжело больной в зловещем забытии...» (Город) 203

«Как тяжело нести коромысло дней...» (Коромысло дней) 227

«Какой печальный день! Нависли облака...» (Больное утро) 61

Кантата («Да здравствуют все, чьи отважные руки...») 180

Кисе («Наша жизнь как полный водоем...») 225

Кладбище грез («Вся наша жизнь — огромное кладбище...») 111
«Когда подходили мы к концу своей дороги...» 242
Коромысло дней («Как тяжело нести коромысло дней...») 227
«Корона сломана. Из всех ее жемчужин...» (Жемчужине русского театра) 124
«Кто может молиться — отраду найдет...» (Fides — Spes — Amor) 108
Куранты («Песенка старых курантов...») 89

Лебеди («То были два мирных Иксельских пруда...») 140
Лебедь («Черная лебедь, стройная лебедь...») 221
«Лес рубят молодой, еще зеленый лес...» (Рубка леса) 190
Липа («Моя липа красавица, ее ветки так зелены...») 217
Лирический порыв («И вот опять я в режиссерской...») 199
«Лысины... Манные кашки...» (Узкое в марте (à la Pasternak)) 222

Маргаритки («Бледно-алый час заката...») 123
Маруся («В октябрьских сумерках, когда в мое окошко...») 208
Марьянна Болховская («Марьянна Львовна Болховская...») 245
«Меж поэтических жемчужин...» (Парнасу) 174
Менуэт сожалений («В пышном зале, в старом замке...») 193
Мечта («Прекрасной бабочкой была моя мечта...») 76
«Милый друг, мне холодно — устала я...» (Милый друг) 183
«Мир любви и мечты — необъемлем...» (Волшебная страна) 187
«Мне не спится. Метаюсь тоскливо я...» 173
«Мне позабыть тебя? Нет, никогда! Ты слышишь...» («В лиловом сумраке вагона») 50
«Мне снилось — я в гробу очнулась...» (Сон) 114
«Мне снился странный сон...» (На крыльях сна) 65
Мой портрет («Сам Пушкин проложил мне след...») 161
«Мой рыцарь уехал на белом коне...» (Песня за игрой в мяч) 149
Молодость («Взгляни в мои глаза: я — молодость твоя...») 115
Молчи («Если страдаешь — молчи! Тайна — гордость...») 117
«Моя липа красавица, ее ветки так зелены...» (Липа) 217
«Моя прекрасная страна...» (Волшебная страна) 155
Музыка («На углу проспекта слышен скрипки плач...») 207
Музыка («С тех пор, как древле власть разгеванной святыни...») 93
«Мы в аллее темнотой гуляли вдвоем...» (Четыре стиля) 165
«Мы дети Бельгии несчастной...» (Бельгийские солдатики) 138
«Мы — дочери горя, мы бледные тени...» (Дочери горя) 90
«Мы шли на кладбище. Осенний день был светел...» (На кладбище) 92

- «На грани сна и жизни, в час туманный...» (Тени) 109
- «На землю редко и неожиданно...» 172
- На кладбище («Мы шли на кладбище. Осенний день был светел...») 92
- На крыльях сна («Мне снился странный сон...») 60
- «На пути моей жизни мне страшно одной...» (Будь со мной) 60
- На родине («От павших твердынь Порт-Артура...») 177
- На смерть В. Ф. Комиссаржевской («Что-то прекрасное грубо
разрушено...») 126
- На станции («С каким страданием гляжу я в этот раз...») 58
- «На углу проспекта слышен скрипки плач...» (Музыка) 207
- «Наука не моя стихия...» (Экспромпт) 206
- «Наша жизнь как полный водоем...» (Кисе) 225
- Наши балконы («У нас с тобою были два балкона...») 156
- «Не все ль равно...» 231
- «Не мне, не мне сплести на гроб ему цветы...» (У могилы А. П. Чехова) 127
- «Неба свод ослепительно синий...» (А. П. Чехову) 170
- Неугасимая лампада («Зажгла я пред своей прекрасною мечтой...») 100
- Неурожай («Истощена земля: не в силах хлеба дать...») 86
- «Ночь мне кажется старой темной гравюрой...» 235
- «Нужны мне только эти очи...» (Сильнее поцелуя...) 99
- «О Афродита, мать Красоты...» (Прощание Лаисы) 106
- «О Бельгии счастливой небеса...» (Песня брюссельских кружевниц) 135
- «О дедушкин кисет из бисера и шелку...» (Дедушкин кисет) 101
- «О как я счастлива, что ты меня не любишь...» 195
- «О немного стремленья...» (Excelsior) 116
- Обезумевшим («Опомнитесь, люди! Опомнитесь, братья...») 204
- «Одиннадцатый год пошел недавно мне...» (Страничка прошлого) 166
- Ожидание («Шелест любимых шагов слышен сквозь шелест листвы...») 198
- «Она стояла на своем крыльце, смутная дочь Востока...» (Суламита) 176
- «Опомнитесь, люди! Опомнитесь, братья...» (Обезумевшим) 204
- «От павших твердынь Порт-Артура...» (На родине) 177
- Памяти И. И. Левитана («Я посетила их, те мирные места...») 129
- Памяти М. С. Щепкина («В краю родном, в краю любимом...») 162
- Памяти неизвестной героини («После страшной мировой войны...») 240
- Парнасу («Меж поэтических жемчужин...») 174
- Перед грозой («Все нет грозы, но уж свинцовой тучей...») 96
- «Песенка старых курантов...» (Куранты) 89

- Песня брюссельских кружевниц («О Бельгии счастливой небеса!...») 135
- Песня за игрой в мяч («Мой рыцарь уехал на белом коне...») 149
- Песня над рубашкой («Выводя свою ровную строчку...») 143
- Песня сторожа («Полдень бьет!...») 150
- Петербург («Хоть горизонт затянут темной тучей...») 132
- Петербург... Ленинград («Был Петербургом когда-то...») 218
- Письмо («Письмо оттуда...») 148
- «Пишу тебе из нашего прекрасного далека...» 67
- «По реке сплывают тихо...» (Гаданье) 233
- Повилика («В углу запущенного сада...») 71
- «Полдень бьет!.. (Песня сторожа) 150
- «Помянем всех тех, кто убит...» (Далекие могилы) 145
- Посвящение («Тебе стихи мои, тебе, мой добрый гений...») 49
- Посвящение («Я ведала восторг, рожденный вдохновеньем...») 105
- После грозы («Гроза прошла. Был гнев ее недолог...») 63
- «После страшной мировой войны...» (Памяти неизвестной героини) 240
- Последнее мгновенье («Бывали мгновенья — тяжелее свинцового гроба...») 234
- Последние песни («Так хочешь услышать ты их...») 216
- Последние стихи Н. Б. Полюнову («Воды ясные несли...») 226
- Поцелуй («Действительность рукой неугомонной...») 73
- «Пред бурной ратью быстрых облаков...» (В бурю) 201
- Пред грозным призраком войны... 202
- «Прекрасной бабочкой была моя мечта...» (Мечта) 76
- «Привет Вам, несравнимый Кум...» (А. П. Чехову) 171
- «Привет от сердца Авелану...» (А. П. Чехову) 169
- Пробивает дорогу («Пробивает дорогу ручьишко в снегу...») 238
- «Простор полей родных. Бледнеют краски неба...» (В родных полях) 66
- Прощание Лаисы («О Афродита, мать Красоты!..) 106
- Рубка леса («Лес рубят молодой, еще зеленый лес...») 190
- «С каким страданием гляжу я в этот раз...» (На станции) 58
- «С тех пор как древле власть разгневанной святыни...» (Музыка) 93
- «С тобою редкие мгновенья...» (С тобою) 118
- «Сам Пушкин проложил мне след...» (Мой портрет) 161
- В родной глуши («Село на Нерли...») 191
- Сильнее поцелуя... («Нужны мне только эти очи...») 99
- Синие глаза («Синие глаза, — синие, как море...») 122
- «Скажи, где старых лип душистая аллея...» (Amoroso) 78

- «Сквозь неизвестность замкнутых дверей...» (Сквозь сон) 186
- Сквозь сон («Сквозь неизвестность замкнутых дверей...») 186
- Слово («Громко всюду слово раздавалось прежде...») 83
- Смерть («Я смерти не боюсь. Увенчана цветами...») 64
- «Солнце отражается в мокром асфальте...» 214
- Сон («Мне снилось — я в гробу очнулась...») 114
- Сон зимней ночи («Ветер с севера, с севера, с севера...») 324
- Страничка прошлого («Одиннадцатый год пошел недавно мне...») 166
- «Судьба плетет узоры смело...» 205
- Суламита («Она стояла на своем крыльце, смутная дочь Востока...») 176
- Сумерки («А ветер все шумит в темнеющей аллее...») 77
- «Так хочешь услышать ты их...» (Последние песни) 216
- «Твоей трепетавшей холодной руки...» 80
- Твои глаза («Твои глаза изменчивы, как море...») 75
- «Твои глаза изменчивы, как море...» (Твои глаза) 75
- «Твой благотворный ум мне силы придает...» (SEMPER EXCELSIOR) 56
- Тебе («Возьми венок из рифм моих: все грезы...») 95
- «Тебе стихи мои, тебе, мой добрый гений...» (Посвящение) 49
- Тени («На грани сна и жизни, в час туманный...») 109
- «Тех, в ком сердце полно усталости...» 232
- «Тихий, теплый, ароматный...» 131
- «То были два мирных Иксельских пруда...» (Лебеди) 140
- Той, которой уж нет («Я вас люблю за все: люблю за хрупкость стана...») 125
- Ты («Ароматного лета цветы...») 72
- «Ты в высокую башню уйдешь от людей...» (Высокая башня) 196
- У могилы А. П. Чехова («Не мне, не мне сплести на гроб ему цветы...») 127
- «У нас с тобою были два балкона...» (Наши балконы) 156
- «У самых рельсов сад зеленый...» (Владыкино) 209
- «У тебя есть соперник опасный...» (В гамаке) 197
- Узкое в марте (à la Pasternak) («Лысины... Манные каши...») 222
- «Умремте ж под Москвой...» 236
- «Француженки и шведки...» 179
- Хорошо («Хорошо! Хорошо, что земля залита...») 120
- «Хоть горизонт затянут темной тучей...» (Петербург) 132
- Часики («Часы не идут. Механизм часовой...») 70

«Часы бессонницы ползучей...» (Бессонница) 200
«Часы не идут. Механизм часовой...» (Часики) 70
«Черная лебедь, стройная лебедь...» (Лебедь) 221
Четыре стиля («Мы в аллее темнотой гуляли вдвоем...») 165
«Что-то прекрасное грубо разрушено...» (На смерть В. Ф. Комиссаржевской) 126

«Шел плавно поезд наш. Мы, у окошка стоя...» (Вдвоем) 119
«Шелест любимых шагов слышен сквозь шелест листвы...» (Ожидание) 198
«Шумная, жалкая — вдруг притихла столица...» (Весна среди камней) 157

Экспромпт («Наука не моя стихия...») 206

«Я вас люблю за все: люблю за хрупкость стана...» (Той, которой уж нет) 125
«Я ведала восторг, рожденный вдохновеньем...» (Посвящение) 105
«Я замкнула себя самовольно...» (Я хочу...) 113
«Я знаю, что жизнь оборвется земная...» (За гранью) 184
«Я на высоком берегу...» (В соснах) 237
«Я посетила их, те мирные места...» (Памяти И. И. Левитана) 129
«Я смерти не боюсь. Увенчана цветами...» (Смерть) 64
Я хочу... («Я замкнула себя самовольно...») 113
«Я хочу быть свободной» 85
«Я хочу быть свободной, как ветер степей...» (Credo) 74

Amoroso («Скажи, где старых лип душистая аллея...») 78

Credo («Я хочу быть свободной, как ветер степей...») 74

Excelsior («О, немного стремленья!...») 116

Fides — Spes — Amor («Кто может молиться — отраду найдет...») 108

Noli sperare («Из-за каменных, крепких, таинственных стен...») 88

SEMPER EXCELSIOR («Твой благотворный ум мне силы придает...») 56

Дональд Рейфилд. Забытая поэтесса: жизнь и поэзия Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник	3
--	---

Из сборников

Из сборника «Из женских писем» (1898, 1903)	
1. Посвящение	49
<i>Из женских писем</i>	
2. «В лиловом сумраке вагона»	50
3. «SEMPER EXCELSIOR»	56
4. На станции	58
5. Будь со мной	60
6. Больное утро	61
7. «Глубоко в тайниках земли...»	62
8. После грозы	63
<i>Из цикла «Фантазии»</i>	
9. Смерть	64
<i>Из цикла «Японские миниатюры»</i>	
10. На крыльях сна	65
<i>Из цикла «Акварели»</i>	
11. В родных полях	66
<i>Из цикла «Из летних писем»</i>	
12. «Пишу тебе из нашего прекрасного далека...»	67
13. Часики	70
<i>Из цикла «Из песен любви»</i>	
14. Повилика	71
15. Ты	72
16. Поцелуй	73
17. Credo	74
18. Твои глаза	75
19. Мечта	76
20. Сумерки	77
21. Amoroso	78
22. «Возлюбите врага... — заповедал Христос...»	79
23. «Твоей трепетавшей холодной руки...»	80

Из сборника «Мои стихи» (1901)	
24. Слово	83
25. «Я хочу быть свободной»	85
26. Неурожай	86
27. Бояться мы должны... ..	87
28. Noli sperare	88
29. Куранты	89
30. Дочери горя	90
31. На кладбище	92
32. Музыка	93
33. Вечность	94
<i>Из прежних снов</i>	
34. Тебе	95
35. Перед грозой	96
36. Без луны	97
37. Глаза	98
38. Сильнее поцелуя... ..	99
39. Неутасимая лампада	100
<i>Страничка жизни</i>	
40. Дедушкин кисет	101
Из сборника «Облака»	
41. Посвящение	105
<i>Разрозненные страницы</i>	
42. Прощание Лаисы	106
43. Fides — Spes — Amor	108
44. Тени	109
<i>Из цикла «Цветы воспоминаний»</i>	
45. Кладбище грез	111
46. Ангелы падшие	112
47. Я хочу... ..	113
48. Сон	114
49. Молодость	115
50. Excelsior	116
<i>Сны радости</i>	
51. Молчи	117
52. С тобою... ..	118
53. Вдвоем	119
54. Хорошо	120

55. Водопад	121
<i>Посвящения</i>	
56. Синие глаза	122
57. Маргаритки	123
58. Жемчужине русского театра	124
<i>Дорогим ушедшим</i>	
59. Той, которой уже нет	125
60. На смерть В. Ф. Комиссаржевской	126
61. У могилы А. П. Чехова	127
62. Памяти И. И. Левитана	129
<i>Из цикла «Сказки Мариок»</i>	
63. Тихий, теплый, ароматный	131
<i>Из цикла «Из записной книжки»</i>	
64. Петербург	132
<i>Из сборника «Отзвуки войны»</i>	
65. Песня брюссельских кружевниц	135
66. Бельгийские солдатики	138
67. Лебеди	140
68. Песня над рубашкой	143
69. Далекие могилы	145
70. В рождественский вечер	147
71. Письмо	148
<i>Из цикла «Польше»</i>	
72. Песня за игрой в мяч	149
73. Песня сторожа	150
<i>Из сборника «Стихи» (1923)</i>	
<i>Из цикла «Страна исчезнувших часов»</i>	
Вместо предисловия	153
74. В стране исчезнувших часов	154
75. Волшебная страна	155
76. Наши балконы	156
<i>Из цикла «Петербург»</i>	
77. Весна среди камней	157
78. В тумане	158

79.	Мой портрет	161
80.	Памяти М. С. Щепкина (Ко дню его 100-летнего юбилея) ...	162
81.	«Вместе со мною блаженству предаться...»	163
82.	Друзьям	164
83.	Четыре стиля	165
84.	Страничка прошлого (из воспоминаний детства)	166
85.	«Две жизни у меня, две правды, две души...»	167
86.	Боги древности	168
87.	А. П. Чехову («Привет от сердца Авелану...»)	169
88.	А. П. Чехову («Неба свод ослепительно синий...»)	170
89.	А. П. Чехову («Привет Вам, несравнимый Кум...»)	171
90.	«На землю редко и неожиданно...»	172
91.	«Мне не спится. Метаюсь тоскливо я...»	173
92.	Парнасу	174
93.	«Вот, во главе с мадам Яворской...»	175
94.	Суламита	176
95.	На родине	177
96.	«Француженки и шведки...»	179
97.	Кантата	180
98.	К портрету	181
99.	В дожде	182
100.	Милый друг	183
101.	За гранью	184
102.	«Как много людей я встречаю...»	185
103.	Сквозь сон	186
104.	Волшебная страна (Лирическое интермеццо)	187
105.	Рубка леса	190
106.	В родной глуши	191
107.	Бабочки	192
108.	Минуэт сожалений	193
109.	«О как я счастлива, что ты меня не любишь...»	195
110.	Высокая башня	196
111.	В гамаке	197
112.	Ожидание	198
113.	Лирический порыв	199
114.	Бессонница	200
115.	В бурю	201
116.	Пред грозным призраком войны... ..	202
117.	Город	203

118. Обезумевшим	204
119. «Судьба плетет узоры смело...»	205
120. Экспромпт	206
121. Музыка	207
122. Маруся	208
123. Владыкино	209
124. Во время болезни	212
125. «Вечно новую скорбь — как высказать в новых словах...»	213
126. «Солнце отражается в мокром асфальте...»	214
127. «Две женщины бродили в снежном парке...»	215
128. Последние песни	216
129. Липа	217
130. Петербург... Ленинград	218
131. Лебедь	221
132. Узкое в марте (à la Pasternak)	222
133. «Итак, у Вас колхоз „Тревога“»	223
134. Кисе	225
135. Последние стихи Н. Б. Плынову	226
136. Коромысло дней	227
137. «И вот я перелистываю вновь...»	228
138. «Закатное солнце, этюды Шопена...»	230
139. «Не всё ль равно...»	231
140. «Тех, в ком сердце полно усталости...»	232
141. Гаданье	233
142. Последнее мгновенье	234
143. «Ночь мне кажется старой темной гравюрой...»	235
144. «„Умремте ж под Москвой...»	236
145. В соснах	237
146. Пробивает дорогу	238
147. Зимние стихи	239
148. Памяти неизвестной героини	240
149. «Когда подходим мы к концу своей дороги...»	242

Поэмы

150. Марьянна Болховская	245
151. Сон зимней ночи	324

Примечания	339
Список иллюстраций	346
Алфавитный указатель стихотворений и поэм	347

Литературно-художественное издание

ЩЕПКИНА-КУПЕРНИК Татьяна Львовна

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Ответственный редактор *О. Старикова*

Компьютерная верстка: *Г. Сенина*

ОБЪЕДИНЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

101000, Москва, Кривоколенный пер., д. 10, стр. 6а

Факс: (495) 621-9852; тел.: (495) 744-3170; e-mail: info@ogi.ru

Книги издательства ОГИ можно приобрести:

м. «Чистые Пруды», Кривоколенный пер., д. 10, стр. 5,

кафе «Билингва», тел.: (495) 623-6683;

м. «Чистые Пруды», Потаповский пер., д. 8/12, стр. 2,

клуб «Проект О.Г.И.»;

кафе «Пирог»: м. «Площадь Революции»/«Лубянка»,

ул. Никольская, д. 19/21,

м. «Охотный Ряд»/«Театральная», ул. Большая Дмитровка,

д. 12/1, стр. 1; м. «Перово», Зеленый просп., д. 5/12;

м. «Китай-город», Новая площадь, д. 14,

кафе «Нейтральная территория», тел. (495) 621-2737.

Оптовые продажи: тел. (495) 744-3171, e-mail: info@ogi.ru

Подписано в печать 25.09.2007.

Формат 60×84 1/16. Объем 22,5 п. л. Гарнитура Baltica.

Бумага офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 932.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13